

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2010 – 12 (222)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2010**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Мальшева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *Д.Е. Фурман* – д-р ист. наук, *В.Н. Сченсович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2010. – № 12 (222). – 176 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дмитрий Медведев.</i> Россия должна стать привлекательной.....	5
<i>Георгий Малинецкий.</i> Проектирование будущего и модернизация России	14
<i>Равиль Гайнутдин.</i> Россия и исламский мир: Взаимодействие через тесное сотрудничество. (Из доклада на международной конференции «Россия и исламский мир»)	42
<i>Татьяна Литвинова.</i> «Информационный джихад» в Глобальной сети.....	49
<i>Лилия Ашрафуллина.</i> Роль Татарстана в создании евразийского имиджа России	55
<i>Максуд Садигов.</i> Дагестан: Интеграция светского и религиозного знания.....	59
<i>Камалудин Гаджиев.</i> Станет ли Азербайджан вторым Кувейтом?.....	64
<i>Георгий Рудов.</i> Россия – Центральная Азия и радикальный ислам	71
<i>Е. Ионова.</i> Политический кризис в Киргизии.....	75
<i>М. Акилова.</i> Мировая демократия и Таджикистан	82
<i>М. Худоеров.</i> Исмаилизм на постсоветском Памире	87
<i>А. Грозин.</i> Элиты Туркменистана и центральноазиатские кланы: Общее, особенное и трудности модернизации	94
<i>Елена Пономарева, Георгий Рудов.</i> Межэтнические отношения как фактор нестабильности в странах Центральной Азии	106
<i>Георгий Рудов.</i> Роль Турции и Ирана в Центральной Азии	114
<i>Стивен Бидл, Фотини Кристиа, Александер Тайер.</i> Что такое успех в Афганистане? (Какой вариант приемлем для Соединенных Штатов?)	119

<i>Н. Кисовская.</i> Ислам в Западной Европе (межрелигиозный диалог)	132
<i>Дмитрий Нечитайло.</i> «Аль-Каида» в Йемене	146
<i>Г. Валиахметова.</i> Современные трактовки джихада	157
Список статей, опубликованных в бюллетене «Россия и мусульманский мир» в 2010 г.	167

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

Дмитрий Медведев,
Президент Российской Федерации
РОССИЯ ДОЛЖНА СТАТЬ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОЙ

Мы изменились, потому что изменился весь мир. Мир, который мы видим сегодня, совсем не похож на мир образца пятилетней и даже годичной давности. Рухнуло то, что казалось незыблемым. Лопнули пузыри, создававшие иллюзию процветания. Испарились мифы, казавшиеся реальностью. С начала кризиса в финансовом секторе было списано около 1,8 трлн. долл., что превосходит размеры ВВП подавляющей части стран зоны евро. Эти списания вдвое больше, чем размер антикризисного фонда, который недавно был создан Евросоюзом. И это, видимо, не конец – финансовые организации все еще продолжают фиксировать потери.

На мир обрушилась волна разных проблем, сотни, тысячи корпоративных дефолтов. В США за последние два года через процедуры финансового оздоровления прошли примерно 250 банков. За 5 лет, которые предшествовали 2008 г., таких было всего около десятка.

Либерализм в мире, хотим мы того или не хотим, сменился умеренным, а подчас и совсем неумеренным протекционизмом. Высокий рейтинг более не гарантирует инвесторам надежность вложений. Впервые за долгие годы вслух и громко заговорили о необходимости структурных реформ не столько в развивающихся экономиках, но в первую очередь в развитых странах. Еще недавно странно было слышать, что угроза кризиса суверенного долга и бюджетные дефициты будут перехлестывать через край именно в передовых экономиках. Но сегодня это реальность. Мы к этому привыкли.

В этой реальности меняются экономические модели, финансовая архитектура, технологии, социальные институты. Гибкость и адаптивность – это те понятия, которые стали гораздо популярнее

понятий стабильности и предсказуемости. Вполне очевидно, что это не всех радует. Вокруг этого идут очень мощные дискуссии, в том числе в Евросоюзе. Но изменения будут продолжаться. Единственное, что на фоне этих изменений можно утверждать абсолютно точно: мы уже не вернемся назад – к прежнему порядку и к прежним моделям развития.

Для России эта ситуация – и вызов, и возможность. Мы действительно живем в уникальное время. И мы должны использовать его, чтобы построить современную, процветающую и сильную Россию. Россию, которая будет соучредителем нового мирового экономического порядка и полноправным участником коллективного политического лидерства в посткризисном мире.

В течение ближайших десятилетий – это наши планы – Россия должна стать страной, где благополучие и высокое качество жизни граждан обеспечиваются не столько за счет сырьевых источников, сколько интеллектуальными ресурсами: инновационной экономикой, создающей уникальные знания, экспортом новейших технологий, экспортом продуктов инновационной деятельности. Россия должна стать привлекательной страной, куда будут стремиться люди со всего мира в поисках своей особенной мечты, в поисках лучших возможностей для успеха и самореализации, которые Россия сможет дать всем, кто готов принять этот вызов и полюбить Россию как свой новый или как свой второй дом.

Таковы цели нашей модернизации. Эти цели – я в этом абсолютно уверен – реалистичны и достижимы. Главное, что нужно для их претворения в жизнь – это «умная политика», позволяющая, с одной стороны, использовать наши возможности и конкурентные преимущества, а с другой – создающая механизмы постоянного самосовершенствования и развития.

В чем состоит эта политика? Я назову пять ее составляющих.

Первая. Сейчас в нашей стране сложились благоприятные макроэкономические условия для модернизации. В ситуации глобального кризиса мы, конечно, видим и недостатки нашей преимущественно сырьевой экономики. Тем не менее Россия обладает и очевидными преимуществами, которые можно и нужно использовать для развития.

Во второй половине прошлого года нам удалось стабилизировать экономику после тяжелого спада. И уже началось ее постепенное восстановление. Если по итогам второго квартала в прошлом году экономический спад составлял почти 11%, то по итогам

четвертого квартала – уже гораздо меньше – около 4%. Этот год, что для нас, конечно, очень важно, мы начали ростом. Пока темпы восстановления экономики, может быть, не такие вдохновляющие, как мы бы хотели, но это все-таки уже приличные показатели. По данным, которыми мы располагаем, – 4% за 5 месяцев. Нужно наращивать усилия. Есть государства, которые демонстрируют очень быстрое восстановление. Здесь есть чему учиться.

Возросшие сбережения населения поддержали банковский сектор и позволили быстрее стабилизировать ситуацию в экономике. Только депозиты физических лиц выросли за прошлый год более чем на четверть. У нас нет проблем с суверенным долгом – он минимален. Возобновился рост золотовалютных резервов, их сегодняшний уровень – около 460 млрд. долл. Это выше, чем аналогичный показатель конца 2008 г.

После беспрецедентных по масштабам мер поддержки экономики мы переходим к более взвешенной и осторожной бюджетной политике. Самое главное, что бюджетный дефицит контролируется, хотя, конечно, нас он не очень радует. Но он находится в разумных пределах, не подавляет задачи развития и с каждым годом будет уменьшаться. К 2011 г. дефицит федерального бюджета должен составить ориентировочно 4% ВВП, а к 2012 г. – снизиться до 3%. Конечно, если все будет развиваться в рамках нынешних прогнозов. Потому что мы все понимаем, какое количество факторов оказывает влияние на наши экономики и на ситуацию в мировой экономике.

Высокий уровень инфляции на протяжении последних двух десятилетий был одной из самых главных наших проблем. В 2009 г. инфляция существенно затормозилась – примерно до 9%. Конечно, это связано не только с нашими усилиями, но и с общим уменьшением объемов экономики. Но в этом году инфляция продолжает снижаться и сейчас составляет около 6% годовых. Если такие показатели будут выдержаны, то это будет самый минимальный уровень инфляции в России за последние 20 лет. Собственно говоря, за весь период развития нашей страны на принципах рыночной экономики.

Чтобы избежать чрезмерного бюджетного дефицита и долгового кризиса, сегодня многие страны принимают решение о существенном повышении налогов или о сокращении социальных программ и гарантий. И это объяснимые шаги. Но мы исходим из того, что наши социальные обязательства безусловны. Это связано с ситуацией, в которой пребывала наша социальная сфера в по-

следние годы. Мы должны сделать так, чтобы социальные меры по защите наиболее слабых тем не менее не сдерживали прогресс. У нас есть возможность не увеличивать налоговую нагрузку помимо тех решений, которые сегодня уже известны. Более того, в следующем году мы предоставим дополнительные преференции инновационным компаниям. При благоприятных условиях восстановления глобальной и российской экономики в ближайшие годы мы вернемся к вопросу общего снижения налогов для бизнеса. Если, конечно, все будет развиваться по благоприятной схеме.

Второе. Бюджетная политика государства должна стимулировать структурный сдвиг экономики. У нас пока не так много денег в бюджете на структурные преобразования. Но и то, что есть, можно и нужно использовать по-другому – более эффективно и результативно. Поэтому с 2011 г. мы серьезно меняем бюджетную политику. Переориентируем бюджет на реализацию конкретных программ, усиливаем акцент на основные приоритеты развития. Мы приняли сложное и важное решение уйти от практики финансирования бюджетных учреждений, не связанного с результатами их работы. Вместо этого мы профинансируем изменения, улучшения, новые проекты, решения конкретных задач. Например, бюджет оплатит внедрение «электронного правительства» и расширение доступа к широкополосному Интернету, обеспечит гранты для молодых ученых и перспективных исследований, поддержит рост энергоэффективности экономики и коммунальной сферы.

Третье – инвестиционная активность. Очевидно, что она – один из факторов инновационного развития и успешной модернизации нашей экономики. России нужен настоящий инвестиционный бум. И создание комфортных условий для инвесторов, по сути, является нашей важнейшей задачей. Сегодня мы ставим эту задачу в центр наших действий.

Некоторое время назад я изменил правила работы правоохранительных органов в отношении бизнеса. Теперь уже по закону ограничены возможности ареста предпринимателей при расследовании экономических преступлений. Процедуры проверок бизнеса стали более четко регламентированы и обусловлены надзором прокуратуры. Конечно, это не значит, что все проблемы решены, но в любом случае сделаны конкретные и вполне весомые шаги. И эти меры будут продолжены. Потребуется и дополнительные изменения в уголовное законодательство, в уголовно-процессуальные акты, в иное законодательство. Эти изменения я предложу.

В том, что касается улучшения инвестиционного климата, здесь, я также надеюсь, что мы идем вперед. С 1 января этого года упрощен порядок и расширены возможности применения нулевой ставки по налогу на прибыль в отношении дивидендов. Сегодня я готов объявить, что в России с 2011 г. будет полностью отменен налог на прирост капитала при осуществлении долгосрочных прямых инвестиций. Такие инвестиции нам критически необходимы для модернизации национальной экономики. И мы готовы создавать способствующие таким инвестициям институты. Поручаю Правительству проработать идею создания специального инвестиционного фонда, в котором государственные средства будут дополнены частным капиталом. Скажем, на 1 рубль государственных вложений мы рассчитывали бы привлечь 3 рубля частных инвестиций. Фонд будет заниматься привлечением в проекты стратегических инвесторов и софинансировать такие проекты. А их работа будет организована на абсолютно рыночных и прозрачных принципах. Думаю, что такая идея могла бы быть реализована в течение года.

Есть еще одно решение, и соответствующий закон я уже подписал: упрощен миграционный режим для высококвалифицированных специалистов, приезжающих к нам. В частности, для тех, кто будет участвовать в крупных инвестиционных, научных и высокотехнологичных проектах. Мы работаем также над улучшением визовых правил, и надеюсь, что многие гости нашего сегодняшнего форума уже в ближайшее время воспользуются новыми возможностями, чтобы делать бизнес и карьеру в России.

Четвертое. Мы прекрасно понимаем, что современную экономику невозможно построить сверху и по приказу. Сколько бы госкомпаний у нас ни было, модернизация будет проводиться прежде всего силами частного бизнеса. И только при наличии конкуренции. А роль государства – создавать для российских и иностранных предпринимателей благоприятный деловой климат, а также честную конкурентную среду. Когда-то наш нобелевский лауреат по физике академик Петр Капица повторял такую фразу: «Часто думают, что тот, кто сорвал яблоко, тот и сделал главную работу. Тогда как на самом деле это сделал тот, кто посадил яблоно». Государство не должно всегда само рвать яблоки с дерева экономики. Найдется тот, кто может сделать это иногда и лучше, и эффективнее. Но что точно входит в обязанности государства – так это помогать выращивать наш яблоневоый сад, т.е. помогать развивать саму экономику, экономическую среду. Поэтому я сокращаю

перечень стратегических предприятий в пять раз. Число стратегических акционерных обществ уменьшается с 208 до 41, федеральных унитарных предприятий – с 230 до 159. Такой указ мной подписан.

Пятое. Мы понимаем, что международная конкуренция – решающий стимул для нашей модернизации. В тепличных условиях ничего серьезного не вырастет. Поэтому мы хотим конкуренции и готовы к ней.

Россия давно готова к вступлению в ВТО и к присоединению к ОЭСР. Создание Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии, дальнейшее движение к единому экономическому пространству являются нашим сознательным выбором работать в конкурентных условиях. Именно для этого мы все и создаем. И эти направления не противоречат, а дополняют друг друга. Я имею в виду наше членство в ВТО и наш курс на создание Таможенного союза и единого экономического пространства с нашими ближайшими партнерами.

Мы знаем, что конкуренция может быть очень жесткой. Но это означает только то, что нам еще очень многое предстоит сделать, чтобы улучшить систему государственного управления, стимулировать конкурентоспособность не только российской экономики, но и Российского государства, включая конкурентоспособность российской юрисдикции. Эффективной с точки зрения модернизации должна быть и наша внешнеэкономическая политика. Успехи российского бизнеса на мировых рынках, так же как и реальные результаты привлечения инвестиций, технологий, проектов в российскую экономику – вот главные критерии таких инвестиций, такого рода экономической деятельности.

Необходимый для модернизации российской экономики вектор перемен уже задан. Комиссия по модернизации, которую я возглавил почти год назад, активно работает по приоритетным направлениям: это энергоэффективность, космос, атомные, медицинские, информационные технологии. Это все очень важные для нас направления. Когда-то Альберт Эйнштейн сказал: «Все должно быть сделано так просто, как только возможно, но не проще». Именно так мы и намерены действовать. И уже началась реализация десятков конкретных проектов по приоритетным направлениям.

Один из таких примеров – внедрение передовых информационных и коммуникационных технологий. Мы одними из первых запустили беспроводные коммерческие сети четвертого поколения и продолжаем двигаться вперед, наращивая их зону работы и ско-

рость передачи информации. Мы ставим перед собой достаточно амбициозные задачи – увеличить количество пользователей Интернета за несколько лет до самого высокого уровня, может быть, до 90 человек из 100 проживающих в нашей стране.

К 2015 г. Россия полностью завершит переход на цифровой формат телевидения. К этому же времени 60% пользователей в стране будут иметь доступ к широкополосному Интернету. Считаю также формирование национальной платежной системы, развитие Интернета и электронных СМИ важнейшим ресурсом повышения темпов модернизации общества.

Вообще информационные технологии – это одно из ключевых направлений развития демократии. Скорость и качество обратной связи между властью и обществом, технологическое расширение гарантий свободы слова, интернет-технологии в избирательной системе важны для развития политической сферы, политических институтов в нашей стране.

В ряде случаев мы изменяем и нашу практику. Например, приняты решения о возможности применения в России технических стандартов Евросоюза. На это потребовалось определенное время, но, в конце концов, все согласилось, что проще сделать так, чем долго заниматься созданием собственных стандартов. Хотя мы тоже будем это делать. Мы создаем малые инновационные предприятия при университетах, развиваем систему национальных исследовательских университетов. Со следующего года полностью отменяется налог на прибыль для тех организаций, которые предоставляют услуги образования и здравоохранения.

Я также дам поручение Правительству о подготовке новой программы поддержки обучения российских студентов, российских специалистов за рубежом в ведущих исследовательских университетах мира. Эта программа позволит усилить наше взаимодействие с мировой наукой, с мировым образовательным и инновационным сообществом.

Особое значение мы придаем созданию центра российских инноваций в Сколково. Я внес в Государственную думу проект закона, который устанавливает особый правовой режим для этого центра. Здесь заработает уникальная для страны система отбора, реализации, коммерциализации и последующей поддержки инновационных проектов. Я надеюсь, что эта система будет успешной. Мы опробуем ее во всех параметрах: начиная от правовых аспектов и заканчивая новыми принципами партнерства между государ-

ством, бизнесом и наукой. А затем начнем тиражировать эту систему.

Поддержка инноваций, конечно, не должна ограничиваться только центром в Сколково. Со следующего года вводятся существенные налоговые преференции для всех компаний, работающих в инновационной сфере. Однако в том, что создается национальный инновационный центр, есть определенный смысл. Мы исходим из правила, что, реализуя эффективный проект, получаем модель для последующего использования, последующего тиражирования.

За последнее время мы активизировали работу по формированию в России международного финансового центра. Наш интерес очевиден – для модернизации необходима развитая и конкурентоспособная на глобальном уровне национальная финансовая система. Таким образом, развитая финансовая индустрия является для нас и средством, и одной из самостоятельных целей модернизации.

Развитие финансового центра в Москве – хорошее предложение для всего мира. Это, кстати, показывает и мой опыт общения с руководителями крупнейших банков, крупнейших финансовых структур. Мы видим свою роль в том, чтобы совместными усилиями с другими ведущими экономиками мира совершенствовать архитектуру мировой финансовой системы, реформировать международные финансовые организации, создавать новые стандарты регулирования финансовых рынков.

Москва и так де-факто является полноценным финансовым и логистическим центром для всей России. Более 90% всех денежных потоков и подавляющая часть грузов и пассажиров проходят именно через Москву, прежде чем отправиться в глубь страны или за ее пределы. Конечно, в этом есть и преимущества, и недостатки, и довольно большие проблемы. Но с каждым годом в Москве все плотнее концентрируются потоки из разных стран, в том числе СНГ.

Поэтому создание такого центра – логичный этап формирования нового мощного регионального финансового рынка. Уже в ближайшее время мы обсудим этот вопрос с нашими партнерами по Таможенному союзу, по ЕврАзЭС. Развитие московского финансового центра, я надеюсь, позволит существенно укрепить позиции рубля как одной из возможных резервных валют. От общих идей использования рубля в расчетах мы уже перешли к проработке соответствующих деталей с нашими партнерами.

Финансовая система России в целом вполне развита для того, чтобы осуществить это. В частности, несмотря на кризис, размер ее активов по итогам прошлого года составил около триллиона долларов. В Москве уже достаточно хорошо развит публичный финансовый рынок, на котором обращаются акции и облигации многих сотен эмитентов. Ежедневные обороты торгов уже давно измеряются миллиардами долларов. А по производным ценным бумагам Москва сейчас входит в десятку крупнейших мировых рынков. Таким образом, наш рынок весьма насыщен и вполне созрел для дальнейшего роста.

Изменения в законодательстве здесь, конечно, нужны, мы их обсуждаем. Не так давно я проводил в Москве совещание по созданию финансового центра. Какие это изменения? Они должны, во-первых, позволить более комфортно проводить операции на российских торговых площадках, сделать более удобным налогообложение финансовой деятельности. До конца этого года мы планируем принять законы о консолидированной финансовой отчетности, о регулировании деятельности аффилированных лиц, о центральном депозитарии, о национальной платежной системе.

В настоящее время мы завершаем формирование Международного консультативного совета, который, я надеюсь, будет способствовать формированию финансового центра, его становлению. В совет приглашены руководители многих крупнейших банков и финансовых компаний мира.

Конечно, мы люди прагматичные и понимаем, какой долгий путь нам еще нужно пройти для того, чтобы в России возник настоящий конкурентоспособный финансовый центр. Но это как раз и объясняет наше решение активизировать эту работу именно сейчас.

Мы действительно модернизируем Россию. Перемены требуют времени. Но можете не сомневаться, мы это сделаем. Главные решения уже приняты. Значительная часть проектов уже работает.

Россия осознает задачи своего развития и меняется. Меняется и для себя, и для всего мира.

«Стратегия России», М., 2010 г., № 7, с. 5–12.

Георгий Малинецкий,
доктор физико-математических наук,
зам директора по науке ИПМ им. М.В. Келдыша РАН

ПРОЕКТИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

Россия входит в критическое десятилетие. Страна переживает системный кризис, из которого возможен лишь один выход – ускоренное инновационное развитие. В любом ином случае распад страны неизбежен. Если мы не переломим нынешних тенденций, по колеям коих скользит Российская Федерация, нас уже ничто не спасет. РФ не сможет быть даже сырьевым придатком развитого мира. Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнений, что модернизация является одним из императивов развития России. В истории нашей страны подобная задача возникает далеко не впервые. Давайте рассмотрим, что понимается под модернизацией в наши дни. Важнейшей частью этого многогранного понятия является прорыв в научно-технической сфере, в области высоких технологий. Архимед полагал, что он перевернет Землю, если ему предоставят точку опоры. Модернизация России также должна была бы иметь точку опоры в научном, образовательном, экспертном и технологическом пространстве России.

Что могло бы стать такой точкой опоры?

Обращаясь к научной стороне этой задачи, можно увидеть, что она удивительно созвучна дискуссии о путях советской науки между выдающимся советским физиком академиком Л.А. Арцимовичем и математиком, механиком, организатором науки, президентом Академии наук СССР, М.В. Келдышем, которая состоялась более полувека назад. В те далекие годы бурного развития естественных наук, кибернетики возникло ощущение, что пророчество Карла Маркса о том, что наука станет непосредственной производительной силой, уже исполнилось. Символом такого научно-технологического оптимизма стала замечательная книга Станислава Лема «Сумма технологии». Исходя из этой парадигмы, академик Л.А. Арцимович и утверждал, что наука – это удовлетворение собственного любопытства за государственный счет. По сути это ценностная ориентация – не так уж важно, чем заниматься, важно делать это на высоком уровне. Академик М.В. Келдыш придерживался иного взгляда. По его мысли, развитие науки, понимаемой как важный для общества институт, определяется несколькими крупными, важными для страны прикладными задача-

ми. Таких проблем не бывает много. К главным, приоритетным направлениям относились освоение ядерных технологий, создание и совершенствование космических аппаратов и баллистических ракет, разработка компьютеризованных систем управления и связанных с ними программно-аппаратных комплексов. Иными словами, это целевая ориентация на государственном уровне.

Оглядываясь назад, можно сказать, что судьбы мира, ход истории во многом определялись тогда в исследовательских институтах, в лабораториях ученых, на полигонах. Знание, переплавленное в военные технологии, стало силой, способной избавить мир от больших конфликтов. М.В. Келдыш считал, что будущее советской науки – дальний космос. По его мысли, космическая отрасль (в советские времена более 1,5 млн. человек и около 1200 заводов) является высокотехнологичным локомотивом для всей промышленности страны. И сейчас, когда наша страна в течение 18 лет не имеет ни одного аппарата в дальнем космосе и многие технологические возможности оказались утраченными, становится очевидной справедливость этого парадоксального взгляда. Эта тенденция оказалась общемировой. Когда одного из американских президентов спросили, что же США нашли на Луне, он ответил: массу превосходящих микросхем. Крупнейшие центры, занимавшиеся военной проблематикой и вырвавшиеся далеко вперед, стали вносить все больший вклад в фундаментальные исследования, в высокие технологии гражданского сектора экономики.

Принципиальную роль с середины XX в. начало играть компьютерное моделирование. По сути в дополнение к экспериментальному методу и теоретическому изучению добавилась еще одна технология научных исследований – вычислительный эксперимент. Оборонный и экономический потенциал стран начал определяться среди прочего математическими моделями и базами данных, которыми они располагали, и коллективами, которые способны имитировать и изучать на компьютерах процессы различной природы, проектировать и прогнозировать, опираясь на это знание.

Иное можно сказать о приоритетах и об отношении к знанию в 1990–2000-х годах – несмотря на модели, прогнозы, предостережения исследователей, элиты и руководство нашей страны. не приняли их во внимание.

Роль научного предвидения, исторического и стратегического прогноза многократно возросла. Новую реальность, в которую вступит человечество, можно назвать эпохой выбора. Экономиче-

ское, технологическое, социальное развитие позволяет человечеству реализовать различные траектории XXI в. Нашей цивилизации придется осознанно, опираясь на научное предвидение, выбирать желаемый вариант своего будущего и нести ответственность за сделанный выбор. Либо этот выбор будет сделан стихийно, помимо наших планов, желаний, со всеми рисками, которые связаны с таким образом действий. На решение каких задач должна быть направлена промышленная политика нынешней России? Полагаю, что на решение той главной задачи, которую поставил перед элитой России и государственным аппаратом президент нашей страны Дмитрий Анатольевич Медведев. Это эффективное управление Россией в ее нынешних границах. Задача может показаться слишком скромной. Но так ли это? Американский политолог и социолог С. Хантингтон, имеющий большое влияние на американскую администрацию, называет XXI в. эпохой столкновения цивилизаций, временем схватки на геополитической арене за ресурсы. И действительно, мы видим острую конкуренцию и противостояние в экономической, военно-политической, информационной сфере, в пространстве смыслов и ценностей, проектов будущего между крупнейшими геополитическими игроками.

Каковы же нынешние потенциалы разных цивилизаций? Распад СССР стал крупнейшей геополитической катастрофой XX в. В самом деле, до начала горбачёвской перестройки наша страна имела вторую экономику мира. По уровню валового внутреннего продукта (ВВП) – одного из главных макроэкономических показателей – советская экономика в те годы составляла около 60% американской и примерно в пять раз превышала китайскую. Нынешняя российская экономика составляет 6% американской и 1/5 часть китайской. За 25 лет реформ отечественный «экономический слон» (по мировым меркам) превратился в «моську». Преодоление неблагоприятных демографических тенденций будет большой проблемой не только для нынешнего, но и для двух следующих поколений. У нас нет больше возможности брать не умением, а числом. И это тоже предопределяет выбор России в пользу форсированного роста обрабатывающей высокотехнологичной промышленности и инновационного развития. Задача, поставленная президентом РФ, требует точного, современного, эффективного государственного управления, важнейшей частью которой является промышленная политика. И одна из главных целей модернизации – обеспечить такое управление.

К сожалению, приходится констатировать, что у нас до сих пор нет промышленной политики. Сейчас мы все еще обсуждаем продвижение в той работе, которая должна была быть сделана 20 лет назад. (Поразительно, что в России до сих пор приходится кого-то убеждать в необходимости промышленной политики.) Более того, промышленная политика должна согласовываться с экономической, оборонной, социальной, региональной, технологической, образовательной и научной политиками. Это диктует и системный подход, и здравый смысл. Но, может быть, и без этого дела идут отлично? К сожалению, нет. «Кризис» в переводе означает суд, испытание, экзамен. Реакция российской экономики на первую волну кризиса, имевшую место в 2009 г., и определила оценку той либеральной экономической политики, которая проводится в стране в последние 20 лет. Оценка эта – «неудовлетворительно». Проводимая ныне политика – прямое продолжение той, которая начиналась правительством Е. Гайдара в годы шоковых реформ. Все вы помните его слова о том, что наука у нас серая и все, что нам надо будет, мы купим за границей. И попытка «купить Кремниевую долину» – проект «Сколково», о котором я еще буду говорить в этой статье более подробно, – это порождение тех же рыночных иллюзий, того же неверия в отечественную науку и тех же комплексов государственной неполноценности. А иллюзий в отношении «покупки» высоких и не очень высоких технологий уже быть не должно. Достаточно напомнить, что в 2009 г. в продаже «Опеля» и электронной фирмы «Инфинум» Германией было России отказано. Так что дружба дружбой в нынешнем мире, а высокие технологии врозь.

У руля российской экономики стоят люди того же круга, что в начале катастрофических реформ 1990-х. Знаковой фигурой здесь является А.Б. Чубайс. Известные приватизация и ваучеры, за которые «можно было купить по две “Волги”», «блестящие» успехи электроэнергетики России (которые после Саяно-Шушенской катастрофы стали всем очевидны), «огромные» достижения «Роснано» дают полную уверенность в «сокрушительном» успехе проекта «Сколково», за который взялся этот «эффективный менеджер».

Падение ВВП за 2009 г. составило более 8% (объем перевозок грузов по железным дорогам сократился на 20%). Это падение ВВП более чем вдвое превышает американские показатели и примерно вшестеро общемировые. Но ряд стран не только успешно пережили кризис, но и продвинулись в развитии своих экономик.

Свой ВВП за 2009 г. несколько увеличила Бразилия, на 6% выросла за время кризиса Индия, на 8% – Китай. Разная экономическая политика, разные результаты. Очень интересно, как бессменный (работающий на этом посту в течение десяти лет) министр финансов А. Кудрин прокомментировал успех Китая: «Недавно беседовал с нобелевским лауреатом Эдмундом Фелпсом. Он сказал, что в Китае некапиталистическая экономика, потому что большая часть инвестиций идет со стороны государства. Во время кризиса, когда во всех экономиках мира количество денег упало, у них оно выросло». Так вот оно в чем дело! Ребята играют не по правилам! Поэтому у них все хорошо. А мы делаем все «по-честному», покапиталистически, и на Западе нас за это хвалят. Но результаты значительно скромнее.

Напомню весьма критическую оценку действий правительства РФ, данную президентом. Значительная часть из 200 млрд. долл., выделенных на «поддержку ликвидности», «финансовую стабилизацию», так и не дошла до реального сектора. В то же время 200 млрд. – это 10 млн. рабочих мест с зарплатой в 20 тыс. руб. в месяц на три года. Впрочем, за время кризиса число долларовых миллиардеров почти удвоилось, поэтому «поддержка ликвидности» дала свои плоды. Не за горами следующая волна кризиса, которая будет проходить на фоне стагнации экономики. Тяжелым временем, связанным с большими социально-политическими рисками, будут 2014–2015 гг. К этому времени хотелось бы не только убедить политический класс России в необходимости промышленной стратегии и политики, но и самым активным образом воплощать ее в жизни.

Перед Россией стоит вызов исторического масштаба. Вспомним опыт российских модернизаций. Известны идеи Петра I о том, что Россия должна в течение 30 лет взять те технологии, которые создал и развил Запад, а после этого к нему можно будет повернуться задом. Промышленность России, по его мысли, должна была быть способна лить пушки, строить корабли, ставить крепости, говоря нынешним языком, поддерживать оборонный комплекс на современном уровне ведущих в то время стран. Модернизация – тяжелое дело, требующее от народа и элиты сверхусилий. И предпринимают ее не от хорошей жизни, а сообразуясь с вызовами, которые ставят под угрозу само существование общества и государства. Обычно такие перспективы осознаются, когда возникает перспектива большой войны. Экзаменом для петровской модернизации стали война со Швецией и Полтавская битва. Рос-

сия успешно сдала этот геополитический и геоэкономический экзамен. Ленинская модернизация также имела ясные промышленные ориентиры. В ходе построения социализма должны были быть решены задачи индустриализации, коллективизации и культурной революции. Напомню чеканную формулировку: «Коммунизм – это Советская власть плюс электрификация всей страны». Реализация промышленной политики, потребовавшая сверхусилий от советского народа и также проходившая на фоне мирового кризиса, дала желаемые результаты. Страна преобразилась и смогла выстоять в Великой Отечественной войне. Экзамен был сдан.

Сейчас перед Россией стоят проблемы того же масштаба, как и во времена, предшествовавшие петровской и ленинской модернизациям. И вновь растет геоэкономическая и геополитическая нестабильность всей мировой системы, а с нею и риски крупномасштабных военных конфликтов, острого соперничества старых и новых центров силы, нового передела мира.

В настоящее время основой для промышленной политики является стратегический прогноз или, более точно, технологии проектирования будущего. Будущее не предопределено, и наши сегодняшние действия могут увеличить вероятность реализации одних из его вариантов и уменьшить вероятность реализации других. За прошедшие века значение предвидения и возможности прогнозирования многократно возросли. В этой области в последние 30 лет XX в. произошла научная революция. Она связана с теорией самоорганизации, или с синергетикой, с одной стороны, и с огромными возможностями компьютерного моделирования – с другой. За время существования компьютеров их быстроедействие возросло в 100 млрд. раз. Ни одна отрасль промышленности не знала такого стремительного прогресса своей продукции, как компьютерная индустрия. В США есть более 50 мозговых центров, занимающихся проектированием будущего в целом и альтернативными вариантами стратегий промышленного развития в частности. В стране ежегодно проводится около 30 общенациональных конференций, посвященных этим проблемам. По этому пути уверенно идут Япония, Германия, Финляндия, Франция, многие другие страны, опирающиеся в формировании своей промышленной и инновационной политики на возможности науки.

Эта важнейшая работа имеет две ипостаси. С одной стороны, она ориентирует лиц, принимающих решения на государственном и региональном уровне, на уровне крупнейших корпораций. Она показывает, какими будут наиболее вероятные

последствия и риски принимаемых решений, какую цену придется заплатить за выбор той или иной альтернативной стратегии. С другой стороны, часть этой информации становится достоянием общественности и начинает формировать образ желаемого будущего, цели, мечты, приоритеты, карту угроз в массовом сознании. Это позволяет активно задействовать потенциал информационного управления и рефлексивного управления обществом. С горечью приходится констатировать, что серьезного, ответственного отношения к своему будущему (в частности, к промышленному будущему) в России пока не выработалось.

В основе многих технологий проектирования будущего лежит теория больших волн экономической конъюнктуры, созданная нашим выдающимся соотечественником Николаем Дмитриевичем Кондратьевым (1892–1938). В соответствии с этой теорией системной основой экономических кризисов, войн, революций, геополитических катастроф является смена одних технологических укладов другими. Именно это и оказывается важнейшим фактором, который следует учитывать в формировании и проведении промышленной политики. Если попытаться выразить суть сложной кондратьевской теории как можно проще и короче, то она сведется к следующему. Развитие мировой и национальных экономик – не есть плавный и постоянный рост, а циклический волнообразный процесс. Циклы состоят из чередующихся фаз относительно высоких и относительно низких темпов экономического роста. Так же неравномерно идет и технологический прогресс – периоды бурных технологических революций сменяются периодами застоя. Для периода, последовавшего за промышленной революцией, обычно выделяются следующие кондратьевские циклы/волны и соответствующие им технологические уклады:

I цикл (с 1803 по 1841–1843) – текстильные фабрики, промышленное использование каменного угля.

II цикл (с 1844–1851 по 1890–1896) – угледобыча и черная металлургия, железнодорожное строительство, паровой двигатель.

III цикл (с 1891–1896 по 1945–1947) – тяжелое машиностроение, электроэнергетика, неорганическая химия, производство стали и электрических двигателей.

IV цикл (с 1945–1947 по 1981–1983) – производство автомобилей и других машин, химической промышленности, нефтепереработки и двигателей внутреннего сгорания, массовое производство.

V цикл (с 1981–1983 по 2018) – развитие электроники, робототехники, вычислительной, лазерной и телекоммуникационной техники.

VI цикл (с 2018 по ~ 2060) – конвергенция нано-, био-, информационные и когнитивные технологий.

Являются ли реальностью кондратьевские циклы? Безусловно! Предсказания Н.Д. Кондратьева не раз подтверждались. В частности, на основании своих расчетов он предсказал Великую депрессию 1930-х годов. В соответствии с теорией Н.Д. Кондратьева именно нынешние пять–семь лет имеют ключевое значение для России. Именно на этой стадии экономического цикла ищутся и отбираются те нововведения и инновации, которые станут основой промышленного развития на ближайшие 30 лет. Это время не должно быть упущено.

Заметим, что успешное технологическое развитие требует также самого активного использования гуманитарных технологий. Общество должно понять и принять перемены, активно участвовать в них. В важности этого фактора убеждает опыт петровской и ленинской модернизаций. Петру для проведения преобразований пришлось основать империю и «прорубить окно в Европу», Ленину – создать Советский Союз и предложить новый тип жизнеустройства, заложить основы советской цивилизации. Здесь промышленная политика смыкается с культурной, социальной, образовательной, научной. И тут также у нашей страны большие проблемы. По данным социологов, 97% граждан России не считают, что они каким-либо способом влияют на принимаемые государственные решения и несут за них какую-либо ответственность. В этих условиях, в ситуации противопоставления «мы» и «они», шансов на успешную модернизацию России, на новую индустриализацию страны невелики.

Однако мало рассматривать промышленную политику «в целом». Такой подход необходим, но недостаточен. В развитых странах рассматривается и такое развитие, и меры по государственной поддержке отдельных отраслей экономики. Принимаются соответствующие законодательные акты (можно вспомнить в этой связи известный американский «закон о запаянном вакууме», направленный на поддержку усилий по миниатюризации электронных устройств и сыгравший в свое время важную стимулирующую роль в развитии этой высокотехнологичной отрасли экономики). Дело в том, что в разных кондратьевских циклах различны не только технологии, а также то, что их развитие происхо-

дит в разном темпе. Стремительно, к примеру, развивались, росли, реализовывали свой потенциал авиационное, атомная энергетика, телевидение... А авиатранспорт, связанный с созданием гигантской мировой инфраструктуры, и компьютерная индустрия потребовали гораздо больше времени, чтобы раскрыть свои возможности.

Подобный анализ для разработки промышленной политики принципиально важен. Дело в том, что на разных этапах развития отрасли и макротехнологии, и ожидаемые результаты, и меры по государственной поддержке должны быть различны. Подчеркнем, что речь идет о процессах, развивающихся в «медленном времени», гораздо более длительном, чем период бизнес-цикла в уже сложившихся отраслях. В первом случае временной масштаб – десятилетия, во втором – месяцы и годы. Первые 10–15 лет уходят на фундаментальные исследования, создание нового знания, открывающего новые возможности для экономики, на опережающую подготовку кадров. Здесь решающая роль принадлежит государству. Еще 10–15 лет уходит на прикладные разработки на «переделку» нового знания в действующие образцы, в новые товары, услуги, возможности. Здесь все более активную роль начинает играть бизнес, дополняющий усилия государства и берущий на себя часть рисков, связанных с развитием новой макротехнологии. Далее 10–15 лет идет диффузия инноваций, совершенствуются технологии массового производства, происходит проникновение созданного во все отрасли экономики, готовые к этому. И тут, как показывает опыт стран – членов Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, роль бизнеса, крупных корпораций может быть решающей.

Посмотрим с этих позиций на историю XX и начала XXI в. Начало XX в. ознаменовалось развитием IV технологического уклада. Его локомотивными отраслями стали тяжелое машиностроение, металлургия, большая химия, автомобилестроение, самолеты, электрические машины. Символ этой экономической эпохи – массовое производство, конвейер. На этом этапе мирового развития произошла смена главного энергоносителя. XIX в. с полным основанием можно назвать веком угля, XX – веком нефти и электричества. И Первую и Вторую мировые войны многие экономисты и историки рассматривают прежде всего как войну нефти против угля. Сталин, форсированно развивая военную промышленность, предвидел, что Вторая мировая война будет войной моторов. И его прогноз оказался верным. Истинный, экономический смысл сталинской модернизации – освоение возможностей, представляемых

IV технологическим укладом. Эта задача потребовала сверхусилий и от народа, и от элиты. Ее решение позволило СССР выстоять в Великой Отечественной войне и стать сверхдержавой.

Россия, втянувшаяся с 1990-х годов в бесплодные разрушительные реформы, пропустила V технологический уклад, развивавшийся с 1970-х годов. Локомотивными отраслями этого технологического уклада были компьютеры, малотоннажная химия, телекоммуникации, электроника, Интернет. На этой волне взлетели Япония, Южная Корея, «тихоокеанские тигры».

В 2014–2018 гг. ведущие страны мира будут переходить к VI технологическому укладу, локомотивными отраслями которого станут, вероятно, биотехнологии, нанотехнологии, новая медицина, высокие гуманитарные технологии, полномасштабные системы виртуальной реальности, новое природопользование. Развитые страны готовятся к большому технологическому скачку. Именно это и является стержнем их экономической политики.

Посмотрим с этой точки зрения на нынешний кризис. Его глубинная причина совсем не в том, что «плохие американские парни» набрали ипотечных кредитов и не желают расплачиваться по долгам. Она совсем не в том, что США злоупотребляют печатным станком. Хотя важность этих факторов очевидна и ее не следует оспаривать. Дело в том, что отрасли V уклада исчерпали свой потенциал развития. Они не дают прежней отдачи. В самом деле, в кармане у каждого из нас мобильный телефон. В России их уже 180 млн. штук. Рынок насыщен. И создай мы сейчас фирму для производства подобных аппаратов, это ничего не изменит ни для мира, ни для России. Этот поезд уже ушел. Дорога ложка к обеду.

Перед государством, российской отечественной наукой, образованием и промышленностью стоит стратегическая задача – вскочить в последний вагон уходящего поезда VI технологического уклада. Сейчас происходит «пересдача карт Истории» – определяется, какие страны и регионы станут продавцами, а какие покупателями, кто будет ведущим, а кто ведомым, какие страны и цивилизации ждет взлет, а какие уйдут с исторической арены. Этот шанс не должен быть упущен Россией.

Однако имеет ли сформулированная задача, связанная с «перескоком через технологический уклад», решение? Ведь в России, по сути, нет развитой индустрии V уклада. Можно ли в этом случае построить промышленность, ориентированную на VI уклад? Не только модели, оценки и прогнозы, но и исторический опыт показывает, что можно. Рассмотрим с этой позиции страны – ана-

логи России – Канаду и Южную Корею, которые в 1970-х осваивали V технологический уклад. Канада была удовлетворена своим местом в мире и тесными связями с американской экономикой. Поэтому темпы роста были невысокими и большая часть ВВП тратилась на потребление. Южная Корея, напротив, была нацелена на форсированный рост, на вхождение в число развитых стран, на инновационный прорыв, связанный с освоением VI технологического уклада. Южнокорейский опыт заслуживает отдельного анализа и обсуждения. Однако на несколько ключевых моментов следует обратить внимание.

Во-первых, это сильная государственная политика, блокирующая вывоз капитала из страны и направленная на то, чтобы предприниматели развивали высокотехнологичную промышленность внутри страны, а не шли за рубеж.

Во-вторых, ясное целеполагание и элементы государственного планирования, позволившие сформулировать и реализовать сильную, адекватную промышленную политику.

В-третьих, сверхусилия, вложенные в модернизацию. В течение ряда лет на накопление, на создание новых отраслей промышленности тратилось более 40% ВВП. Такой мобилизационный режим экономического развития трудно представить. Но это было сделано и дало результаты. Базисные темпы роста экономики в течение десятилетий превышали 10% в год.

В-четвертых, опережающие вложения в образование, в научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР). В ходе модернизации Сеул занял первое место в мире по числу физиков на душу населения.

В-пятых (возможно, это и есть ключевое условие успеха), применялись гуманитарные, социально-психологические технологии модернизации, позволяющие использовать цивилизационные особенности и императивы традиционного общества, а не заниматься вестернизацией, взломом сложившихся за века смыслов и ценностей. Ключом к успеху стали чеболи – вертикально-интегрированные компании. Верность роду и почитание старших перешли в корпоративную культуру, преданность своей фирме – в лояльность по отношению к руководству.

Этот важный урок – инновационный прорыв и модернизация не имеют общих рецептов. Они требуют дальновидности, мечты и огромного труда (всего того, что входит в понятие сверхусилия). По-видимому, и предстоящая России модернизация не будет исключением.

В рамках исследований, которые ведутся ИПМ РАН, академиком РАН, ректором МГУЮ и А.А. Акаевым, была проанализирована отраслевая структура промышленности наиболее успешно развивающихся стран (в основном членов Организации по экономическому сотрудничеству и развитию). Оказалось, что их отраслевые структуры в ходе развития сближались. Это позволило сформулировать «правило одной пятой и половины»: обрабатывающая промышленность должна занимать 20% в структуре современной экономики, финансы – 25, услуги – 22%. В обрабатывающей промышленности на высокотехнологичный сектор должно приходиться 20%, на средневысокотехнологичный – 30%. И поэтому важнейшим инструментом управления экономикой является промышленная политика, направленная на структурные сдвиги, ведущие к оптимальным пропорциям для основных областей хозяйства.

Отметим, что первая волна кризиса сделала подобные подходы очень популярными. Если еще не так давно в качестве примера для подражания приводилась «пустотелая» американская или английская экономика со стремлением к аутсорсингу, к перебазируванию всего промышленного производства за границу, то сейчас многие видные государственные деятели и эксперты считают, что кризис 2009 г. уже преподал два серьезных урока. Вера во всемогущество рынка является ошибкой. Рынки, при всей важности, не могут заменить целеполагания сильной государственной, и в частности промышленной, политики. Часть промышленного и сельскохозяйственного производства независимо от уровня развития «экономики знаний» необходимо иметь внутри страны. Это придает устойчивость и сбалансированность экономике, что особенно важно ввиду предстоящих кризисов.

В настоящее время одной из необходимых черт промышленной политики должны стать реализм, конкретность, опора на научное знание. Обратимся к российским реалиям. Две трети территории России находятся в зоне вечной мерзлоты. Наше отечество расположено в зоне экстремальных географических и геоэкономических условий. Из этого вытекает, что Россия не может «на общих основаниях» участвовать в процессах глобализации. В самом деле, под глобализацией в ее изначальном смысле понимают процессы, обеспечивающие свободный поток людей, идей, капиталов, товаров, информации и технологий.

В условиях глобализации отечественная промышленность традиционных отраслей должна будет конкурировать с китайски-

ми, малайзийскими, индийскими и иными производителями. И поэтому неизбежно будет проигрывать. В самом деле, холодные зимние температуры на основной части территории приводят к очень высокой энергоемкости продукции (возможность не обогревать свою фабрику – огромное конкурентное преимущество), а также к большим затратам на капитальное строительство (стены в 2 кирпича и трубы под землей). Наконец, нельзя сделать рабочую силу дешевой – ее надо обогревать, тепло одевать и хорошо кормить. Поэтому оценка Маргарет Тэтчер, считающей, что в условиях глобализации экономически оправдано проживание на территории России 15 млн. человек, недалеко от истины.

Следует отказаться и от мысли о том, что Россия сможет быть «энергетическим гарантом» Европы или Азии. Характерная цена годового экспорта российской нефти – 60 млрд. долл., оружия – 6 млрд. В то же время Индия уже экспортирует программного обеспечения на сумму в 40 млрд. долл. и планирует увеличить этот показатель до 60 млрд.... Нехорошо так говорить, но мне кажется, что место Индии в мировом производстве программного продукта вполне могла бы занимать Россия... Географические условия, исключая бытие России и в роли «рантье», и в роли «энергетического гаранта», были прекрасно рассмотрены в книге А.П. Паршева «Почему Россия не Америка». Но, как показывает мой опыт преподавания в Академии государственной службы при Президенте РФ, для многих людей, управляющих Россией, они по-прежнему остаются откровением. Отсюда следует, что российские реалии диктуют ее промышленную и инновационную политику. Это должна быть политика высоких технологий. Мы должны делать то и так, что и как не умеют делать другие страны. И прежде всего с этим, а не с нефтью, газом, следовало бы выходить на мировой рынок. Располагая третью всех минеральных ресурсов мира, Россия имеет экономику, вклад которой в мировой глобальный продукт составляет менее 3%. Отсюда следует, что стране необходим форсированный экономический рост.

Ряд отраслей промышленности России до сих пор не вышли на уровень 1990-х. По сути 20 лет были потеряны для промышленного развития. Эпоха безвременья должна кончиться. Именно для того, чтобы Россия встала с колен, чтобы у нее был шанс остаться в истории, ей необходима модернизация и сильная промышленная политика. Промышленная политика, как и другие направления развития страны, ставит перед федеральной властью, перед элитами, регионами, перед всеми нами один и тот же во-

прос: «Мы хотим быть или казаться?» Важно определить для себя: нам нужен результат, или вполне достаточно оправдываться по-черномырдински «хотели как лучше...»

Показателен в этой связи проект «Сколково». В начале 2010 г. на все 14 наукоградов России планировалось выделить 600 млн. руб., а только на проектирование инновационного комплекса «Сколково» предполагается затратить 4,5 млрд. руб. Наукоградам есть чем похвастаться. Например, наукоград Кольцово за семь лет увеличил отчисления в бюджеты всех уровней в десять раз. Однако отношение к этим центрам, которые могли бы стать локомотивами инновационного развития, у Министерства образования и науки и ряда других органов власти примерно такое же, как к чемодану без ручки. И выбросить жалко, и нести тяжело. Недавно прошедшее обсуждение проблем наукоградов в Дубне это наглядно показало. В самом деле, при обсуждении обособленных автономных образований инновационной ориентации – наукоградов нового поколения – много раз ставился один и тот же вопрос, который ставили исследователи, представители научных институтов и органов власти Сарова, Зеленограда, Обнинска, Кольцова, Дубны, других центров: «А что же должно быть сделано? Что должно быть результатом? Почему нельзя воспользоваться имеющимися лабораториями, подготовленными кадрами, опираться на потенциал ведущих научных школ России? Почему опять надо начинать с труб, фундаментов, домов, с создания инновационной инфраструктуры?»

Разъяснения руководителя проекта «Сколково» В.Ю. Суркова и ряда других чиновников, причастных к этому проекту, не добавили ясности. Пока проект «Сколково» выглядит как симулякр (этот емкий термин был введен французским философом Ж. Батаем и обозначает «точную копию предмета, оригинала которого не существовало»). «Кремниевая долина», которую, по заявлениям официальных лиц, должно копировать «Сколково», возникла в конкретной экономической, технологической и социальной сфере на определенном этапе развития экономики. И то, что сработало в одной ситуации, может быть совершенно неприемлемо в другой. Бессмысленно приобретать отличный самолет, если не строить аэродромов. Результата не будет, зато будет видимость. Конечно хочется, чтобы сколковские инициативы, как и другие проекты инновационного развития, были успешны, состоялись, чтобы они были, а не казались.

И здесь тоже хочется обратить внимание на заблуждение, распространенное в коридорах российской власти, о том, что выделение достаточно больших сумм решает все проблемы. Напротив, сплошь и рядом без ясной политики, четкого целеполагания и стратегического планирования, без эффективного использования других инструментов «заливание деньгами» может оказаться бесполезным, а иногда и разрушительным. Обратимся к упомянутой поддержке наукоградов. В частности, эти вопросы недавно обсуждали на инновационном форуме в городе Обнинске Калужской области. Главным индикатором чиновники федерального уровня до сих пор считают долю выделенных средств, которые пошли «на поддержку и создание инновационной инфраструктуры». Двадцать лет тотального и бесплодного создания всех и всяческих инфраструктур. Бессмысленно закупать впрок кухонную утварь, если повар не знает, кого и какими блюдами ему предстоит кормить. Не всегда хорошо ставить телегу впереди лошади. Деньги не заменяют целеполагания, промышленной политики, социальной организации и самоорганизации, необходимых для достижения результата, а не для имитации процесса. Есть иллюзия, что «Сколково» сработает на внутреннюю стабильность и успокоит более 10 млн. научной и технической интеллигенции, которую реформы последних 20 лет оставили не у дел и лишили перспективы. Думаю, что это – заблуждение, что надо ставить большие конкретные задачи и работать на этот результат.

Системный подход, здравый смысл и мировой опыт показывают, что промышленная политика и модернизация самым тесным образом связаны с инновационной и образовательной политиками. В самом деле, России предстоит вступить в новый технологический уклад, в новую реальность. И это требует исследователей, изобретателей, организаторов, предпринимателей, работающих на будущее. Выдающийся немецкий экономист, основоположник эволюционной экономики, Йозеф Шумпетер разделил всех экономических агентов на консерваторов (их около 90%) и новаторов (10%). Первые стремятся сохранить статус-кво, удержать долю рынка. Вторые, как правило, ориентируются на кардинальные перемены, на инновации и новые отрасли экономики, на форсированное развитие. И, на мой взгляд, одно из главных направлений промышленной политики – дать шанс новаторам. Именно от этого зависит судьба проекта модернизации России.

Одним из ключевых инструментов для промышленного развития, для создания индустрии, относящейся к следующему технологическому укладу, является во всем мире национальная инновационная система. Как же дела обстоят с ней в России? О формировании такой системы, как о стратегическом приоритете, В.В. Путин, в бытность президентом РФ, говорил с 2001 г. При обсуждении положения дел в этой области вспоминается крылатая фраза Ходжи Насреддина: «Сколько ни говори “халва”, во рту сладко не станет». Инновационную систему можно сравнить с автомобилем. Для того чтобы автомобиль мог двигаться, ему нужен руль, двигатель, колеса и тормоза. Чтобы существовала инновационная система, должен быть замкнут круг воспроизводства инноваций.

Прокомментируем основные части инновационной системы. Важнейшая функция – мониторинг, стратегический прогноз и целеполагание. И в современной капиталистической экономике роль этого блока не меньше, а может быть, и больше, чем в социалистической. США, Япония, Финляндия, Китай, многие другие страны всерьез занимаются мониторингом научной, информационной, промышленной сферы, прогнозируют их развитие и на этой основе строят свою промышленную и инновационную политику. По сути они выполняют существенную часть работы Госплана. Подобные структуры могут быть по-разному организованы и носить различные названия. Но они должны быть! К сожалению, подобных организаций, решающих задачи прогноза и выработки стратегии промышленного развития страны на государственном уровне с учетом возможностей науки, в современной России нет. Это наглядно показала судьба известной «Стратегии-2020», не пережившей первой волны кризиса и надежно забытой.

В то же время стратегические ошибки являются самыми дорогими – как правило, их не удастся исправить на более низких уровнях управления. Приведем пример. Недавно были оглашены технологические и инновационные приоритеты: энергоэффективность и энергосбережение, в том числе разработка новых видов топлива; ядерные, космические, медицинские, стратегические информационные технологии.

Не отрицая важности всех этих направлений развития, заметим, что все они относятся к IV или V технологическим укладам. Это то, что уже было пройдено и миром, и отчасти нашей стра-

ной... А где же направления развития VI технологического уклада? В мире в автомобилях давно и успешно используют навигаторы. Хотелось бы завести нечто подобное и в российской инновационной машине. Но в любом случае стекла и зеркала протереть полезно. Заметим, что и стратегический прогноз, и мониторинг стоят, по сравнению со всем остальным, очень дешево. Дело здесь не в деньгах, а в субъекте инновационного развития, который готов был бы взять на себя ответственность за решение этой задачи и организовать ее практическое воплощение.

Роль руля играют фундаментальная наука, добывающая новое знание, и подготовка кадров на перспективу (условно говоря, этот блок инновационной системы стоит 1 рубль). И здесь также многое вызывает беспокойство. Большое впечатление на преподавателей, профессоров и исследователей оказала идея, высказанная министром образования и поддержанная президентом РФ во время посещения МИФИ, о том, что вместо трех тысяч вузов с филиалами в России вполне достаточно иметь 200 вузов, из которых 50 университетов. Фундаментальную науку, судя по расходам бюджета, тоже решено «разверстать», создав конкурентов РАН в лице Курчатковского института и Высшей школы экономики и вкладывая большие средства в федеральные и инновационные университеты. Как это у нас повелось, и этот «эксперимент» был начат без широкого обсуждения с самими учеными, без определения целей, задач, этапов, ожидаемых результатов, без анализа сопутствующих рисков, как говорится, «на авось». Хотелось бы надеяться на лучшее, но опыт реформирования российских науки и образования не дает для этого оснований.

Двигателем инновационной машины является прикладная наука. Именно здесь (а не в академическом секторе) происходит генерация инноваций, создание опытных образцов, превращение нового знания в конкретные товары, услуги, возможности. Этот блок, условно говоря, стоит 10 рублей. Прикладная наука, в основной своей части, была разгромлена еще в 1990-х. Многие отраслевые институты ушли в небытие с крушением отраслевой системы управления экономикой. В нашей стране поразительно мало обращают внимание на очевидный вопрос – как восстановить прикладную науку в России. Без двигателя машина не поедет.

После того как созданы опытные образцы или новые технологии, их надо доводить до уровня массового производства, выводить на рынок, продвигать, участвуя в жесткой конкурентной борьбе. Это колеса автомобиля. Этот блок условно можно оценить

в 100 рублей. Во всем мире эту работу берут на себя высокотехнологичные гиганты, крупные транснациональные корпорации. На этом уровне поддержка государства зачастую также оказывается решающей. Однако больших высокотехнологичных компаний мирового уровня за 20 лет реформ в России вырастить не удалось. Именно это является одной из ключевых проблем промышленной политики современной России. Без колес машина не поедет. К чему приводит отсутствие этого блока в инновационном секторе российской экономики? К продаже «сырья» – научных идей, отдельных исследователей и инженеров за рубеж. Заметим, к примеру, как велика роль выходцев из России в развитии Кремниевой долины, однако успешных крупных российских фирм здесь практически нет. Иными словами, альтернативой собственной инновационной системе является работа в качестве наемной рабочей силы (как правило, очень дешевой) на благо тех стран и цивилизаций, где есть подобные системы. Естественно, такая работа по зарубежному заказу, без серьезной заинтересованности государства в развитии высокотехнологичного сектора, ведет к деградации научно-технического потенциала России и ослабляет отечественную промышленность, вынужденную покупать то, что придумано и спроектировано в России, у других стран.

Следующий блок очень дешев по сравнению с предыдущими, но жизненно необходим на каждом этапе инновационного цикла. Это система экспертизы (к одному из способов ее организации, связанному с созданием когнитивных центров, мы далее вернемся). Вновь спросим себя: «Быть или казаться?» Кремниевая долина – это не только множество малых фирм, не только удобное место для занятий наукой и производством, не только привычка нескольких нобелевских лауреатов посещать этот уголок. Это прежде всего поток проектов, идей, предложений. (А для того чтобы они были, надо, чтобы у изобретателей и исследователей был шанс на практическое воплощение придуманного. Нужна достаточно высокая восприимчивость экономики к инновациям.) Исходя из этого, в нашей стране следовало бы повысить инновационную активность хотя бы до советского уровня – в 10–15 раз. В Кремниевой долине поддержку венчурных фондов получают в среднем семь проектов из тысячи. Сито научной, технологической, маркетинговой и прочей экспертизы является очень частым. Но именно это и позволяет уменьшить до приемлемого уровня риски инвесторов, предпринимателей, бизнес-ангелов, корпораций, государственных структур, вкладывающихся в определенные техноло-

гии. Без этого дело не пойдет на лад. Тормоз, роль которого играет экспертиза, также жизненно необходим.

Стоит напомнить о Всесоюзной организации изобретателей и рационализаторов, об отраслевых совещаниях, на которых в ряде министерств удалось организовать экспертизу. В СССР были свои механизмы решения этой задачи. В современной России они могут быть другими. Но они должны быть. Иначе нам остается только казаться. Часть прибыли от полученных в ходе реализации инновационных товаров, услуг возможностей должна вкладываться в систему образования и в научные исследования. Эта важнейшая обратная связь сейчас также во многом связана не с вкладом конкретных задач, на решение которых должна быть направлена промышленная политика, а с благосклонностью отдельных бюрократов или конъюнктурными интересами.

Но, может быть, все не так плохо, как кажется? Ведь есть же фонды, гранты, лоты, конкурсы, инновационные форумы. Конечно, все не так плохо, все гораздо хуже. Чтобы оценивать ситуацию, надо опираться на объективные количественные данные. Часть из них связана с промышленностью. Если в странах – лидерах современного мира доля инновационной продукции доходит до 60%, то в России она составляет около 55%. Недавно Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) опубликовала данные по числу международных патентов, полученных в 2009 г. Таковых оказалось 155 900. Пятерка лидеров по количеству изобретателей – США (более 45 000 патентов), Япония, Германия, Южная Корея и Китай. Россия занимает 23-е место в мире. На ее долю приходится 569 патентов (0,36% от мирового показателя). Много это или мало? Это втрое меньше, чем зарегистрировала одна японская фирма (Panasonic, 1891 патент) или одна китайская (Huawei Technologies, 1847). На инновационной карте мира Россия примерно в 10 раз меньше, чем на экономической (напомним, что вклад России в глобальный валовой продукт составляет около 3%). То есть для того, чтобы соответствовать развитию уже существующей промышленности (не говоря о той, которая должна сформироваться в ходе модернизации), инновационную активность следует увеличить в 10 раз.

В каких же областях получено основное количество патентов? Это информационные технологии и компьютеры (12 560), фармацевтика (12 200), медицинские технологии (12 091), электромашины (11 393), цифровая связь (10 452), телекоммуникации (9343). Как видим, основные сферы изобретательской активности

соответствуют V технологическому укладу, который, по сути, отсутствует в России. Отсюда ясна взаимосвязь между промышленной и инновационной политикой. Лучший стимул для инноваций – наличие соответствующих отраслей промышленности, и наоборот – пул изобретений, открытий, патентов, людей, готовых воплощать все это на практике, открывает новые горизонты для соответствующей отрасли промышленности.

Первая волна кризиса стала тяжелым испытанием для мировой инновационной сферы. Например, в 2009 г. число зарегистрированных гражданами США патентов уменьшилось на 10%, по сравнению с показателем 2008 г. Но безусловными лидерами являются Китай и Россия. Китай увеличил число запатентованных изобретений примерно на 30%, а Россия сократила на 29,1%. Поэтому в нашей стране, скорее, инновационной системы нет, чем есть. И в ходе модернизации, вероятно, многое придется начинать с чистого листа.

О людях следует сказать особо. В вопросе подготовки кадров промышленная политика тесно смыкается с образовательной. Вспомним слова «железного канцлера» Отто фон Бисмарка о том, что войны выигрывает школьный учитель.

Образовательная сфера стала в последние 20 лет объектом тотального реформирования. Вспомним программы информатизации, гуманизации, интернетизации, гуманитаризации. В последние годы образовательные реформы осуществляются по лекалам Высшей школы экономики (ректор – Я.И. Кузьминов, научный руководитель – Е.Г. Ясин). Среди последних новаций – переход «от культуры полезности к культуре достоинства», жесткое воплощение императивов Болонской конвенции, подстригающей высшую школу России под общеевропейскую гребенку, разрушение отечественной системы образования и переход к системе «бакалавр—магистр», введение Единого государственного экзамена (ЕГЭ).

Результаты реформ говорят сами за себя. По данным ЮНЕСКО, объем взяток в вузах России в 2007 г. превысил 520 млн. долл. В 2008 г. примерно четверть российских школьников не смогли справиться с тестом по математике даже на тройку (что требовало элементарных знаний). Проведенные и проводимые реформы системы образования России уже вышли на уровень серьезной угрозы для национальной безопасности. При этом возникает тот же вопрос – «быть» или «казаться». При введении ЕГЭ ни на одном из этапов результаты «эксперимента» не публиковались и не обсуждались. Риски и отрицательные последствия «егэзации»

средней школы не рассматривались. Поэтому неудивительно, что и оказались все мы у разбитого корыта.

Но, пожалуй, главным является другое. По данным социологов, более 40 млн. граждан России выступают против ЕГЭ. Слушания, устроенные в Госдуме, в Общественной палате, проведенные исследования показали разрушительность подобной реформы. Однако министру А.А. Фурсенко удастся все это игнорировать и продолжать воплощение идей Высшей школы экономики – реализация принципа «деньги следуют за учениками», повышение платности образования, уход государства из образовательной сферы, широкое внедрение тестовой системы, переход от подготовки специалистов к системе «бакалавр–магистр», воплощение принципов Болонской конвенции, вестернизация образования... Как достучаться до лиц, принимающих решения?

В стране вместо нормальной системы отстраивается, говоря словами выдающегося философа и социолога А.А. Зиновьева, «колониальное образование». И все мы ничего с этим не можем поделать. По-видимому, те же опасности имеют место и для промышленной политики, и для модернизации России. Отдельные чиновники и целые министерства работают не на воплощение принятых политических решений, а двигаются в противоположную сторону. Возникает управленческий хаос и социальный аутизм. Давайте посмотрим, какие цели перед системой образования ставит лидер в инновационной сфере – США. Они хотят быть, а не казаться, и ставят перед собой ясные и конкретные цели. Джордж Буш и его предшественник организовали большие, стоящие миллиарды долларов программы, направленные на то, чтобы младшие школьники США научились хорошо читать и считать. Барак Обама выдвинул в 2009 г. национальную образовательную инициативу. Ее цель – добиться, чтобы американские школьники занимали первые места на международных олимпиадах по физике и математике (сейчас на многих олимпиадах по этим предметам уверенно лидируют школьники Китая). По мысли Б. Обамы, именно та страна, школьники которой сейчас являются лучшими в области физико-математических наук, будет править миром через 20 лет. Сейчас американские коллеги серьезно изучают опыт организации физико-математических олимпиад в СССР, переводят соответствующие задачки и пособия, заказывают обучающие программы российским учителям, профессорам, программистам. Они идут туда, а мы двигаемся обратно. Они – вверх, мы – вниз...

Еще один принципиальный, с точки зрения промышленной политики, момент. Как уже отмечалось, участие России в процессе глобализации может быть только весьма ограниченным и опирающимся на анализ не только выгод, но и угроз и рисков, с которыми связан этот процесс. Полезно иногда взглянуть на глобализацию и в историческом контексте. Уровень глобализации, не уступающей нынешнему, имел место и в начале XX в., перед Первой мировой войной. Поэтому важнейшим направлением промышленной политики должно быть развитие внутреннего рынка. В самом деле, Россия должна кормить, лечить, обогревать, учить и защищать себя сама. Никто другой за нас эти задачи не решит. И в этом отношении у нашей страны есть большие традиции. Вспомним слива выдающегося дипломата А.М. Горчакова (1798–1883): «Россия сосредотачивается». Именно этот политический курс, на десятилетия опередивший вектор развития страны и ее промышленную политику, в полной мере оправдал себя. Россия не может стать энергетическим гарантом ни для Запада, ни для Востока. Поэтому модернизация страны должна определить и воплотить в реальность другие направления развития. Вспомним слова великого химика Д.И. Менделеева о том, что сжигать нефть так же неразумно, как топить печь ассигнациями. И это еще более справедливо в нынешних реалиях. Россия занимает второе место в мире по добыче нефти и седьмое по доказанным запасам. Форсированная добыча российской нефти происходит за счет запасов, которые должны были бы достаться поколению наших детей и внуков.

Наконец, и в истории новой России есть пример политики, позволившей поразительно быстро восстановиться после тяжелейшего дефолта 1998 г. Эту политику блестяще реализовало правительство Е.М. Примакова. Резкое сокращение импорта позволило в те годы быстро подняться на ноги отечественным производителям. Предыдущий председатель Комитета по промышленности Государственной думы Юрий Дмитриевич Маслюков (1913–2010) часто призывал к реализму и прагматике в экономическом и промышленном развитии. Эффективные и успешные стратегии и технологии не должны отбрасываться. По сути дела стране для проведения модернизации, выработки и проведения промышленной политики нужны Госплан, Госнаб, Госкомцен и Госкомитет по науке и технике нового поколения, использующие современные управленческие стратегии, системы поддержки принятия решений, методы компьютерного моделирования и прогнозирования. Существующий государственный аппарат неэффективен.

вен. Он с трудом справляется с задачами оперативного управления, оказывается бессилён в период кризисов и стагнации и не способен реализовать задачи модернизации страны. Вероятно, нужен ещё один контур государственного управления, ориентированный на диктатуру развития, на решение стратегических задач в условиях жестких ресурсных и временных ограничений.

На наш взгляд, судьба российской модернизации будет решаться именно на уровне регионов. Нефть и газ есть только в 16 субъектах Федерации. Во многих регионах уже столкнулись и с депопуляцией, и с деиндустриализацией. Например, за период с 1991 по 2008 г. население Дальнего Востока сократилось на 1,5 млн. человек, или почти на 20% (население всей России за это время сократилось на 4%). Если подобная тенденция сохранится, то к 2050 г. население региона составит не более 4,5 млн. человек.

Географы видят признаки перехода от линейно-узлового к очаговому типу территориального, расположения производительных сил в значительной части России. Предлагаемое переселение из моногородов будет приводить к потере освоенной территории. Поэтому и на региональном уровне крайне важно эффективное, точное региональное управление с ориентацией на дальнюю перспективу. Нужны региональная, инновационная система, промышленная и социально-экономическая политика.

Есть ещё три отрасли промышленности, требующие особого внимания. Это промышленность оборонного комплекса. С точки зрения инноваций эта сфера имеет определяющее значение. Множество высоких технологий, без которых мы не мыслим нашей реальности, первоначально создавались для производства оружия. Это не удивительно – именно в этой сфере отношение цена/качество может быть большим. (Даже небольшое преимущество перед оружием возможного противника может оказаться принципиальным.) В настоящее время оборонный бюджет США превышает расходы всех остальных стран мира вместе взятых. И одна из целей этих сверхрасходов – технологическое перевооружение высокотехнологичной промышленности, форсированное развитие инновационного сектора экономики, освоение возможностей VI технологического уклада. Число патентов, полученных американскими гражданами в 2009 г., показывает, что такая стратегия даёт результаты. Именно поэтому важнейший момент, на который стоит обратить внимание, это трансферт технологий и кадров из сферы оборонной промышленности в гражданский сектор экономики (отсутствие эффективных механизмов такого

трансферта стало одной из причин поражения Советского Союза в «холодной войне»). В ходе реформ, проводимых под руководством министра обороны РФ А.Э. Сердюкова, происходит быстрое сокращение численности Вооруженных сил России. В соответствии с планами реформ к 2012 г. численность сухопутных войск должна сократиться примерно в десять раз, военно-воздушного флота – вдвое, военно-морских сил – вдвое и ракетных войск стратегического назначения – в полтора раза. В ходе реформ уже разгромлены военная наука, военное образование и военная медицина. До начала реформ по обычным вооружениям соотношение сил между Россией и НАТО было 1:60.

Александр III говорил, что у России есть два союзника – это ее армия и флот. Без большого преувеличения можно сказать, что у новой России уже нет ни армии, ни флота, и ее суверенитет обеспечивает только ракетно-ядерный щит. Серьезные проблемы мы видим и в оборонном комплексе. Отражение этого – тяга чиновников к импорту оружия. Вертолетоносцы планируется закупать во Франции, беспилотные летательные аппараты – в Израиле, винтовки – в Англии и пистолеты – в Италии. Перефразируя известную мудрость, можно сказать, что народ, который не хочет кормить свой оборонно-промышленный комплекс, будет кормить чужой.

Отсюда следует очевидный вывод – армия, численность которой опасно уменьшится в ходе модернизации, должна перевооружиться в сжатые сроки отечественным оружием, созданным на основе достижений VI технологического уклада.

Одно из ключевых направлений промышленной политики – обеспечение безопасности и управление риском аварий и техногенных катастроф. Эта деятельность не только гуманна, но и очень выгодна для общества в целом. Мировой опыт говорит, что каждый рубль, вложенный в прогноз и предупреждение чрезвычайных ситуаций, позволяет сэкономить от 10 до 1000 рублей, которые пришлось бы вложить в ликвидацию или смягчение последствий уже произошедших бед. С 1994 г. мировым сообществом был взят курс на мониторинг, прогноз и предупреждение стихийных бедствий, техногенных аварий и катастроф. В 2000 г. сотрудники ИПМ и ряда других академических институтов, а также ряд руководителей МЧС России выпустили в издательстве «Наука» монографию «Управление риском. Риск. Устойчивое развитие. Синергетика». В ней была предложена стратегия повышения безопасности техносферы и проанализирована опасность инерционного развития тех-

носферы. В 2002-м ИПМ, поддержанный десятью другими академическими институтами, вышел с предложением создать Национальную систему научного мониторинга опасных явлений и процессов в природной, техногенной и социальной сферах. Пройдя множество согласований, этот проект был остановлен на уровне Правительства РФ.

Анализ состояния российской промышленности показывает, что для ряда отраслей критический рубеж уже перейден. Степень износа основных фондов очень велика, инвестиции недостаточны, начался вал техногенных катастроф, о котором ученые предупреждали более десяти лет назад. На территории России около 50 тыс. опасных объектов и около 5 тыс. особо опасных. Реальностью могут стать техногенные аварии и катастрофы, в результате которых погибнут или серьезно пострадают сотни тысяч людей. Поэтому обеспечение промышленной безопасности в современной России должно идти с очень высоким приоритетом. Вероятно, здесь требуются чрезвычайные меры. Примеры, которые у всех на слуху, – авария Саяно-Шушенской ГЭС и авария на шахте «Распадская». Эти аварии роднит то, что современные технологические средства позволяют предупредить подобные аварии (разумеется, если не пренебрегать результатами мониторинга). На ликвидацию последствий обеих катастроф требуется около 40 млрд. руб. ... из федерального бюджета.

Напомним задачу, поставленную российским президентом, – эффективное управление страной в существующих границах. Это требует промышленного развития многих регионов России, включая Сибирь, Север, Дальний Восток. Это также должно стать одним из приоритетов промышленного развития России. И жители этих регионов, и предприниматели, работающие там или приходящие туда, должны иметь и ясную перспективу, и государственную поддержку. Криминал здесь должен быть поставлен в жесткие рамки. Системы льгот, программы доступного жилья, множество других мер, работающих на это, должны рассматриваться как неотъемлемая часть проекта модернизации страны. В свое время выдающийся государственный деятель России С.Ю. Витте вложил огромные усилия в увеличение протяженности сети железных дорог России, в строительство Транссибирской магистрали. Это был большой проект конца XIX в. Возможно, именно он и позволил России сохранить огромные территории Дальнего Востока, Чукотки, Камчатки. Выдающийся математик, философ, мыслитель, академик Н.Н. Моисеев считал, что если Русь возникла на пути «из

варяг в греки», то становление новой России должно происходить «на пути из англичан в японцы». Под его руководством прорабатывались и вопросы расширения использования важнейшего транспортного ресурса России – Северного морского пути. Должно измениться само отношение к огромной части России за Уралом. Это не «кладовая» – кладовую можно открыть, когда надо, и закрыть, когда надобность отпадет. Это не «мост» – около моста жить неудобно. Это, как и другие регионы, дом для миллионов человек, который должен быть удобным, благоустроенным, надежным, безопасным, родным. Этот императив требует соответствующей инфраструктуры и развития ряда отраслей промышленности. При этом транспортные пути выступают не как самоцель, а как инструмент развития, который также следует создавать и активно использовать в ходе будущей модернизации.

В настоящее время набирает силу процесс глобализации, связанный с «асфальтированием» экономического, культурного, социального пространства стран «третьего мира». Под флагом «вестернизации» формируется «многоэтажный мир», происходит деградация социально-экономических систем, их примитивизация. Многие страны, которые 30 лет назад считались развивающимися, сейчас относят к «конченным». С другой стороны, инвестиции в ряд стран полупериферии мировой экономической системы (Бразилия, Индия, Китай) стали существенно прибыльнее, чем в страны, относящиеся к ядру мировой системы. Более того, как и в случае Южной Кореи, сохранение и адаптация своей культуры, смыслов и ценностей, своего жизнеустройства к новым реалиям становится не помехой, а условием успешной социально-технологической модернизации.

И если XIX столетие можно было назвать веком геополитики, XX – веком геоэкономики, то, по-видимому, наступившее столетие станет веком геокультуры. Соперничество будет происходить в информационном пространстве, в области смыслов и ценностей, в сфере проектов будущего и представлений о возможном и желаемом. И в этом плане западная цивилизация столкнулась с серьезными проблемами. Традиция протестантизма, основы которой были заложены Мартином Лютером, сыграла, по оценке Макса Вебера и других выдающихся социологов, важнейшую роль в становлении капитализма. И именно сейчас она сталкивается с глубокими системными противоречиями. Индивидуализм, культ потребления, огромное развитие виртуальной реальности, жизнь в

настоящем – символы общества постмодерна – все менее соответствуют сегодняшним реалиям и утрачивают притягательность.

Наглядный пример – отношение к будущему. По-видимому, символ нашей эпохи – концепция устойчивого развития (если весь мир начнет жить по стандартам Калифорнии, то всех разведанных запасов полезных ископаемых на Земле при существующих технологиях хватит на три–пять лет). С другой стороны, по мысли Фридриха фон Хайека – классика либеральной экономической мысли, – мы не должны слишком беспокоиться о следующих поколениях, поскольку у них нет возможностей позаботиться о нас. Другой пример – интеллектуальная собственность. Она просто «не помещается» в прокрустово ложе традиционной либеральной концепции-имущества. Мир переходит к «экономике внимания». Становится неясно, кто кому должен платить – тот, кто привлек внимание к своему продукту, или тот, чье внимание оказалось привлечено.

Рассуждая о цивилизации, этносах, народах, традиционно делают акцент на общности языка, культурных и моральных норм, общности исторической судьбы и территории. Однако не менее важными представляются уровень и характер социальной самоорганизации и тип жизнеустройства, что можно пояснить на двух простых примерах. После российского дефолта 1998 г. многие западные эксперты оценивали время возврата экономики на прежние позиции после этого тяжелейшего удара (уничтожившего значительную часть среднего бизнеса России) в 15–20 лет. Вопреки их прогнозам и ожиданиям восстановление произошло удивительно быстро. Ряд социологов объясняют это иным, не характерным для западного общества типом самоорганизации. Последнее связано с существованием в обществе так называемых доменов – неформальных групп численностью от пяти до тридцати человек (иногда это члены семьи, иногда друзья или сослуживцы). В случае возникновения проблем у одного из членов такой малой группы весь домен стремится помочь и воспринимает эти проблемы как свои.

Века жизни в условиях «социальной атомизации» во многих западных странах («каждый за себя, один Бог за всех») породили и свои алгоритмы социального управления, и свое законодательство, и главное – свой тип идеологии и человека. И, конечно, социальные неустойчивости в атомизированном обществе (они сродни тем, которые изучает статическая физика).

Заметим, что это ясно проявилось и в ключевых достижениях европейской науки. Элементарная сущность, лежащая в основе

политической экономии Маркса, – товар (потребительская стоимость, отчуждаемая от производителя). В фундаменте теории Дарвина и последующих построений – наследственность, изменчивость и отбор, связанный с конкуренцией. (В то же время сотрудничество, взаимная адаптация, симбиоз играют, как сейчас и считают многие биологи, не меньшую роль, чем конкуренция. И в целом биоценоз представляется не только как набор видов, связанных отношениями «хищник–жертва», а как сложная система со множеством положительных и отрицательных обратных связей. Именно эта сложность, как утверждает один из разделов синергетики – теория самоорганизованной критичности, – и отвечает за множество эволюционных феноменов.)

Мир России часто называют цивилизацией Севера. И многие века жизни в зоне рискованного земледелия при постоянной военной угрозе сформировали свой, общинный тип самоорганизации (вероятно, тесно связанный с нынешними доменами) и свое отношение к жизни. Императивы «общее выше личного», «духовное выше материального», «справедливость выше закона», «будущее важнее настоящего и прошлого», естественные для нашей цивилизации, чужды западному мировосприятию. И социальные неустойчивости здесь иные! Если западный социум это, скорее, «газ» атомов – индивидуумов, то русский мир можно сравнить со сложной нейронной сетью, в которой сложные и разнообразные связи между элементами придают целостность и качественно новые способности объекту (подобно тому, как связи между клетками мозга – нейронами – превращают совокупность в нечто качественно иное).

Грубо говоря, основой западного общества является либеральная идеология, сложившаяся в течение веков жесткой общественной борьбы, развитая отточенная система законодательства (вспомним знаменитое «то, что не запрещено законом, то разрешено»). Для мира России первичны многие неописанные, моральные нормы, и здесь естественно было бы, чтобы общество, с совокупностью его ключевых связей, оказывалось основой идеологии. Рассматривая модернизацию, неразумно и неплодотворно вырывать какую-то одну ее сферу или аспект. Необходим целостный, системный взгляд. Основу для него дает теория техноценозов, развитая в последние годы американскими исследователями Л.Г. Бадалян и В.Ф. Криворотовым. Под техноценозом мы понимаем совокупность осваиваемой обществом природно-климатической зоны, ее ресурсы (включая один из основных –

энергоносители), используемые технологии, совокупность общественных отношений и институтов, технологий производства и управления (по сути это распространение идей В.И. Вернадского на область социальных систем). Каждая успешная цивилизация, занимающая лидирующие позиции, находит свой, оригинальный способ освоения природно-климатической зоны, «неудобий» в рамках прежнего жизнеустройства. Например, в конце XIX в. тяжелейшей территорией считалось то пространство, которое ныне занимают США. Однако железные дороги (а позже система хайвэев), щитовые дома, ряд финансовых технологий поддержки проектов освоения страны превратили за небольшой срок огромную страну в цветущий край, позволили найти адекватное этим реалиям жизнеустройство.

Именно такая задача должна быть решена и миром России в ходе модернизации. Не секрет, что за два последних десятилетия российских реформ из пяти жителей Сибири один человек переселился в европейскую часть страны. Пустеют Север, Дальний Восток, Камчатка и Чукотка. Это признак геополитического и геокультурного неблагополучия.

В нормальной ситуации люди должны быть довольны и своим образом жизни, и местом, в котором живут, своими и своих детей перспективами. Именно это и является одним из главных критериев успеха модернизации. Чтобы Россия имела будущее в истории, это необходимо сделать и в нашем отечестве.

«Дружба народов», М., 2010, № 9, с. 167–187.

Равиль Гайнутдин,
председатель Совета муфтиев России
**РОССИЯ И ИСЛАМСКИЙ МИР:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕРЕЗ ТЕСНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО**
**(Из доклада на международной конференции
«Россия и исламский мир»)**

Выдающийся татарский просветитель, один из лидеров движения за обновление мусульманского сообщества России – так называемого российского джадидизма рубежа XIX–XX вв. – Исмаил-бей Гаспринский (1851–1914) в книге «Россия и Восток» пришел к очень интересному с точки зрения реалий современной российской действительности выводу: «Мне кажется, – писал он, –

что в будущем, быть может недалеко, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что, я думаю, нисколько не умалит ее значения как великой христианской державы». Поводом для таких провидческих слов, высказанных Гаспринским в далеком 1881 г., послужило, конечно же, его глубокое и, подчеркнем, верное убеждение в том, что вклад мусульманских народов России в ее самобытное цивилизационное развитие мог бы быть вполне сопоставлен с тем, что внес в него русский православный народ.

С тех пор утекло немало воды, страна в XX в. прошла через несколько совершенно разных социально-экономических формаций и политико-идеологических режимов, что, как известно, крайне тяжело отразилось на жизни всех верующих, независимо от их конкретных религиозных конфессий. Вместе с тем общий вектор развития России как многонационального и поликонфессионального государства остался неизменным, несмотря на весь драматизм и даже трагизм ее истории в минувшем XX в. И сегодня все мы можем свидетельствовать, насколько, в частности, верным оказалось предвидение ее великого мусульманского сына: нынешняя Россия, если принять во внимание динамику развития ее мусульманского сообщества, действительно является значительной мусульманской страной. И этот факт, кстати, стал в октябре 2003 г. по существу главным аргументом тогдашнего российского президента В.В. Путина, когда он, будучи почетным гостем Десятого саммита ОИК в Малайзии, поставил вопрос о прямом вступлении России в той или иной форме в самую крупную и влиятельную международную исламскую организацию современного мира. «Убежден, – заявил он в своем выступлении на том памятном Форуме, – участие России не только дополнит яркую палитру Организации, оно добавит в ее работу новые возможности, привнесет вес и голос крупной российской мусульманской общественности – Общины, которая уже не отделяет себя от мирового сообщества мусульман и готова к плодотворному участию в его духовной, культурной, политической жизни.

На протяжении многих веков Россия как евро-азиатская страна переплетена с исламским миром традиционными, естественными связями. В нашей стране исторически проживают миллионы мусульман, и они считают Россию своей родиной».

Совсем недавно, в июне текущего года, нынешний российский президент Д. Медведев, выступая в Каире на встрече с постоянными представителями стран – членов Лиги арабских госу-

дарств, еще раз разъяснил глубинные причины стратегического характера взаимоотношений России с Исламским миром: «Ислам, – заявил он, – является неотъемлемой частью российской истории и культуры... Скажу прямо, у России нет необходимости добиваться дружбы с мусульманским миром. Наша страна сама по себе является органичной частью этого мира: ведь российские мусульмане – это около 20 миллионов наших граждан. Такая цифра говорит сама за себя. Именно поэтому мы ценим наши расширяющиеся взаимодействия с Организацией Исламская конференция, где мы при активной поддержке наших друзей также получили статус наблюдателя». Вдумаемся в этот поистине исторического масштаба факт: миллионы российских мусульман, которые, согласно исламскому вероучению, являются, как и все остальные мусульмане, неотъемлемой частью всемирной мусульманской уммы, благодаря активному содействию своего государства влились в нее и формально! То есть начало XXI в. ознаменовано для российских мусульман полным восстановлением живой связи с ней, а осень 2003 г., когда В.В. Путин, сделал свои исторические заявления на Исламском саммите в Малайзии, они рассматривают как важнейшую веху в своей новейшей истории, с которой началось масштабное восстановление их исторических связей со своими зарубежными единоверцами. И отрадно отметить, что российские мусульмане приложили немало сил для того, чтобы Россия могла успешно и в короткие сроки интегрироваться в ОИК. Эта идея постоянно звучала в ходе визитов в арабские страны, а также в наших выступлениях на многих конференциях, которые проходили как в России, так и за рубежом. Об этом я не раз говорил во время встреч с монархами Марокко, Кувейта и Саудовской Аравии. Могу вспомнить наше официальное обращение в адрес Президента Исламской Республики Иран Мухаммада Хатами, который с 1998 г. возглавлял ОИК в качестве председательствующей страны. Таким образом, можно констатировать, что мы, мусульмане, в рамках возможностей религиозной, народной дипломатии сделали все от нас зависящее, чтобы сблизить Россию с исламским миром.

Заслуживает самых высоких оценок и огромная работа в этом направлении, проделанная МИД РФ и внешнеполитическими структурами, курирующими и координирующими государственные связи с арабо-мусульманским миром. Большие усилия по разъяснению важности вступления России в ОИК были сделаны нашими учеными-исламоведом – академиком Е.М. Примаковым, директором Института востоковедения В.В. Наумкиным и многи-

ми другими. Сегодня можно уверенно констатировать, что вступление России в ОИК – это плод целенаправленных и коллективных усилий как самого государства и российского общества, так и мусульманской общественности в целом.

Итак, подчеркнем еще раз: курс на всемерное сближение России с Исламским миром – это естественный курс, имеющий под собой глубокие и прочные основания. По меткому выражению Президента Республики Татарстан Минтимера Шаймиева, «стремление к развитию долгосрочного сотрудничества с Исламским миром – это не конъюнктурный момент для России». И наша общая задача, на мой взгляд, заключается в том, чтобы как можно полнее и эффективнее использовать открывшиеся пять лет назад возможности. Это могло бы найти отражение не только в росте масштабов экономического сотрудничества России с мусульманскими странами, которые сегодня, несомненно, значительно ниже, чем они могли бы быть. В Москве по инициативе председателя Торгово-промышленной палаты академика Е.М. Примакова успешно действует Российско-арабский деловой совет с двусторонними комиссиями. По нашей инициативе совместно с Исламским банком развития изучаются возможности практического использования механизмов исламского банкинга в российской финансовой системе. В СМР разработана программа по знакомству с элементами исламских финансовых институтов с целью их дальнейшего внедрения в практическую деятельность российских банков. В условиях мирового финансового кризиса такие шаги могут быть очень востребованы в недалеком будущем. Не сомневаюсь, что они, безусловно, будут успешными при условии всемерного развития наших связей с ОИК и такими ее аффилированными органами, как например, Исламская Организация по образованию, науке и культуре (ИСЕСКО), своеобразная параллель ЮНЕСКО для Исламского мира.

Очень скоро весь Исламский мир и, естественно, вместе с ним и мы будем отмечать 40-летие ОИК. Значение этой крупнейшей международной организации, объединяющей 57 государств, стремительно растет, что объясняется ростом роли ислама и в целом мусульманских государств в международной жизни. Для мусульманского сообщества России 40-летие ОИК – хороший повод еще раз вспомнить, что Россия исторически является важной цивилизационной составляющей мусульманского мира. Более того, важно отметить, что мусульманские народы России вносили и продолжают вносить свою заметную лепту в формирование Рос-

сийского государства и во многом привносят в мусульманский мир собственный, проверенный веками конструктивный опыт мирного межконфессионального диалога и сотрудничества.

Российское мусульманское сообщество является надежным мостом, соединяющим мир ислама и нашу многонациональную державу. Впервые народы Северной Евразии более 14 веков назад (как отмечает известный средневековый ученый Табари) познакомились с учением Пророка Мухаммада, это произошло в VII в. на территории Дагестана, а именно в Дербенте, куда мусульмане принесли свою религию и арабский язык, ставший на многие столетия языком межнационального общения. Очень плодотворной зоной межкультурного и международного диалога стало Среднее Поволжье, где на рубеже VIII–IX вв. сформировалась Волжская Булгария, первое на территории современной России государство с официально обозначенной конфессионально-культурной традицией. Важно подчеркнуть, что первое масштабное государственное объединение русского православного и тюркских мусульманских народов произошло в XIII–XIV вв. в составе мусульманской Золотой Орды, когда именно благодаря политической воле золотоордынских ханов началось собирание разрозненных русских княжеств вокруг Москвы. Можно согласиться с мнением выдающегося российского историка XIX в. Н.М. Карамзина: «Москва обязана своим величием ханам». Эта оценка касается и России в целом.

Во время наших последних встреч с генеральным секретарем ОИК Э. Ихсан-оглу особое внимание мы уделили задаче сплочения усилий по противодействию в мусульманской среде экстремистским идеям, подчеркивая необходимость активизации работы по продвижению в массы идеологии умеренности (аль-васатыя), которая является залогом мирного сосуществования религий и цивилизаций. Отмечу выдающуюся роль в продвижении этой идеологии со стороны лично эмира Кувейта шейха Сабаха аль-Ахмада аль-Джабера аль-Саббаха, а также нашего брата, первого заместителя министра по делам ислама и вакфов Кувейта Аделя Абдаллы аль-Фаляха, который прилагает немало сил в этом направлении. Надо отметить, что на основе реализации идеи умеренности Исламский мир может внести серьезный вклад в формирование новой, справедливой системы мироустройства. В этом направлении уже много делается, в частности успешно действует группа стратегического видения «Россия и Исламский мир»; летом прошлого года в Мадриде под патронажем короля Саудовской Аравии Аб-

даллы ибн Абдуль-Азиза Аль Сауда и короля Испании Хуана Карлоса состоялась Всемирная конференция по диалогу между культурами и религиями, участники которой заявили о важности стимулирования диалога, взаимопонимания и толерантности между людьми и уважения разнообразия религий и культур. С важными инициативами здесь выступает также созданный по инициативе нашей страны Международный общественный форум «Диалог цивилизаций», деятельность которого получила широкое признание в мире. Добрых слов заслуживает деятельность платформы «Диалог Евразия» и, конечно же, телевизионный канал «Россия сегодня» на английском и арабском языках, созданный при содействии АП РФ. Уже сегодня можно говорить о том, что каналу во многом удалось продемонстрировать истинный образ России, сыграть замечательную роль по преодолению негативных мифов и стереотипов о России, все еще, к сожалению, бытующих в современном мире, включая и обширный мир ислама. Многие зарубежные мусульмане, с которыми приходится общаться здесь, в России, или за границей признаются, что для них канал «Русия аль-яум» уже не просто источник информации исключительно об одной только России, но еще и авторитетный альтернативный источник международной информации о происходящем в мире вообще. Это наглядно свидетельствует том, что позиция России по многим вопросам близка арабам. Отсюда думается, что появление спутникового канала на русском языке о богатом, многообразном исламском мире, например – при ОИК, помогало бы и мусульманам России лучше познавать своих зарубежных братьев по вере, способствовало бы также преодолению не всегда изжитого еще недоверия к ним у отдельных социальных групп в России.

Курс на сближение с мусульманским миром, ставший одним из главных международных приоритетов России, должен носить системный, продуманный характер. Здесь есть поле для совместной деятельности мусульманских организаций (причем, не только религиозных) и государства. Опираясь на традиции доброго сотрудничества, накопленные на протяжении веков российскими мусульманами и их зарубежными единоверцами, мы развиваем сегодня двухсторонние международные связи практически со всеми странами Исламского мира в лице их полномочных органов и представительств, например – с министерствами исламских дел и вакфов Саудовской Аравии, Кувейта, Турции; Всемирной исламской лигой, Комитетом мусульман Азии (Кувейт), Международ-

ной организацией по сближению мазхабов (Иран), Международной ассамблеей Исламского Призыва (Ливия) и др.

Добрые плоды отмеченного сотрудничества уже можно наблюдать и в сфере исламского образования, которое нашим государством признано делом общенациональной важности. Сегодня крупные исламские университетские центры действуют в Казани, Махачкале, Москве. Открытие недавно Исламского университета имени Кунта Хаджи в Грозном, который благодаря личному заинтересованному участию президента Чечни Рамзана Кадырова оснащен по последнему слову техники, – лучшая иллюстрация сказанного. Если будущие имамы будут проходить обучение у себя на родине, а уже потом стажироваться и совершенствоваться в исламских науках в признанных университетах исламского мира, от этого, я уверен, выиграет и сама умма, и государство в целом. Но этот процесс нуждается в общей заботе и поддержке государства.

В заключение хочу вновь остановиться на международном аспекте отношений России с арабо-мусульманским миром. Российские мусульмане всегда чутко реагируют на факты несправедливости и эскалацию насилия в отношении своих единоверцев. Мне импонирует позиция Российского государства, которое в своей внешней политике в последние годы исходит из важности нравственной составляющей международных отношений. Это ощущается в энергичных усилиях по нормализации положения в Ираке и Афганистане на основе достижения национального согласия; политико-дипломатическом урегулировании проблемы иранской ядерной программы; укреплении стабильности в Ливане, решении палестинской проблемы через прекращение оккупации палестинских и других арабских земель. Я абсолютно уверен, что обеспечить прочную безопасность на Ближнем Востоке можно только на основе справедливого и всеобъемлющего урегулирования арабо-израильского конфликта. Непременным результатом такого урегулирования должно стать создание суверенного и независимого Палестинского государства. Поэтому идея проведения в Москве Международной конференции по Ближнему Востоку, с инициативой созыва которой Россия выступила еще в 2005 г. в Каире, мне представляется очень важной и актуальной.

Хотел бы еще раз подчеркнуть, что углубление и развитие отношений России с арабо-мусульманским миром отвечает интересам наших народов. Оно тем более естественно и органично для миллионов людей, объединенных общностью исламской религии и общей духовной традицией. Священный Коран, обращаясь ко всем

людям доброй воли, призывает: «Сотрудничайте в добре и благочестии, но не сотрудничайте во зле и грехе».

*«Безопасность Евразии», М., 2010 г.,
№ 1 январь–июнь, с. 353–358.*

Татьяна Литвинова,
кандидат экономических наук
(Институт социологии РАН)
**«ИНФОРМАЦИОННЫЙ ДЖИХАД»
В ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ**

Интернет является разнородной средой, в которой возможно размещение любой информации, в том числе материалов, призывающих к нарушению целостности Российской Федерации, подрыву государственной безопасности, созданию незаконных вооруженных формирований и осуществлению террористических актов. Все эти материалы попадают под ограничения Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114 «О противодействии экстремистской деятельности», который запрещает их издание и распространение.

С началом в сентябре 1999 г. контртеррористической операции в Чечне сепаратисты ушли в подполье, сделав каналом своей пропаганды Интернет. Основные черты глобальной сети – доступность и отсутствие цензуры размещаемой информации – предоставляют широкие возможности для беспрепятственной пропаганды сепаратизма и религиозного экстремизма. Все подобные интернет-ресурсы ведут свою работу из-за рубежа и имеют международные домены «.com», «.org», «.info» и др. Наиболее известны сайты «Ичкерия», «Чеченпресс», «Кавказ-центр», «Кавказ-монитор», «Джамаат “Шариат”», «Kavkazian Naamash». Сами экстремисты называют свою деятельность в Интернете «информационным джихадом», и, если верить материалу, размещенному на сайте «Кавказ-центр», объектом их пропаганды являются более 3 млн. пользователей Сети.

Цель настоящей статьи проанализировать стилистику и методы пропаганды экстремистов и осветить проблемы, стоящие на пути противодействия «информационному джихаду» в Интернете.

В октябре 2007 г. на сепаратистских сайтах было опубликовано заявление лидера чеченских боевиков Докку Умарова (Абу Усмана) о создании Имарата (Эмирата) Кавказ. Он провозгласил

себя эмиром Кавказа и объявил джихад России. Такое заявление означало фактическую ликвидацию Чеченской Республики Ичкерия (ЧРИ) и повлекло за собой раскол в среде и так неплотного «чеченского сопротивления».

Сторонники светской ЧРИ размещают свои обращения на сайтах «Ichkeria.info» и «Thechechenpress.com», а те, кто поддержал идею создания исламского государства на территории Кавказа, ведут свою пропаганду через интернет-ресурсы «Кавказ-центр», «Кавказ-монитор», «Джамаат “Шариат”», «Kavkazan Naamash» и др. Раздробленность в рядах «чеченского сопротивления» стала следствием гибели последнего легитимного в глазах международного сообщества президента ЧРИ А. Масхадова, а также начавшегося еще в пору его президентства конфликта между приверженцами традиционного ислама и радикального течения – ваххабизма.

Оба движения претендуют на роль преемников дудаевско-масхадовской ЧРИ и упрекают друг друга в отступничестве. Причем сторонники светской, независимой Ичкерии конкурируют и между собой, что также отражено в размещаемых в Интернете материалах. Сайт «Ичкерия.info» публикует сообщения так называемого «телефонного правительства» Чеченской Республики Ичкерия во главе с Ахъядом Идиговым. В 1993–1997 гг. он являлся председателем парламента дудаевской ЧРИ, затем был депутатом парламента республики во время президентства А. Масхадова, в настоящее время проживает за границей, а публикуемые в Интернете материалы подписывает как полномочный представитель парламента ЧРИ за границей.

В свою очередь, «Чеченпресс.com» является трибуной сторонников «премьер-министра Ичкерии» Ахмеда Закаева, который с 2001 г. находится во всероссийском и международном розыске по обвинению в терроризме; в 2003 г. Великобритания предоставила ему политическое убежище.

Интернет-ресурсы демонстрируют большую сплоченность сторонников Имарата, в отличие от «светских лидеров», что, на наш взгляд, можно объяснить высоким интегративным потенциалом ислама, который используется как идеологическая база борьбы с Россией. Прежде чем перейти к более детальному анализу стиля и методов пропаганды экстремистов, следует коснуться внешнего описания сайтов сторонников отделения Северного Кавказа от России.

Практически все анализируемые интернет-ресурсы имеют следующие разделы: «Умма» (новости исламского мира), «Кавказ», «Новости», «Аналитика», «Пресса». Хотя большинство подобных сайтов имеют раздел новостей, основной их задачей является скорее идеологическая корректировка информации. Экстремисты не только ставят под сомнение точность информации, поступающей из российских источников, но и пытаются популяризировать принятые в их среде географические названия, имеющие выраженную идеологическую окраску. Этот прием активно используется в сводках новостей из северокавказских республик РФ, которые в среде сепаратистов называются «вилайятами» (провинциями), например: вилайят Нохчийчоь (Чечня), объединенный вилайят Кабарды, Балкарии и Карачая.

Важным является также анализ символов и способов самопрезентации, используемых воинами «информационного джихада». На сайтах экстремистов размещены фотографии амиров (командиров боевиков) и шейхов (духовных лидеров), их воззвания и обращения.

Следующий шаг анализа экстремистских сайтов – выделение ключевых агентов (личностей, понятий, тем), используемых в их пропаганде. Отличительной чертой размещаемых текстов является то, что некоторым словам и символам приписывается неконвенциональное значение. В качестве агентов зачастую выступают исламские термины, такие как «джихад» (усердие на пути Всевышнего), «моджахеды» (борцы), «муртады» (отступники), «кафиры» (неверные). Однако их новые подразумеваемые значения явно не соответствуют традиционным: джихадом сепаратисты называют войну, которую они объявили России и западному миру, моджахедами именуют боевиков, муртадами – мусульман, работников правоохранительных органов северокавказских республик. Они придают соответствующую идеологическую оценку деятельности сепаратистов, изображая их как мучеников и поборников веры, а их противников – как неверующих и «национал-предателей». Агенты, обозначающие враждебную сепаратистам сторону, снабжаются крайне негативными и даже уничижительными характеристиками.

Один из часто используемых приемов пропаганды сепаратистов – заведомо ложное истолкование истории. Распространяется миф о многовековой непрекращающейся войне кавказских народов с Россией. Следующий прием — фактографическая пропаганда, искажение исторических фактов.

Также часто используется прием гиперболизации негативных черт и неудач противника. Намеренно рисуется неприглядный образ России. На сайтах «Кавказ-центр», «Кавказ-монитор» и «Kavkazan Naamash» фигурируют такие заголовки статей, как «Российская экономика на грани коллапса», «В России все признаки цивилизационного заката». Действия правоохранительных органов на Северном Кавказе преподносятся как террор против мирного населения, распространяется информация об исчезновении людей, вина за это возлагается на «марионеточных милиционеров».

Таким образом, вследствие «информационного джихада» в Интернете создается новая реальность. Искажение новостей и фактов, популяризация принятых в среде сепаратистов географических названий, использование «языка вражды» формируют виртуальный мир Имарата Кавказ, находящийся вне правового, культурного и информационного поля Российской Федерации. Риторика сепаратистов, безусловно, представляет серьезную опасность, так как вышеперечисленные интернет-сайты доступны для молодежи Северного Кавказа. На наш взгляд, можно выделить следующие трудности в борьбе с «информационным джихадом».

В первую очередь, это трудности правового характера. Федеральный закон № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» устанавливает ответственность за экстремистскую деятельность для юридических лиц и СМИ, предусматривает возможность приостановления деятельности экстремистской организации путем подачи судебного иска о ее запрете и ликвидации. Закон также ввел институт запрета и для незарегистрированных в качестве юридических лиц организаций, если они занимаются экстремистской деятельностью. Однако в силу одной из особенностей Интернета – бесконтрольности подачи информации – данные нормы в отношении распространителей экстремистских материалов в Сети являются практически «беззубыми».

Одним из важных изменений, внесенных в Федеральный закон № 114 в июле 2006 г., было следующее дополнение ст. 15: «Автор печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных материалов (произведений), предназначенных для публичного использования и содержащих хотя бы один из признаков, предусмотренных статьей 1 настоящего Федерального закона, признается лицом, осуществлявшим экстремистскую деятельность, и несет ответственность в установленном законодательством Российской Федерации порядке». Таким образом, в случае установления авторства

подрывных материалов возникала индивидуальная ответственность. Однако на практике привлечь к ответственности автора статьи экстремистского содержания довольно трудно: нужно определить авторство, найти этого человека, провести экспертизу статьи и, наконец, рассмотреть в суде.

В июле 2007 г. вступил в силу Федеральный закон № 211 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму». Статья 13 новой редакции закона предусматривала создание и размещение в Интернете на сайтах органов юстиции и в СМИ федерального списка экстремистских материалов, находящихся под запретом.

В апреле 2008 г. Генеральная прокуратура РФ выступила с инициативой в законодательном порядке ограничить доступ российских пользователей к сайтам экстремистского характера, т.е. ввести для интернет-ресурсов те же правила, которые уже существуют в отношении СМИ. После опубликования списка экстремистских сайтов на официальном сайте федеральной службы в сфере юстиции, все российские провайдеры будут обязаны заблокировать доступ к таким сайтам в течение месяца.

Однако большая часть нежелательных материалов размещается на серверах, географически находящихся вне России, т.е. не относящихся к российской юрисдикции. Попытки каким-то образом повлиять на зарубежных провайдеров через их правительства по линии сотрудничества в борьбе с международным терроризмом, как правило, ни к чему не приводят. По свидетельству начальника Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры РФ С. Карапетяна, с 2007 г. по сентябрь 2009 г. правоохранительным и судебным органам иностранных государств было направлено 43 уведомления в отношении 148 ресурсов, содержащих экстремистские материалы. Однако ответы поступили только в отношении 5 ресурсов со ссылкой на несоответствие требований запроса национальному законодательству. Более того, на ресурсах экстремистов в победных выражениях сообщалось об отказе в юридической помощи по запросу Генеральной прокуратуры РФ к правительству Швеции найти автора статей, публикуемых на сайте «Кавказ-центр».

Вторая проблема противодействия пропаганде сепаратизма и экстремизма в Интернете – техническая. В ряде государств успешно используются технические средства блокировки поступления нежелательной информации к пользователям Сети. Ни один из

таких технических способов блокировки у нас в стране пока не используется. Есть лишь неформальная практика взлома нежелательных сайтов. Например, сайт kavkaz.org несколько раз взламывался хакерами, и существует мнение, что это делалось с одобрения российских властей. У российских пользователей нет никаких законодательных и технических препятствий для просмотра подрывных материалов у себя дома или на рабочем месте (если работодатель не установил собственные фильтры на рабочую сеть, правда, под запрет работодателя чаще попадают социальные сайты, а не сайты экстремистской направленности).

В связи с этим особую актуальность приобретает не столько введение запретов, сколько необходимость критического прочтения содержания этих сайтов, а значит, третья проблема противодействия экстремистской пропаганде – идеологическая. В своих материалах сторонники отделения Северного Кавказа от России используют историческую связь этнического и религиозного, манипулируют национальным самосознанием.

К сожалению, мы вынуждены констатировать, что на государственном уровне до сих пор не создано достойной альтернативы подобному влиянию на людей, нет объединяющей всех россиян надэтнической и надрелигиозной идеологии. В связи с этим важными составляющими борьбы с этносепаратизмом и религиозным экстремизмом должны стать формирование межэтнической и межконфессиональной толерантности, культуры согласия и мира, пропаганда социальной справедливости, равенства и братства народов. Все это невозможно без проведения мер социально-экономического характера. По данным Росстата, весной 2010 г. уровень безработицы в Ингушетии составил 50,8% населения в возрасте от 15 до 72 лет, в Чечне в тех же возрастных группах было зарегистрировано 41,8% безработных. Существующие в регионе социально-экономические проблемы, безработица, социальная нестабильность и сложная криминальная ситуация создают благоприятную среду для распространения сепаратистских идей.

Таким образом, противодействие пропаганде этносепаратизма и религиозного экстремизма в глобальной сети связано с трудностями правового, технического, идеологического и социально-экономического характера. Мы считаем, что действенными мерами в борьбе с «информационным джихадом» могут стать разоблачение лживой риторики экстремистов, активная национальная государственная политика, направленная на выравнивание социально-экономических показателей республик Северного

Кавказа. Кроме того, особую актуальность приобретают более активное использование и разумное сочетание законодательных и технических рычагов.

«Власть», М., 2010, № 9, с. 116–120.

Лилия Ашрафуллина,
кандидат исторических наук (Татарстан)
**РОЛЬ ТАТАРСТАНА В СОЗДАНИИ
ЕВРАЗИЙСКОГО ИМИДЖА РОССИИ**

Сегодня России важно сохранить тот традиционный евразийский имидж, сформированный ею в предшествующий период и позволяющий эффективно выстраивать разноплановые отношения с Востоком и Западом. Свою лепту в поддержку этого евразийского имиджа могут внести и национальные республики. С этой точки зрения интересен опыт Татарстана, который, активно развивая культурные связи со странами мусульманского мира, способствует тому, чтобы значение этих традиционных для России связей было более полномерно представлено в имидже России.

Культурные связи с мусульманским миром были инициированы общественностью Татарстана. В представлениях татарской интеллигенции в конце 1980-х – начале 1990-х годов потенциал международных отношений заключался в принадлежности татарской нации к тюркскому и исламскому сообществу и признании ее промежуточного и связующего в культурно-цивилизационном отношении положения между Востоком и Западом. Татарский общественный центр (ТОЦ) большое внимание уделял проблеме активного участия татарского общества в процессе консолидации тюркских культур и предполагал, что именно оно могло бы взять на себя посредническую функцию между Востоком и Западом, опираясь на уже имеющийся соответствующий опыт в прошлом и ключевое положение татарского языка в тюркской языковой группе.

Теоретические конструкции развития национальной культуры и зарубежных связей в реальности воплощались иначе. Самыми актуальными проблемами стали объединение дисперсно расселенной нации и ее представление на международной арене после многолетнего отсутствия. Общественная организация по развитию зарубежных связей с соотечественниками «Ватан», созданная в 1990 г., используя потенциал соотечественников, активно занималась популяризацией татарского искусства. Ей удалось заручиться

поддержкой бизнесменов Ф. Бичури и М. Сузера, которые согласились быть ее представителями в Стамбуле и Измире и выразили готовность развернуть деловое сотрудничество.

В 1990-е годы среди ученых Татарстана популярность получила идея евроислама, в которой видели интегрирующий потенциал. Манифестом евроислама была названа статья Р.С. Хакимова «Где наша Мекка?». По мнению автора статьи, для производства конкурентоспособной высокотехнологичной продукции, развития собственных научных школ и системы высшего образования необходимо вводить стандарты, близкие к европейским, поэтому ислам в Татарстане неизбежно станет европеизированным. При этом миссия Татарстана – в распространении взаимопонимания, которое поможет скрепить общими узами все человечество. В татарском обществе тема евроислама стала дискуссионной.

Таким образом, этноконфессиональные факторы геополитики сыграли важную роль в том, что Татарстан состоялся как субъект международной жизни. В результате формировавшиеся Татарстаном связи во многом способствовали преодолению наметившегося в 1990-е годы кризиса в евразийской геополитике России. При определении приоритетов в международной деятельности президент Татарстана руководствовался конфессиональным составом населения: «У нас население 50 на 50: половина – мусульмане, половина – христиане. Для сохранения равновесия не будем делать крен ни в сторону Востока, ни в сторону Запада. Будем их сочетать».

Международными факторами, избранными властями и создававшими узнаваемый образ республики, стали идеи толерантности и спортивных достижений. Популяризации Татарстана как примера толерантности способствовали Институт культуры мира под эгидой ЮНЕСКО и региональный отдел этой организации, открытые в Казани в 1999 г. Регион, где мирно уживаются представители мусульманской и христианской конфессий, вызвал большой интерес у мирового сообщества, прежде всего европейского. Контент-анализ переводных статей зарубежных журналистов, размещенных на официальном сервере Республики Татарстан, позволяет предположить, что толерантность становится отличительным знаком республики на международной арене. Современная политика официальных властей республики направлена на развитие данного направления. Требуемыми повышенного внимания называются места, в которых по соседству расположены мусульманские и православные памятники. На мировом рынке их

представляют как уникальные для туризма. Политические круги Европейского союза также обратили свое внимание на Татарстан как экономически перспективный регион с квалифицированными людскими ресурсами. По словам главы представительства Европейского союза в России Ф.М. Валенсуэлы, «растущая роль Татарстана и Казани, как в России, так и на международной арене, в свете подготовки Универсиады-2013, которая пройдет в Казани, открывает новые возможности, которые европейским компаниям упускать не следует».

Таким образом, зарубежные связи татарской общественности и международная деятельность (внешняя политика) государственных структур РТ приобрели разноплановый и взаимодополняющий характер. Татарская общественность связывает культурное, духовное, экономическое и в определенной степени научно-информационное возрождение республики с ее тюрко-мусульманской ориентацией, а в деятельности государственных структур она не стала определяющим фактором. В то же время, в целом, международные культурные связи, осуществляемые по линии общественных и государственных структур, идентифицируя Татарстан на международной арене как узнаваемый в мире, самобытный тюрко-мусульманский регион, способствовали формированию евразийского имиджа России. Всемирный конгресс татар (ВКТ) в 1997 г. обратился к официальным властям разных стран с просьбой способствовать развитию культурных связей с РТ.

Говоря о культурных связях, уместно напомнить, что татарский язык не раз приобретал международное значение. В начале XX в. важную роль в жизни мусульман стало играть татарское просветительство. Его идеи получили широкое распространение в мире ислама благодаря татарскому книгоизданию, функционировавшему на основе арабской графики. Татарский язык в то время играл роль распространителя современных знаний среди мусульман. И сейчас существует мнение, что положение татарского языка в качестве ключевого в группе тюркских языков обладает международным потенциалом. Оно было широко распространено среди интеллигенции в начале 1990-х годов, его придерживается и Р.Ф. Хакимов – государственный советник по политическим вопросам при Президенте Республики Татарстан в 1991–2008 гг. Накануне краха Советского Союза татарский язык был доведен до глубокого кризиса, его ожидала перспектива полного исчезновения. В конце 1980-х –1990-е годы XX в. татарские общественные организации работали в направлении создания единого информа-

ционного языкового пространства. В 1990 г. ТОЦ обратился к Конгрессу и президенту США с просьбой начать вещание на татарском языке по системе «Голос Азии».

На II Всемирном конгрессе татар в 1997 г. предметом широкого обсуждения стал вопрос использования латинской графики для татарского алфавита, представляющей также особый интерес с точки зрения упрощения трансграничного информационного взаимодействия и стимулирования международной интеграции. Переход на латиницу считали необходимым деятели «Ватана», которым приходилось сталкиваться с неразрешимыми проблемами при литературных обменах, общении с диаспорой и т.д. Невозможность использовать единый алфавит в письменных сообщениях, литературных связях усложняет визуальное восприятие родственных и, соответственно, похожих тюркских языков, укорачивает протяженность татарской культуры.

Ситуация усугубилась тем, что Государственная дума РФ, несмотря на сопротивление субъектов Федерации, в 2002 г. приняла поправку к Закону РФ 1991 г. «О языках народов РФ», в которой говорится о кириллице как о графической основе языков народов Российской Федерации. Впоследствии проблема использования татарского языка в глобальных информационных системах была частично решена усилиями ученых и республиканских структур путем включения в популярные коммуникационные и прикладные программы возможностей использования татарских шрифтов на базе кириллицы.

Важным фактором, определяющим успех Татарстана в сфере международных культурных связей, по мнению общественности, являлись мусульманские традиции татарского общества и, прежде всего, опыт джадидизма – реформаторского исламского течения, возникшего на рубеже XIX–XX вв. Между тем на практике зарубежные связи в сфере религиозных отношений имели традиционалистский характер. Татары встречались с единоверцами из Турции, Ливана, Кувейта и др. стран. При этом большое значение приобрели образовательные программы. Татарские мусульмане получили возможность обучаться в зарубежных исламских университетах. В 1990-е годы преподаватели ислама стали частыми гостями мусульман республики, а религиозные деятели республики участвовали в международных конференциях.

Своя собственная роль в мире современного ислама у Татарстана появилась в 2005 г., благодаря инициативе Совета муфтиев России и телевидеокомпании «Исламский мир». Тогда в Казани

впервые был проведен международный фестиваль мусульманского кино «Золотой минбар». Он оказался единственным в мире форумом мусульманского кино и был поддержан мусульманами и профессионалами в сфере кинематографии разных стран. Среди целей фестиваля организаторы обозначили стимулирование создания художественных и документальных фильмов на мусульманскую тематику, объединение творческой мусульманской элиты.

«Власть», М., 2010, № 8, с. 146–147.

Максуд Садиков,

ректор Института теологии и международных отношений им. Маммадибира ар-Рочи (г. Махачкала)

ДАГЕСТАН: ИНТЕГРАЦИЯ СВЕТСКОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ЗНАНИЯ

Современное учебное заведение, в том числе и религиозное, должно способствовать воспитанию и подготовке человека к жизнедеятельности в мире и согласии в многообразном поликультурном обществе. Особое внимание в образовательном процессе должно быть уделено вопросам воспитания толерантности и уважительного отношения к людям разных мировоззрений. Толерантность по исламу, это, во-первых, уважение и правильное восприятие богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности; во-вторых, необходимое условие для функционирования, развития человека и сохранения разнообразия человеческого общества в целом; в-третьих, норма цивилизационного компромисса между конкурирующими культурами.

В условиях глобализации мира и постепенного насыщения информационного поля разными антиобщественными идеологиями, в том числе экстремистскими и националистическими, важно ориентировать человека на правильный выбор, обеспечить его духовную и мировоззренческую безопасность. Отсутствие у большинства наших граждан должных знаний, как в области религии, так и жизни в современном светском обществе, делает их уязвимыми к внешним агрессиям и манипуляциям, не способными противодействовать экстремистским, сектантским и другим антиобщественным идеологиям. Данные обстоятельства говорят об острой необходимости совершенствования и развития сферы обра-

зования страны, особенно – формирования эффективной системы религиозного образования.

В настоящее время в Дагестане действуют более 1700 мечетей, 13 исламских вузов, 18 медресе. Наиболее активными и перспективными учебными заведениями являются Чиркейский институт им. Сайда Афанди, Исламский институт имени Ашари (Хасавюрт), Дагестанский исламский университет (Махачкала), Институт теологии и международных отношений (Махачкала). В них обучаются более 4 тыс. человек. В 2007 г. в Дагестане создан Северо-Кавказский университетский центр исламского образования и науки, основными задачами которого являются:

- подготовка современных высококвалифицированных слушателей исламского культа, исламских теологов и других специалистов с углубленной подготовкой в области истории и культуры ислама для сферы религии и управления субъектов Северо-Кавказского региона;

- координация деятельности религиозных учебных заведений региона, их учебно-методическое и организационное обеспечение;

- повышение квалификации и переподготовка имамов и других слушателей исламского культа;

- адаптация системы религиозного образования к условиям и особенностям России;

- внедрение в религиозные учебные заведения современных педагогических, образовательных, научно-информационных и компьютерных технологий.

При Университетском центре действует Ученый совет из авторитетных специалистов в области религии, созданы и работают отделы: религиозных исследований и методических разработок, аттестации религиозных учебных заведений и преподавателей, повышения квалификации слушателей исламского культа и преподавателей исламских учебных заведений.

В Университетском центре исламского образования и науки разработаны адаптированные образовательные и воспитательные программы с учетом ситуации в стране и мире, а также особенностей многонационального Кавказского региона. Особое внимание в них уделяется воспитанию у студентов высоких духовно-нравственных качеств, так как знание без воспитания порой бывает опасным.

Университетский центр участвует в реализации программ Минобрнауки России, Фонда поддержки исламской культуры,

науки и образования, направленных на подготовку специалистов с углубленным знанием по истории и культуре ислама; взаимодействует с известными государственными вузами России: Московским государственным лингвистическим университетом, Санкт-Петербургским государственным университетом, Северо-Кавказским государственным техническим университетом (г. Ставрополь), Пятигорским государственным лингвистическим университетом и др.

Главным учреждением Университетского центра является Институт теологии и международных отношений, который является одним из первых инновационных учебных заведений России, приступивших к реализации государственного стандарта подготовки исламских теологов и прошедших государственную аккредитацию. В Институте теологии функционируют четыре факультета, где ведется подготовка по следующим направлениям и специальностям: теология (бакалавр теологии); лингвистика (лингвист, преподаватель иностранных языков и культур: арабский язык, английский язык); искусство и гуманитарные науки (бакалавр искусств и гуманитарных наук); экономика (бухгалтерский учет, анализ и аудит). Все студенты института, независимо от выбранной ими специальности, проходят религиозную (ислам) и языковую (арабский, английский) подготовку. К примеру, на факультете экономики, помимо экономических дисциплин в рамках государственного образовательного стандарта, изучается исламская экономическая модель, а при подготовке лингвистов им даются не только знания по нормам литературного языка, но и нормам религиозного канонического языка.

При Институте теологии действует Гуманитарно-педагогический колледж, в котором готовят учителей начальных классов, воспитателей для дошкольных учреждений, учителей иностранного языка и информатики. Колледж действует как средне-специальное учебное заведение с 2005 г., и в этом году состоялся первый выпуск из 25 молодых педагогов. Главным направлением деятельности Института теологии и международных отношений является подготовка современных отечественных исламских теологов.

Теолог в современном обществе очень востребованный специалист. Он нужен в религиозных учреждениях и организациях, органах государственного управления и безопасности, в системе образования и науки, в сфере межнациональных отношений, в организациях по религиозному туризму (хадж и умра) и бизнесу.

Теолог вооружен не только знаниями в области ислама, он знает историю и культуру других конфессий, владеет технологиями межконфессионального диалога и межкультурных коммуникаций; умеет пользоваться современными методиками педагогики, психологии, информатики и др. Выпускник ориентируется как в сфере религии, так и в жизни в светском обществе.

За небольшой период существования Университетским центром разработано более 25 учебно-методических комплексов по исламским дисциплинам на русском языке (впервые) и издано более 10 учебников и учебных пособий. В них учтены дагестанские традиции и условия современного российского общества. Разработаны новые стандарты и учебные планы подготовки исламских теологов. В частности, в учебных планах усилен языковой блок. Выпускники должны владеть тремя языками: русским, арабским, английским. Расширен блок общегуманитарных и естественно-математических дисциплин. Введены в учебный план такие дисциплины, как психология, педагогика, политология, компьютерные и информационные технологии, законы государства о религии, дисциплины по межконфессиональному диалогу, история и теология христианства, история и культ иудаизма, история буддизма.

Впервые в рамках Университетского центра начата подготовка научных кадров для исламских учебных заведений. В прошлом году 10 человек из преподавателей Института теологии поступили в аспирантуру и докторантуру Северо-Кавказского государственного технического университета (г. Ставрополь), 40 человек преподавателей прошли повышение квалификации по современным педагогическим и информационным технологиям.

Студенты учебных заведений Университетского центра активно участвуют в общественной жизни региона и страны, научных форумах, конкурсах и олимпиадах всех уровней. В 2008–2009 гг. студенты участвовали в первой Всероссийской олимпиаде среди исламских вузов России (Татарстан), Международном конкурсе чтецов Корана в Москве и Бишкеке, Общероссийской олимпиаде по арабскому языку в Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ), Общероссийской олимпиаде по русскому языку и культуре речи в Московском исламском университете и др.

Университетский центр ведет активную работу по установлению связей и отношений с учебными заведениями как в России, так и за рубежом. Идет налаживание контактов с такими извест-

ными зарубежными исламскими образовательными центрами, как «Аль-Азхар» в Египте, «Абу-Нур» в Сирии, Иорданским государственным университетом. Проходят переговоры и с европейскими учебными заведениями: теологическим факультетом Амстердамского университета, кафедрой исламской теологии Кембриджского университета.

В Дагестане сегодня, на первый взгляд, созданы все условия для реализации конституционного права граждан на свободу вероисповедания. Почти в каждом населенном пункте есть мечети, религиозные учебные заведения (80% всех религиозных учебных заведений России находится в Дагестане), ежегодно более 15 тыс. паломников из нашей республики совершают хадж (70% от общероссийской квоты на паломничество), неплохо развита система исламских СМИ и т.д.

Но, к сожалению, немало и проблем. Сегодня более 1 тыс. молодых дагестанцев учатся за рубежом в разных странах: Пакистане, Малайзии, Египте, Саудовской Аравии, Сирии, Тунисе, Кувейте, Иране, Иордании. Многие из них выезжали за рубеж самостоятельно, и качество получаемого ими образования зачастую неизвестно. Тем не менее с ними нужно работать и налаживать диалог, адаптировать их к местным традициям и системе российского образования, трудоустраивать и находить им место на родине.

Традиционная дагестанская система религиозного образования была и остается одной из самых эффективных как в России, так и за рубежом. Поэтому в перспективе получать религиозное образование, по крайней мере, до уровня бакалавра исламской теологии, молодым людям было бы целесообразно в Дагестане и лишь потом выезжать за рубеж.

Вторая проблема – это общая религиозная безграмотность нашего общества. Процесс допуска знаний об истории и культуре религий в государственные и муниципальные учреждения идет очень медленно. Это как раз то, что нужно идеологам экстремизма и сектам. Им нужна малограмотная, легко зомбируемая молодежь с неопределенным мировоззрением. Поэтому требуется повышение религиозной грамотности как условие профилактики антиобщественных идеологий, а также как важное средство для развития межкультурного диалога в многонациональном регионе.

Третья проблема: нет определенности в формате диалога власти и религиозных институтов общества. У каждого региона свои подходы и свои технологии. Важно понимать, что проблемы

в религиозном образовании и сфере религии в целом – это не только дело религиозных учреждений, но в том числе и государства. Конституционный принцип отделения религии от государства не освобождает руководителей госучреждений от личной ответственности перед Всевышним и обществом. Управление государством – это системный процесс, требующий всеобщего анализа социальных процессов и явлений. Решения государственного служащего не должны разделять общество, а должны объединять и консолидировать его.

Осознание существующих проблем и активное содействие их решению, несомненно, приведут к оздоровлению ситуации и в республике, и в России в целом, ведь самая большая трагедия для любого народа – это его невежество, а невежество в вопросах религии – вдвойне трагично, поэтому сегодня толерантность и религиозная грамотность граждан являются условиями выживания и обеспечения безопасности нашего общества, мир и спокойствие могут быть сохранены, прежде всего, путем мирного диалога и налаживания взаимоотношений между людьми на основе этнических, нравственных, религиозных норм, а не насилия и оружия.

«Проблемы становления и развития мусульманского образования на постсоветском пространстве», М., 2009, с. 120–126.

Камалудин Гаджиев,
политолог
**СТАНЕТ ЛИ АЗЕРБАЙДЖАН
ВТОРЫМ КУВЕЙТОМ?**

В раскладке сил на Южном Кавказе и вокруг Каспия ключевую роль играет Азербайджан. Он не только обладает большими углеводородными ресурсами, но и занимает весьма выгодное положение на пути транспортировки нефти и газа в западном направлении с территории всего Каспийского бассейна. Поэтому естественно, что после распада СССР Азербайджан оказался в наиболее благоприятном положении по сравнению с двумя другими южнокавказскими государствами.

С момента заключения так называемых «контрактов века» в середине 90-х годов в страну пошли инвестиции, появились новые рабочие места, причем не только в нефтяной сфере, но и в ряде других отраслей экономики. Сам факт появления в стране запад-

ных компаний имел не только сугубо экономическое, но также колоссальное морально-психологическое значение, поскольку породил у населения надежды на быстрое возрождение экономики, укрепление новой азербайджанской государственности, достижение социально-политической стабильности. Нельзя не отметить также тот факт, что, вкладывая немалые средства в освоение углеводородных месторождений, крупнейшие мировые компании, по сути дела, стали лоббистами интересов Азербайджана на международной арене. По имеющимся данным, в 2006 г. в Азербайджане объемы добычи нефти достигли рекордной отметки – 30 млн. т, и в последующие годы эти объемы неуклонно росли. Повышение уровня нефтедобычи в сочетании с высокими ценами на энергоносители на мировых рынках привело к резкому повышению доходов в государственный бюджет.

Нужно сказать, что экономический потенциал Азербайджана отнюдь не сводится к одним только нефтересурсам. Азербайджанские эксперты оценивают потенциальные запасы золота в своей стране более чем в 1 тыс. т, что превышает известные запасы Грузии и Армении вместе взятые. Для переработки золота в республике предполагается построить аффинажный завод. При содействии ЕС осуществляются реорганизация и модернизация отраслей промышленности, связанных с энергетикой, а также крупных нефтехимических комплексов. Большие экспортные возможности Азербайджана связываются с агропромышленным потенциалом. В стране разработан комплекс стратегически важных преобразований в сельскохозяйственном секторе, которые в совокупности призваны расширить его возможности самостоятельно обеспечивать себя продовольственными товарами, создания условий для развития рынка в зерновом секторе, совершенствования системы предоставления сельскохозяйственных кредитов и т.д. Республика в состоянии добиться самообеспечения зерном, сахаром и чаем. Ощутимый приток валюты может дать развитие туризма.

Об улучшении экономической ситуации в республике свидетельствует наблюдавшийся в докризисный период строительный бум. Государство продемонстрировало готовность финансировать строительство железной дороги Баку–Тбилиси–Карс. Начиная с 2003 г. в стране было создано 520 тыс. рабочих мест. Но полностью решить проблему безработицы и ликвидировать бедность властям еще не удалось.

Азербайджан стремится использовать также свой значительный транзитный потенциал. Так называемый кавказский транс-

портный коридор, который в значительной своей части пролегает по территории республики, может превратить Азербайджан в один из региональных центров международной торговли и реэкспорта. Естественно, в данном контексте все более возрастающее значение приобретает сотрудничество западных стран в сфере транспортных коммуникаций, о чем более подробно будет сказано в соответствующей главе.

При всем том главным источником экономического роста стали доходы от экспорта энергоносителей на мировые рынки. По данным Государственного таможенного комитета, предоставленным агентству «Интерфакс-Азербайджан», объем внешнеторгового оборота Азербайджана в 2008 г. составил астрономическую для этой страны величину в 54 млрд. 919 млн. 697,3 тыс. долл. с 40 млрд. долл. положительного сальдо, что многократно превышает показатель 2007 г. Экспорт равнялся 47 млрд. 756 млн. 229,4 тыс. долл. (рост в 7,8 раза), импорт – 7 млрд. 163 млн. 467,9 тыс. долл. Причем в структуре экспорта 92,49% пришлось на сырую нефть, 4,3%, – на нефтепродукты, 0,48% – на черные металлы и изделия из них, 0,45% – на плодоовощную продукцию, 0,26% – на масла растительного и животного происхождения и др. Основной объем экспорта в 2008 г. пришелся на Италию (40,25% общего объема экспорта), США (12,59%), Израиль (7,55%), Индию (5,09%), Францию (4,86%); основной объем импорта в Азербайджан – на Россию (18,83%), Турцию (11,27%), Германию (8,36%), Украину (7,92%), КНР (6,68%) и Великобританию (5,39%). Как показывают эти данные, львиная доля экспорта приходится на сырую нефть.

За счет нефти страна получает более 75% доходов государственного бюджета, а 20% поступает в основном из торговли, от таможенных пошлин и других налоговых сборов и всего лишь 5% от сельского хозяйства и промышленности. Нефтяной фактор определяет основные векторы как внутренней, так и внешней политики Азербайджана. Нельзя отрицать тот факт, что именно так называемая нефтяная дипломатия способствовала привлечению к Азербайджану интереса международного сообщества. В этом плане и внешняя, и внутренняя политика Азербайджана подвержена серьезному влиянию конъюнктурных колебаний цен на это сырье на мировых рынках и хода переговоров по вопросу о выборе маршрутов транспортировки углеводородных ресурсов и их финансирования.

Но при всех отмеченных достижениях Азербайджан не удалось превратить во второй Кувейт, о котором часто говорил Г. Алиев. По мере того как обнаруживалось, что прогнозы о фантастических объемах уже разведанных и еще не разведанных запасов углеводородов не совсем соответствуют реальному положению вещей, первоначальная эйфория шла на убыль. Как заявил вице-президент компании «Шелл» Г. Грэхэм, «этот район не является “новым Персидским заливом”, но запасы Каспия вполне сравнимы с запасами Северного моря». Разумеется, эти запасы имеют большое значение и их действительно можно использовать для эффективного развития азербайджанской экономики.

Социальное и экономическое положение в Азербайджане усугубляется коррупцией и произволом государственных чиновников. По мнению многих наблюдателей, коррупция охватила все властные структуры и стала угрозой национальной безопасности. Одним из факторов, оказывающих существенное негативное влияние на социально-экономическое положение южнокавказских государств, является органическое слияние власти и собственности. Так, сын бывшего президента Г. Алиева, нынешний президент страны И. Алиев, будучи первым вице-президентом Государственной нефтяной компании Азербайджана, контролировал нефтяную отрасль республики. Журналист И. Гусейнова писала по этому поводу: «Сегодня в Азербайджане и за его пределами уже ни для кого не секрет, что нефть и весь бизнес, связанный с ней, принадлежит семье Алиевых. Именно поэтому президент сразу же, еще 10 лет назад, назначил своего единственного сына вице-президентом Государственной нефтяной компании РА (ГНКР). Именно поэтому все силы последние два года Гейдар Алиев бросил на то, чтобы привести сына к власти после себя». В этом же духе оппозиционная газета «Ени Мусават» со ссылкой на ряд источников отмечала: «Состояние и недвижимость, принадлежащие Гейдару Алиеву, оцениваются в 24 млрд. долл., у сына Ильхама – 11 млрд., у дочери Севиль – 13 млрд.». Как отмечал российский журнал «Эксперт», отличить сегодня частную собственность Алиевых от государственной не представляется возможным (Эксперт, 2003, № 29).

Однако не только нефть составляет статью доходов семьи. Как писали еженедельник «Монитор-weekly» и газета «Новое время», весь не нефтяной бизнес в Азербайджане принадлежит людям из клана. К самым богатым людям Азербайджана относят брата Г. Алиева – Джалала. Однако во сколько оценивается все его бо-

гатство, даже оппозиционная пресса не пишет. Он засудил уже несколько изданий за одно то, что они писали о виллах в Великобритании и Турции, которые ему принадлежат, бензозаправках, элитных строениях, домовладельцем которых он является, фешенебельной гостинице в одном из живописнейших мест Азербайджана и т.д. Комментируя эти факты, в Баку то ли в шутку, то ли всерьез говорят о возможном появлении на мировом рынке нового нефтяного гиганта под условным названием «Алиев и сыновья». Еще в ноябре 1998 г. несколько оппозиционных газет опубликовали списки госчиновников и близких родственников президента Г. Алиева, владеющих огромной недвижимостью в 25 странах мира на сумму 700 млн. долл. Для предпринимателей порой создаются условия, при которых успех или неудача экономической деятельности зависят от личных связей с президентскими и иными властными структурами. Фаворитизм, nepотизм, кумовство, раздача разного рода льгот и, соответственно, разворовывание национального достояния стали неотъемлемыми атрибутами социальной и экономической жизни страны.

Все это дает основание согласиться с одним из обозревателей, который сравнил республику с «нищим на золотом троне». Действительно, мизерные пенсии и зарплаты многих азербайджанцев, эмиграция и «отходничество» в Россию на заработки выглядят нелепо рядом с бьющим через край «нефтяным фонтаном».

Анализ реального положения вещей не дает оснований для однозначной положительной или отрицательной оценки как сущности и характера установившегося в Азербайджане режима, так и его соответствия тем или иным конкретным моделям государственно-политического устройства. Для правильного понимания данной проблемы прежде всего необходимо в самой краткой форме проанализировать ситуацию в республике. Процесс провозглашения современного независимого азербайджанского государства сопровождался известными трагическими событиями, которые не могли не наложить глубокий отпечаток на основные направления и характер трансформационных процессов во всех сферах общественной и политической жизни страны. Большое влияние на темпы и характер развертывания национального движения в Азербайджане, приведшего в конечном счете к провозглашению независимости, оказали процессы, разворачивавшиеся в тот период в Карабахе и вокруг него. Эти процессы, их результаты, а также перипетии политической борьбы в Азербайджане в конце 80-х — первой половине 90-х годов минувшего века достаточно подробно

освещены в нашей научной литературе. Здесь отметим лишь то, что первый президент А. Эльчибей и его команда пришли к власти под лозунгами пантюркизма и установления теснейших межгосударственных отношений с Турцией, укрепления независимости Азербайджана и всемерного дистанцирования от России, разрешения к сентябрю 1992 г. карабахской проблемы в свою пользу и др.

С приходом к власти Г. Алиева в политику, в том числе и во внешнеполитический курс Азербайджана, были внесены определенные изменения. Азербайджан вступил в СНГ, была скорректирована однобокая протурецкая ориентация и стали предприниматься шаги к восстановлению некоторых связей с Россией и диверсификации международных связей страны. Постепенно те силы, которые способствовали демонтажу всех скреп, соединявших Азербайджан с Российским государством, выполнив свою роль, довольно быстро либо окончательно сошли с политической арены, либо отошли на задний план, освободив место для Г. Алиева и его команды. Но их заслуга состоит в том, что они подготовили предварительные условия для превращения Азербайджана в де-факто и де-юре независимое государство.

Самой большой своей заслугой нынешние власти Азербайджана не без оснований считают обеспечение общественно-политической стабильности и укрепление государственной независимости. Хотя оппозиция пытается оспаривать успехи существующего режима, им действительно удалось стабилизировать социальную и политическую ситуацию в стране. Эти успехи – реальные и мнимые – в осознании основной частью людей, независимо от их политических ориентаций, имущественного положения и т.д., ассоциируются с личностью покойного президента Г. Алиева и нынешней властью. Абстрагируясь от того, как и какими путями и средствами это было достигнуто, нужно признать, что Г. Алиеву удалось в целом умиротворить этнонациональные движения талышей и лезгин и избежать разделения страны, балансируя на грани войны, добиться перемирия – хотя весьма шаткого – с Арменией, пресечь все попытки – реальные и воображаемые – силового давления на власти со стороны тех или иных политических сил. Он твердой рукой устранил с политической арены вооруженную оппозицию.

В этом плане заслугой Г. Алиева следует считать то, что он прежде всего консолидировал и укрепил дезорганизованные и сверхполитизированные правоохранительные органы, правда, поставив их всецело на службу своего режима. К его приходу к вла-

сти фактически разгромленная в карабахской войне и деморализованная национальная армия, по сути дела, оказалась не в состоянии выполнять свои основные функции по защите государства от внутренних и внешних угроз. При всем дефиците необходимых средств и ресурсов Г. Алиев сосредоточил усилия на формировании и укреплении Вооруженных сил страны, которые в настоящее время насчитывают 56 тыс. человек регулярных и 7 тыс. человек пограничных войск. По мере роста доходов от нефти росли также расходы на оборону страны, прежде всего на укрепление Вооруженных сил. По имеющимся данным, за последние пять лет военные расходы Азербайджана возросли более чем в 10 раз, военный бюджет в 2008 г. вообще превысил 2 млрд. долл. Однако Азербайджанская Республика не располагает собственной военно-промышленной инфраструктурой, способной обеспечить армию необходимыми вооружениями и боеприпасами. Если не считать двух авиаремонтных центров и двух предприятий, выпускающих комплектующие к радиоэлектронной и ракетной технике, военная промышленность в Азербайджане практически отсутствует.

Сегодня вся реальная власть в стране сосредоточена, по сути, в руках президента. Он единственная значимая фигура в системе государственного управления, на которой замыкается механизм принятия решений практически по всем сколько-нибудь важным вопросам. Не чужды режиму клановые, патерналистские и клиентелистско-патронские начала. С изгнанием из структур власти в 1993 г. А. Эльчибея и его команды, или, как их называют наблюдатели, «бакинского», «гянджинского» и «карабахского» кланов, господствующие позиции в них заняли представители «нахичеванского» клана Алиева. Поэтому неудивительно, что разделение властей и другие демократические принципы и нормы, провозглашенные в Конституции страны, во многом остаются декларациями. Милли Меджлис, правительство и другие органы управления полностью подконтрольны президенту и не утвердились в качестве самостоятельных органов, адекватно представляющих интересы населения страны.

Однако анализ сущностных характеристик режима Алиевых позволяет сделать вывод, что в Азербайджане к настоящему времени утвердилась своеобразная система наследственной авторитарной власти с элементами восточного типа. В августе 2003 г. Г. Алиев, по-видимому, сознавая свое болезненное состояние, назначил своего сына И. Алиева на должность председателя правительства республики с перспективой его выдвижения кандидатом

на должность президента страны на предстоящих выборах в октябре того же года, на которых, естественно, тот одержал победу с большим перевесом голосов. 15 октября 2008 г. И. Алиев был переизбран с результатом 88,73% голосов избирателей «за». Никому из его соперников не удалось преодолеть 3%-ный барьер. В декабре 2008 г. Милли Меджлис Азербайджана проголосовал за отмену статьи Конституции республики, согласно которой одно и то же лицо вправе быть избранным на пост президента страны только на два срока подряд. Конституционный суд Азербайджана, естественно, дал положительный отзыв акту по проведению референдума по данному вопросу. Комментируя это решение, директор бакинского Института мира и демократии Лейла Юнус заявила в интервью «Би-би-си»: «Правильнее было бы вообще сделать срок Ильхама Алиева или семьи Алиевых пожизненным, поскольку у нас нет выборов, у нас идет имитация демократических выборов».

«Кавказский узел в геополитических приоритетах России» (монография), М., 2010, с. 153–181.

Георгий Рудов,

кандидат политических наук

**РОССИЯ – ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
И РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМ**

Вполне обоснованно и доказательно многие ученые относят Россию к числу ведущих евразийских государств. При общей численности населения в нашей стране порядка 143 млн. человек мусульманская его часть оценивается в пределах 15–20 млн. человек. Ислам исповедуют почти 40 коренных народов России, мусульманство полиэтнично и мультикультурно. Как считает председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин, мусульман России можно разделить на три группы с учетом региона их проживания: это Сибирь и Дальний Восток, затем центральные регионы РФ (Поволжье, Урал, Москва, Нечерноземье и др.) и Северный Кавказ. При этом нельзя не учитывать и того факта, что на границах РФ располагается пять государств Центральной Азии с населением, исповедующим в основном ислам.

По оценкам специалистов, в центральноазиатских республиках из более чем 50 млн. населения около 30 млн. человек исповедуют ислам. Если в советский период ислам в ЦА находился в ущемленном состоянии и был изолирован от остального исламско-

го мира, то развал СССР способствовал активизации общения с государствами-соседями, исповедующими мусульманство. Именно получение государствами ЦА независимости и отмена тотального государственного контроля за религиозной сферой определили особый интерес народов к своей национальной религии и историческому исламскому прошлому. Поэтому страны региона 90-е годы XX в. называют эпохой «исламского возрождения». Руководство центральноазиатских республик не просто уделяет особое внимание духовному просвещению народов, но и заинтересовано в том, чтобы они считали себя мусульманами. Однако оно ни в коем случае не хочет и не готово делиться властью с религиозными организациями и их различными течениями, стремящимися занять место в общественной и политической жизни страны.

В советский период в ЦА были официально признаны и действовали более 40 различных религиозных направлений и сект. Православное христианство с учетом количества его последователей считалось важнейшим, а ислам стоял на втором месте. В 40-е годы XX в. для координации религиозной жизни последователей ислама были организованы четыре духовных управления мусульман: Средней Азии и Казахстана с центром в Ташкенте; европейской части СССР и Сибири с центром в Уфе; Северного Кавказа с центром в Буйнакске и Закавказья с центром в Баку. Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана имело свои представительства во всех пяти республиках региона, муфтии которых назначались центром. В это время, конечно, многие муллы действовали вне рамок компетенции духовных управлений; они зачастую, в порядке протеста против официальной позиции этих религиозных центров, предпринимали самостоятельные действия по распространению исламских знаний. Можно сказать, что именно они вели основную работу по защите религиозного самосознания верующих. Если в советское время в Казахстане, например, насчитывалось всего 63 мечети, то в настоящее время их количество возросло до более 5 тыс., в Киргизии с 200 до свыше 2 тыс., а в Узбекистане эти цифры выросли на несколько порядков.

В то же время Центральную Азию нельзя рассматривать как гомогенную политическую и социокультурную общность. Таджикистан, Узбекистан и Ферганская долина – одно, Казахстан без южных областей и север Киргизии – другое, Туркмения – третья. Но при всем при этом есть и много общего.

Не следует преувеличивать, но нельзя и умалять заметных сдвигов по популяризации и распространению ислама в ЦА. Про-

блема мусульманской религии, ее роль в современном мире приобрели глобальное значение. Имелись и продолжают попытки связать именно с этой религией развернувшийся во всем мире терроризм, объявить ислам главным источником этого зла. При этом не учитывается, что в эпоху глобализации в современных исламских обществах происходят два разных, но взаимосвязанных процесса. В ходе разработки и поиска путей борьбы с религиозным экстремизмом и фактическим терроризмом следует постоянно учитывать несколько основополагающих направлений, проецируя их на ситуацию по влиянию мусульманского фактора в самой России. Рассматривая подходы различных исследователей, следует учитывать, что есть ислам политический – это использование ислама в политических целях, для переустройства самой государственности; исламский радикализм – это, прежде всего, неприятие отклонений от норм ислама в общественной жизни; исламский экстремизм – воинствующее неприятие отклонений от этих норм; и совсем особая статья собственно терроризм как преступная деятельность, направленная против основ светского государства и самого конституционного строя в той или иной стране.

А. Малащенко отмечает, что «в российском Поволжье, на Урале, в Сибири исламисты не столь заметны. Поле их деятельности ограничено, а популярность куда ниже, чем на Северном Кавказе. Российские города, где в отличие от Европы нет “мусульманских кварталов”, даже по внешнему виду не приспособлены для распространения исламского радикализма. В конце 1990-х годов казалось, что у исламистов вообще нет шансов закрепиться среди российских татар и башкир. Однако в начале XXI в. обнаружилось, что у исламских радикалов есть резервы. Возвращающиеся на родину выпускники арабских институтов сумели укрепиться в нескольких десятках мечетей, вокруг которых стали складываться группы радикально настроенной молодежи. Им удалось наладить связи с кавказскими единомышленниками, а также установить контакты с группировками из Центральной Азии, прежде всего с “Хизб ут-Тахрир”... И далее, «исламисты раскололи традиционный ислам, противопоставив привычным для российского мусульманства мазхабам – ханафизму и шафиизму, а также тарикатизму на Северном Кавказе – иной, близкий к ханбалистскому толку “ваххабитский ислам”. Противостояние между традиционным исламом и исламистами стало повсеместным. Помимо Северного Кавказа, где оно принимает самые крайние, вплоть до вооруженных столкновений, формы, оно отмечено в Татарстане,

Башкирии, Астраханской, Волгоградской и некоторых других областях».

В этой связи важным представляется заявление Д. Медведева на встрече преподавателей вузов и представителей исламских общин при посещении Татарстана в декабре 2007 г.: «...В такой межконфессиональной и многонациональной стране, как Россия, самое пристальное внимание должно уделяться духовному образованию. ...Очевидно, что диалог религии и культуры – неперемненное условие единства российской нации, общественного согласия, суверенитета... Все мировые религии основаны на фундаментальных ценностях справедливости и милосердия, и ни одна мировая религия не имеет ничего общего с попытками представить людей по религиозным или национальным признакам».

В современных исламских обществах происходят два разных, но взаимосвязанных процесса. Первый – формирование глобальной исламской политической системы, второй – культурный (цивилизационный) вызов ислама вестернизации и консюмеризму, вызванным глобализацией и сопутствующими ей факторами. Фактически глобализация приводит к конфликтному развитию культур и цивилизаций. Человеческие сообщества всегда сталкивались с чуждыми культурами, однако именно эпоха глобализации порождает ранее неизвестный уровень многокультурности и разнородности, которые оказываются новым вызовом для традиционных обществ. Стремительный процесс возрождения ислама и возвращения к традиционным основам сопровождается давлением Запада не только в странах ЦА, но и во всем исламском мире, и выражается в обращении к фундаментальным основам религии, «чистому исламу», в поиске ответа на вызовы сегодняшнего дня в прошлых знаниях, а также в реформировании мусульманского общества и создании новых знаний о мире на основе ислама. Эти два направления не противоречат друг другу и исходят из одного важного принципа – неизблемости, неизменности священного Корана и основ религии. Различны лишь способы достижения главной задачи – сохранить и упрочить положение мусульманской общины как в регионе, так и в мире в целом.

*«Края дуги нестабильности:
Балканы – Центральная Азия»,
М., 2010 г., с. 214–218.*

Е. Ионова,
кандидат исторических наук (ИМЭМО РАН)
ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В КИРГИЗИИ

Киргизия – одна из самых неблагополучных республик СНГ как в экономическом, так и политическом отношении, – вновь стала объектом проведения масштабного эксперимента. Если в 90-е годы своеобразным экспериментом было вступление республики, первой среди стран СНГ, в ВТО (что, кстати, не принесло каких-либо положительных результатов), то теперь речь идет о кардинальном изменении системы государственного устройства страны. По итогам всенародного референдума 27 июня 2010 г. здесь была принята новая конституция и учреждена парламентская форма правления.

Согласно новой редакции Основного закона страны, Киргизия становится первой на постсоветском пространстве парламентской республикой. Значительная часть полномочий в сфере управления государством будет распределена между депутатами и правительством, сформированным из представителей политических партий, победивших на выборах. За президентом страны остались, в основном, представительские функции. Коалиционное временное правительство во главе с Р. Отунбаевой, которое пришло к власти 7 апреля на волне массовых волнений, в результате которых бывший президент К. Бакиев покинул страну и подал в отставку, получило вотум доверия. В состав временного правительства, распустившего парламент, Кабинет министров и Конституционный суд, вошли лидеры крупнейших оппозиционных партий Киргизии. В бюллетени для голосования был внесен один вопрос: согласны ли граждане «принять Конституцию Киргизской Республики и Закон «О введении в действие конституции», проекты которых предложены временным правительством на референдуме». По данным ЦИК республики, в нем приняли участие 70% киргизского электората, который в целом насчитывает 2,7 млн. граждан. Положительный ответ на этот вопрос дали почти 91% из тех, кто пришел на избирательные участки.

Закон «О введении в действие конституции» предусматривал формирование института президента переходного периода и так называемого «технического правительства», которые должны обеспечить поэтапный переход страны к новой форме правления. В качестве безальтернативной кандидатуры на этот пост временное правительство предложило Р. Отунбаеву, которая имеет боль-

шой опыт дипломатической работы – в МИД СССР, в 80-е и 90-е годы трижды занимала пост министра иностранных дел Киргизии, в 1992–1994 гг. была послом КР в США и Канаде, в 2002–2004 гг. – заместителем спецпредставителя ООН по грузино-абхазскому урегулированию.

В 2004 г., после возвращения в Киргизию, Отунбаева стала сопредседателем оппозиционного блока «Ата Журт» (Отечество) и приняла активное участие в событиях 2005 г., когда был отстранен от власти А. Акаев. Через два года после смены власти она вновь перешла в ряды оппозиции, теперь уже президенту Бакиеву, став заместителем председателя Социал-демократической партии, а также лидером оппозиционной фракции в парламенте страны. Р. Отунбаева будет исполнять обязанности президента на протяжении переходного периода до 31 декабря 2011 г. и главы правительства – до избрания нового состава Жогорку Кенеша (однопалатный парламент) и назначения им премьер-министра.

Таков на сегодняшний день итог очередного масштабного кризиса в одной из самых отсталых республик СНГ. События апреля-июня этого года еще раз продемонстрировали экономическую и политическую нестабильность Киргизии. Республика так и не смогла преодолеть экономический упадок, а незначительный экономический рост, который наблюдался в последние годы, эксперты связывают в основном с трех-, а иногда и четырехкратным увеличением таможенных сборов. Болевой точкой киргизской экономики стала высокая доля теневого сектора, связанная с транзитом наркотиков. Республика превратилась в один из ключевых пунктов хранения и поставок афганского героина в Россию, занимая, по данным Всемирного банка, второе место в Азии по темпам распространения и потребления опиатов.

Экономическая отсталость способствовала криминализации общества, а массовая нищета при концентрации в руках правящей семейно-олигархической элиты основных финансовых ресурсов привела к росту протестных настроений, вылившихся в очередную волну социальных потрясений. При этом, как известно, ситуация в Киргизии осложняется традиционным противостоянием Севера и Юга, замешанным на клановой борьбе за власть и доступ к финансовым ресурсам.

Обращает на себя внимание схожесть сценариев смены власти в марте 2005 и апреле 2010 г. Бакиев, представлявший южные регионы, победил во многом благодаря критике коррупции, процветавшей в республике во время правления А. Акаева, в частно-

сти – огромных взяток, которыми сопровождалось создание американской базы в аэропорте Манас. Однако по сути семья Бакиева просто заменила семью Акаева в сложившихся коррупционных схемах. Как отмечала вице-президент Парламентской ассамблеи ОБСЕ П. Кристмас-Меллер, «база привела не к росту экономических возможностей для Киргизии, а к коррупции, процессы вокруг нее были нетранспарентны, и политические инсайдеры этим воспользовались».

Меры по созданию жесткой вертикали власти, предусмотренные утвержденной при К. Бакиеве Конституцией, обернулись дальнейшим переделом собственности в пользу родственников и сторонников президента. В этих условиях, а также с учетом постоянной борьбы кланов, политический взрыв в республике был практически неизбежен. Этому способствовало и отсутствие парламентской практики демократического решения политических проблем. Следует отметить, что сложную картину внутривнутриполитической жизни республики дополняет мозаичность ее партийной системы – по данным президента Ассоциации политологов Киргизии профессора Нур Омарова, в стране с населением 5 млн. человек насчитывается более 150 политических партий.

Волна недовольства режимом К. Бакиева была подхвачена оппозицией, которая перешла к решительным действиям после того, как президент отдал приказ арестовать трех ее лидеров. Однако после его свержения сформированному оппозицией временному правительству во главе с Р. Отунбаевой с трудом удавалось контролировать ситуацию в стране. В первую очередь это относилось к южным регионам республики, где сохранялось влияние экс-президента.

Реальная угроза перерастания вооруженного конфликта в гражданскую войну между Севером и Югом и раскола страны возникла в связи с попытками сторонников К. Бакиева поднять на борьбу южные регионы. Борьба враждующих сторон спровоцировала межэтнические столкновения между киргизами и узбеками, традиционно населяющими Юг страны, а именно – Ферганскую долину. Ошская, Джалал-Абадская и Баткенская области были охвачены погромами, поджогами и мародерством. Число беженцев в Узбекистан, по разным источникам, составило от 110 тыс. до полумиллиона человек. Количество погибших в результате вооруженных столкновений, по официальным данным, – около 300 человек. По неофициальным данным ООН, число жертв могло превысить 2 тыс. человек убитыми и несколько тысяч ранеными.

Очередной политический кризис поставил экономику Киргизии на грань коллапса. Из-за узкой производственной базы республика вынуждена импортировать множество товаров: по данным 2008 г., объем импорта почти равнялся объему ВВП (94%). Закрытие границ с соседними республиками – Казахстаном и Узбекистаном привело к возникновению острого товарного дефицита. В первую очередь от этого пострадало сельское хозяйство, на которое приходится 26% ВВП республики, – здесь в ходе посевной кампании возникли серьезные проблемы вследствие дефицита импортного горючего.

В целях предотвращения срыва посевных работ Россия и Казахстан предоставили помощь Киргизии семенами и горюче-смазочными материалами. 20 мая Казахстан, идя навстречу пожеланиям временного правительства Киргизии, открыл казахстанско-киргизскую границу в трех пунктах для пропуска транзитного грузового и пассажирского транспорта, физических лиц, провоза продуктов питания, лекарственных препаратов, ГСМ, сельхозпродукции. В то же время, как говорилось в официальном заявлении Министерства иностранных дел Казахстана, «с целью обеспечения своевременной нейтрализации возможных вызовов и угроз будет усилен пограничный, таможенный и миграционный контроль».

Углубление политического кризиса грозило замораживанием инвестиционных проектов с участием иностранного капитала, прежде всего в сфере строительства гидроэлектростанций, которые могли бы существенно улучшить экономическое положение республики.

Эскалация киргизского кризиса была чревата не только серьезными экономическими, но и политическими последствиями для всего региона. Следует учитывать, что каждый конфликт в Центральной Азии может сопровождаться проявлениями религиозного экстремизма. В республике уже отмечается активизация деятельности радикальной исламской организации «Хизб ут-Тахрир», которая борется за создание единого халифата на территории Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Возникновение нового очага напряженности недалеко от уже существующих «горячих точек», возможность «афганизации» одной из республик ЦА создали угрозу нарушения политического баланса не только в Центральной Азии, но и международной безопасности в более широких масштабах.

Отсюда – повышенное внимание к ситуации в Киргизии со стороны международных организаций и основных политических

сил, заинтересованных в сохранении стабильности в регионе, – России, США и Евросоюза. Активную роль в нейтрализации конфликта сыграл Казахстан, который, находясь в непосредственной близости от Киргизии и имея к тому же здесь солидные экономические интересы (РК является одним из крупнейших ее инвесторов), максимально использовал свои возможности как председателя ОБСЕ для урегулирования ситуации в республике. Благодаря совместно выработанному президентами Казахстана, России и США решению удалось обеспечить выезд из страны К. Бакиева, что во многом способствовало предотвращению разрастания конфликта в широкомасштабную гражданскую войну (15 апреля К. Бакиев покинул страну, вылетев в Тараз на самолете Министерства обороны Казахстана).

По итогам деятельности миссий ОБСЕ в Киргизии и при активном участии представителей Казахстана были выработаны рекомендации по урегулированию конфликта, которые были озвучены в ходе Трансазиатского форума организации в Астане. Ключевым моментом было названо установление стабильного общественного порядка и безопасности в республике. В числе конкретных мер – предоставление временному правительству Киргизии на эти цели 200 тыс. евро. В целях укрепления государственной власти и решения конституционных вопросов временному правительству рекомендовалось наладить диалог с политическими партиями, довести до общества основные идеи будущих реформ. Однако особого внимания, по мнению представителей ОБСЕ, требует решение экономических задач.

За развитием ситуации в республике внимательно следят в ОДКБ и ШОС, в зону ответственности которых входит Киргизия. ОДКБ, которая представляет собой, в первую очередь, региональное объединение по борьбе с терроризмом и наркотрафиком, заявила о невмешательстве во внутренние дела республики (на том основании, что граждане страны, свергающие власть, не являются террористами или агрессорами). Позицию ОДКБ по Киргизии изложил ее генеральный секретарь Н. Бордюжа. По его словам, нет оснований для того, чтобы там был задействован силовой потенциал. Мы исходим из того, что это внутреннее дело киргизского народа, и иностранного вмешательства не было. Мы надеемся, что народ здесь сам определится с системой власти, что в ближайшее время будут созданы соответствующие государственные структуры, обеспечены порядок и демократические свободы граждан». Схожую позицию заняла и ШОС.

Однако, как считает российский эксперт А. Князев, «наряду с фиксированными ранее вызовами, которым противостоит ШОС, на первый план вышла новая угроза, связанная с обеспечением социальной безопасности в ситуации, когда одна из сторон внутривнутриполитического процесса прибегает к использованию международных и криминальных кругов. Поиск адекватных ответов на спонтанно изменяющуюся ситуацию в регионе становится приоритетной задачей для участников Шанхайской организации».

Временное правительство Р. Отунбаевой, обратившись к мировому сообществу с просьбой об экономической помощи, основное внимание сконцентрировало на решении политических проблем, прежде всего – реформе государственного устройства республики. После парламентских выборов 10 октября практически вся полнота государственной власти перейдет к высшему законодательному органу – однопалатному Жогорку Кенешу, который назначит премьер-министра и правительство. Парламент республики будет состоять из 120 депутатов, избранных по партийным спискам. Предполагается, что члены временного правительства, чьи партии будут претендовать на места в парламенте, должны оставить свои посты. По словам зампреда главы временного правительства А. Бекназарова, вопрос о том, «кто должен остаться в правительстве, чтобы завершить начатые реформы, а кто пойдет на выборы», решается коллегиально.

Одним из первых подал в отставку О. Текебаев, лидер ведущей партии оппозиционного блока «Ата-Мекен», который во временном правительстве отвечал за подготовку конституционной реформы. По его мнению, уход из правительства ряда политических деятелей может привести к некоторому ослаблению государственной власти. Однако он подчеркнул, что «лидеры политических партий будут участвовать в ситуации, если она начнет выходить из-под контроля».

По прогнозам А. Бекназарова, в новый парламент Киргизии «войдут пять-шесть политических партий, в которых будут представлены как пробакиевские и проакаевские силы, так и сторонники временного правительства, а также патриоты». При этом он особо подчеркнул, что никакая фракция не будет доминировать. В то же время Бекназаров согласен с тем, что разнонаправленным политическим силам будет трудно управлять страной, но, по его образному выражению, «мудрый киргиз преодолел два перевала, пройдет и третий».

Новые назначения в правительство, сделанные Р. Отунбаевой уже в качестве президента переходного периода, свидетельствуют, во-первых, о стремлении укрепить правительство за счет профессионалов (в связи с этим наблюдатели обращают внимание на назначение на должность министра внутренних дел К. Байболова, чекиста с советским стажем, способным навести порядок в этой государственной структуре), во-вторых, об определенном усилении позиций лиц из окружения первого президента КР А. Акаева. В частности, первым вице-премьером стал 63-летний А. Муралиев, который при Акаеве некоторое время занимал пост премьер-министра. Вице-премьером назначен А. Костюк, бывший при Акаеве министром сельского хозяйства. Двумя другими вице-преьерами стали Ж. Сатыбалдиев, который во временном правительстве возглавлял дирекцию по восстановлению городов Ош и Джалал-Абад, и У. Абдуллаева (вице-премьер по социальным вопросам), при Бакиеве занимавшая пост директора Фонда социального страхования.

В целом же, как констатирует российский эксперт А. Князев, сейчас в Киргизии «включен механизм внутриэлитной конкуренции на приблизительно равных условиях, конкуренции жесткой, учитывая, что амбиции на единоличное лидерство – родовая черта киргизской политической элиты». В среде экспертного сообщества, однако, нет единого мнения относительно перспектив развития парламентаризма в Киргизии. Многие специалисты в России и Казахстане придерживаются мнения, что парламентаризм как таковой не может быть панацеей в решении многочисленных проблем республики, а резкое ослабление президентской власти может даже привести к распаду страны. Другие считают, что развитие парламентской практики может способствовать консолидации политических сил, поскольку «игра по принципиально новым правилам, когда не вполне понятно, за какое, собственно, кресло бороться, поставила перед основными персонажами киргизской политики сложную задачу самоопределения. Не лишены представлений об ответственности политики в эти дни ищут возможности предвыборных альянсов, чтобы войти в будущий парламент солидной фракцией». Между тем за время, прошедшее с 7 апреля, появилась весьма тревожная тенденция – падение рейтинга временного правительства. Это отмечают как независимые эксперты, так и сами представители нынешней правящей элиты. Во многом это объясняется неслаженностью в деятельности Кабинета министров. Тот же Текебаев констатировал, что временное правитель-

ство потеряло доверие части избирателей в основном из-за того, что в нем «было 14 человек, т.е. 14 центров принятия решений».

Представляется, что на сегодняшний день главная задача временного правительства состоит в сохранении доверия населения. В республике есть политические силы, которые противятся восстановлению правопорядка. Они используют дестабилизирующие факторы и нагнетают социальную напряженность, и именно в этой среде формируются предпосылки будущих конфликтов.

*«Россия и новые государства Евразии»,
М., 2010 г., № 3, с. 82–88.*

М. Акилова,

кандидат философских наук, доцент, зав.
кафедрой Худжандского государственного
университета им. Б. Гафурова (Таджикистан)

МИРОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ТАДЖИКИСТАН

Мировая демократия существует как противоречивая целостность, состоящая из многих частей. Это страны мировой демократии в Америке, Европе, так называемая суверенная демократия Российской Федерации, различные альянсы отдельных стран в Европе, новые государства Европейского союза и НАТО и т.д. В то же время мировая демократия с оговорками включает в себя и страны СНГ, Центральной Азии, которые официально признаются демократическими, хотя в аналитических записках политиков, например, США и других стран, государства Центральной Азии иногда называются авторитарными режимами или даже диктатурами. Часто в аналитической литературе многие страны (их называют гибридами, представляющими демократические моменты и авторитаризм) называют еще и полуавторитарными режимами. При первой волне романтических надежд на скорую демократизацию политическая элита мировой демократии была полна энтузиазма, грядущий массовый переход к демократии казался неизбежным. «Речь шла, – пишет М. Липман, – не только о коммунистическом блоке. Начиная с последней четверти XX в., смягчение политического режима в той или степени затронуло около сотни стран. Началось с падения правых диктатур в Испании, Португалии и Греции, затем в целом ряде латиноамериканских стран военные хунты сменились выборной гражданской властью, в середине 80-х годов ослабели авторитарные режимы в Юго-Восточной Азии, а там уже

подоспели бархатные и небархатные революции в Восточной Европе, за которыми последовал распад СССР, а в последние годы отмечается некоторое смягчение политических нравов на юге Африки и даже кое-где на Ближнем Востоке».

Несмотря на геополитические распри и противостояние, которые, как тень, продолжают распри «холодной войны» с делением на Запад и Восток, с падением СССР в мире произошел сдвиг в трансформации обществ и государств от тоталитаризма в сторону формальной демократии. «Но из сотни, – пишет далее М. Липман, – лишь около 20 стран могут похвастаться демократическими достижениями. В их число входят, в частности, Чехия, Венгрия, Польша, а также Эстония и Словения, Чили и Тайвань. Среди тех, кто достиг меньшего, но продолжает двигаться в направлении демократии, называют Словакию, Мексику, Бразилию, Филиппины, Южную Корею и некоторые другие.

Тем временем приблизительно 80 стран, устремившись, было, в сторону демократии, вскоре застряли: попятное движение к диктатуре (как в Узбекистане или Туркмении), правда, встречается редко, но и демократические достижения невелики».

Вот как описывает такие режимы американский политолог Томас Карозерс: «Политический процесс имеет некоторые демократические черты, такие как наличие относительной свободы действий для оппозиционных партий и независимого гражданского общества, а также регулярные выборы и демократическая конституция. Но при этом... интересы граждан представлены слабо, их политическая активность незначительна и практически ограничивается участием в выборах; государственные власти нередко нарушают закон, легитимность выборов сомнительна, доверие граждан к государственным институтам находится на очень низком уровне, а само государство страдает хронической неэффективностью». В связи с этим мы можем сказать, что мир делится не только на цивилизацию демократии и недемократические страны, а на цивилизацию демократии и страны, различающиеся характером своих режимов от тоталитаризма и авторитаризма до полуавторитаризма, деклассирующих строительство демократии, т.е. формально демократические.

Таджикистан официально на основании своей Конституции называет себя правовым, светским, демократическим и социальным государством. Однако это также официально не становится причиной причисления страны к миру развитой демократии. Считая себя страной демократии, Таджикистан отличает себя от стран

Евро-Атлантики как страна, не имеющая развитой формы демократии. Важнейшими аргументами идеологов официального Душанбе являются факты многовекового развития демократии в Европе и Америке.

Тем не менее конституционное декларирование демократии в Таджикистане и намерение строить ее развитые формы в стране дают нам основание говорить о соотношении мировой демократии и Таджикистана как целого и части, разумеется, с учетом качественного перепада между частью и целым. В период обретения независимости странами постсоветского пространства в Европе встал вопрос об отношении ее к странам Центральной Азии и СНГ, и было решено включить их в европейский процесс в системе Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Это решение, по всей видимости, диктовалось необходимостью начать процесс со сближения некоммунистического постсоветского пространства с Евро-Атлантикой сначала в вопросах безопасности, с тем чтобы не дистанцировать страны СНГ от Европы, а государства Центральной Азии уберечь от сползания в непредсказуемые отношения с миром явно недемократическим – исламским миром и Китаем. В своей книге в известном разделе «Как нам демократизировать ислам?» А. Малашенко пишет: «Абсолютный внешний контроль над ситуацией внутри мусульманской уммы невозможен, как невозможны ее изоляция и параллельное с Западом развитие. Здесь продуктивнее выглядит некогда популярная, применявшаяся к социалистическому лагерю идея конвергенции, которая, заметим, также рассматривалась как способ обезопасить себя от агрессивности коммунизма». Эти слова в полной мере относятся и к Таджикистану, население которого является мусульманским с исламским менталитетом и культурой.

Демократия путем демократических решений возникающих государственных и общественных проблем является путем, по которому идет Таджикистан. В целом становление мира в стране по всем направлениям происходило на основе принципов демократии. Это, например, относится и к межнациональным отношениям в стране и межнациональным отношениям в международном аспекте, когда мы имеем в виду таджикостанскую политику.

В Таджикистане наряду с таджиками живут узбеки, киргизы, туркмены, русские и русскоязычные, и другие национальности. Отношения между таджиками и узбеками основываются на конституционном признании национально-культурных интересов узбеков в Таджикистане. Языки и культура национальных мень-

шинств в Таджикистане не только не ущемляются, но и свободно функционируют и развиваются. Переход в делопроизводстве на государственный язык представляет собой меру защиты государственного языка, что не представляет собой чего-то более жесткого, чем в других странах. Дети узбеков ходят в узбекские школы и учатся на родном языке, действует культурно-национальная община узбеков. В межрегиональных отношениях учитываются интересы различных регионов при приоритете национальных интересов. Все эти отношения вытекают из принципа единства многообразного, который достигается на основе Конституции страны, оберегающей отношения от ущемления.

В Республике Таджикистан население представляет собой не только различные регионы и национальности, но и различные конфессии, политические группировки – коммунистов, исламистов, различных демократов, атеистов и этнических мусульман, таджиков, узбеков, киргизов, русских и русскоязычных, туркмен и др., что требует такого построения отношений, которое исключало бы экстремизм и крайности. Все эти многообразные отношения строились в ходе установления мира в Таджикистане и в реально правовом отношении соответствуют демократической Конституции Республики Таджикистан. Чтобы не обострять международные отношения между Таджикистаном и Узбекистаном, они выстраивались в таком ключе, чтобы не вмешиваться на государственном уровне в дела друг друга. То есть правительство Таджикистана не вмешивается в отношения таджиков и узбеков в Узбекистане, а правительство Узбекистана – в отношения узбеков и таджиков в Таджикистане.

Важной основой существующих моментов и фрагментов демократии в Таджикистане является принцип, провозглашенный президентом Таджикистана Э. Рахмоном о том, что никто не имеет права насильно навязывать другому свой образ жизни и поведения, если они не исходят из человеческих ценностей и демократических прав и законов. Это важный принцип, и он во внутренней политике дал мир стране. Исламисты, например, придерживаются своего образа жизни, коммунисты – своего, демократы привержены образу жизни и поведения демократических стран. Этот принцип можно встретить и во внешнем облике граждан Таджикистана: есть женщины в чадре, есть смело одетая молодежь, но никто не превращает других, не похожих на них людей, в объект преследования, все живут мирно.

Сегодня мировая демократия как целостность принимает результаты мирных принципов верховной власти в Таджикистане, но пока не выдвигает эти принципы в качестве норм международного права. Принцип, выдвинутый президентом Э. Рахмоном, мог бы быть включен в международные правовые документы хотя бы в Азии (ШОС, СВДМА и др.). В этом случае сузилось бы пространство авторитаризма и полуавторитаризма во многих странах мира. Если это сделать невозможно в кратчайшие сроки, то на первый план выходят вопросы наступления геополитики.

Таджикистан, являясь декларированной частью мировой демократии, находится в пространстве этой политики Запада, который на время отказался от немедленной демократизации его режима во имя стратегических преимуществ, который дает этот полуавторитарный режим в борьбе с афганскими талибами. Успех на этом поприще, т.е. подавление талибов, дает США и НАТО продвижение политики «кольца анаконды» против России, КНР и полуавторитарных государств Центральной Азии.

Имея в виду демократический мир как целостность и Таджикистан как его часть, следует остановиться и на таком вопросе, как измерение свободы. Что собой представляет свобода, чем она является для этого мира? В большинство научных исследований, посвященных данной проблеме, обращается внимание на измерение свободы и задается вопрос: свобода от кого и от чего и свобода для кого и для чего? Это фундаментальное измерение всякого освободительного движения, включая движение масс, политических сил и личности. В таджикских событиях 90-х годов прошлого века также решался вопрос о свободе «от чего и кого» и свободе «для чего и для кого». Для национально окрашенных сил это был вопрос о свободе для развития нации, культурного развития, защиты таджикского языка от вытеснения его из официальной сферы. Для религиозных сил это был вопрос о свободе от государственного атеизма и защите религии от политики устранения ислама из жизни людей. Для появившихся демократов это был вопрос о свободе от тоталитаризма. Хотя от того, другого и третьего освободиться стремились все названные силы. Однако существенные различия возникали в вопросе о будущем. Все хотели свободы совести как свободы от государственного атеизма, но только в недрах религиозных сил были те, кто хотел свободы для политического ислама радикального толка, ведущего к религиозной государственности. Разумеется, в такой перспективе не могло быть и речи о свободе совести, которая дает свободу и для религии, и

для полурелигиозного образа жизни, и для атеизма в зависимости от личной свободы. В современном Таджикистане все отчетливее проявляются характерные черты демократии: строятся основы правовой государственности и создаются устои гражданского общества; власть на высшем и местном уровнях выбираема и сменяема; действуют механизмы непосредственной демократии (референдумы); существует система разделения властей в государстве; гарантированы основные права человека (свобода совести, слова, собраний, организаций и пр.); судебные органы не зависят от исполнительной власти; нет ведущей идеологии и политической партии; в экономике складывается свободный и конкурентный рынок при многообразии форм собственности; существует внешняя независимость (политическая и идеологическая) средств массовой информации и коммуникации.

Итак, страна находится в силовом пространстве мировой демократии, и все недемократические силы вынуждены с этим считаться, принимая хотя бы на уровне деклараций демократическую конституцию и формальную демократию. Но эта формальная демократия содержит фактические демократические структуры и сферы, которые нельзя отрицать.

*«Современные гуманитарные исследования»,
М., 2010 г., № 3, с. 265–26.*

М. Худоеров,
востоковед (Институт этнологии и антропологии РАН)
ИСМАИЛИЗМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПАМИРЕ

Исмаилизм на протяжении долгого исторического периода был неотъемлемым компонентом духовной и культурной жизни народов Памира.

Ислам – относительно молодая религия, возникшая в начале VII в. на Аравийском полуострове. Ислам в процессе своей эволюции, как и другие религии, претерпел различные изменения, началом которым положила смерть Пророка Мухаммада, поскольку пока он был жив, не делалось никаких попыток внести какое-либо новшество в недавно возникшее вероучение. Именно вопрос о правопреемнике Пророка стал причиной разногласий среди приверженцев ислама (умма), в результате которых возникли две крупные ветви ислама – сунниты и шииты. Сунниты считали, что наместник пророка – халиф – избирается из числа его сподвижников,

имеющих авторитет среди мусульман. Шииты разрабатывали свою доктрину по этому вопросу и считали, что главой исламской общины должен быть потомок дочери Пророка – Фатимы и его зятя – Али, и эта обязанность должна переходить по наследству.

Исмаилизм как отдельное течение внутри шиизма, возник во второй половине VIII в., в результате раскола среди шиитов по ключевому вопросу о правопреемнике имамата. Согласно традиции пятый шиитский имам Джафар ас-Садик (ум. в 765 г.) назначил своим наследником старшего сына – Исмаила, но последний умер еще при жизни Джафара ас-Садики, поэтому часть шиитов признала новым имамом его второго сына Мусу ал-Казима (ум. в 799 г.). Сторонники Мусы ал-Казима известны как шииты-дванадесятники, у которых цепь имамов прервалась в 70-е годы IX в., и у них возник культ будущего имама (махди). Последователи имама Исмаила – исмаилиты, наоборот, подчиняются своим собственным имамам, которые сохранили преемственность и не потеряли своих властных prerogatives. Исмаилиты, как и все мусульманское сообщество, основой своей религии считают веру в единого Бога, веру в истинность миссии Пророка Мухаммада, веру в священную книгу – Коран как последнее послание Бога человечеству. Следуя шиитской религиозной доктрине, исмаилиты считают, что после смерти Пророка Мухаммада его зять и двоюродный брат Али стал первым имамом – духовным главой мусульман – и имамат как религиозный институт передается только потомкам Али. Согласно шиитской вере наследование имамата происходит путем назначения (насс) и является исключительно prerogative действующего имама (Имама Времени).

Нынешний глава исмаилитов принц Шах Карим Ага Хан IV родился 13 сентября 1936 г. в Женеве (Швейцария), где в течение 9 лет учился в Ле Роузли Скул. В 1959 г. он окончил Гарвардский университет по специальности «История ислама». В 1957 г. Ага Хан IV стал имамом исмаилитов, унаследовав этот титул согласно завещанию, которое оставил его дед, Султан Мухаммед Шах Ага Хан III. Последователей Ага Хана насчитывается около 20 млн. человек, проживающих в Таджикистане, Афганистане, Индии, Китае, Иране, США, Канаде и других странах. Нынешняя организационная структура исмаилизма отвечает на современные вызовы и требования эпохи и построена по следующей схеме.

Главной фигурой считается имам, его резиденция – Элегмон – расположена вблизи Парижа. Центральный аппарат – имамат – состоит из нескольких департаментов и управлений, занимающих-

ся решением вопросов социально-экономического развития, а также поддержкой культурных программ. В области социального развития ведущую роль играет Фонд Ага Хана, основанный в 1967 г. Штаб-квартира фонда расположена в Женеве, а его филиалы открыты в странах Восточной Африки, Южной Азии, Европы и Америки.

В целом в XX в. произошли изменения в структуре и практике исмаилизма, которые дали возможность превратить общину в современное прогрессивное общество, которое ориентируется на образование и развитие. Именно такой подход позволил исмаилизму превратиться из консервативного духовно-религиозного объединения в общественный институт, играющий важную роль в урегулировании и предотвращении конфликтов.

На Памире исмаилизм начал распространяться с X в., и в XII в. он превратился среди местного населения в доминирующее религиозное вероучение. На рубеже XIX–XX вв. Западный Памир перешел под военный и административный контроль России, и исмаилиты получили защиту от преследований. Однако после установления советской власти на Памире в 1918–1919 гг. здесь, как и по всей территории нового социалистического государства, верующие подверглись преследованиям и ограничениям, на этот раз – под лозунгами антирелигиозной кампании.

Современный Памир как административное образование официально называется Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО) и входит в состав Республики Таджикистан. Население области по переписи 2000 г. составило 206 504 человека. Из них 150 тыс. составляют исмаилиты, остальные – мусульмане-сунниты. В результате радикальных перемен, которые начались на постсоветском пространстве в начале 1990-х годов, произошла структурная перестройка социально-экономической и культурной сферы, в том числе наметился переход от антирелигиозной политики государства к свободе вероисповедания.

Исмаилиты в 1990 г. в городе Душанбе организовали общество «Носири Хусрав», которое занималось исключительно просветительной деятельностью и сбором средств для постройки джамоат-хона (молельный дом) в г. Душанбе и в будущем в других городах республики. Летом 1991 г. Горно-Бадахшанскую область с частным визитом посетили исмаилиты из Англии, сотрудники Института исмаилитских исследований, доктора-исламоведы Сайид Джалали Бадахшони, Алимухаммади Раджути и Рафик Кашевчи, что положило начало установлению отношений между

исмаилитами Памира и резиденцией Ага Хана IV. Визит представителей имама ускорил процесс религиозного возрождения исмаилизма на Памире, и исмаилиты начали требовать от руководства области организовать визит имама. 21 августа 1991 г. руководство Таджикистана направило приглашение Ага Хану IV.

Духовное сближение памирских исмаилитов с имамом было временно прервано в связи с тем, что в Таджикистане вспыхнула гражданская война, которая продолжалась с 1992 до 1997 г. В этот период нужно было в первую очередь удовлетворить материальные потребности населения области, чтобы предотвратить гуманитарную катастрофу в ГБАО. В начале 1990-х годов исмаилиты были активными участниками политических преобразований в республике, однако в ходе гражданской войны они проиграли политическую игру своим оппонентам, и против них развернулся настоящий террор. Десятки тысяч памирцев были вынуждены покинуть свои места проживания в Душанбе и других городах Таджикистана и вернуться, как беженцы, на свою исконную родину – Памир. Горно-Бадахшанская автономная область превратилась в осажденную территорию. Главный транспортный путь, который связывал горные районы Памира с остальными районами Таджикистана, практически перестал действовать. В результате ГБАО начал испытывать критический дефицит продовольствия, что грозило неминуемой голодной смертью населению.

В таких условиях в 1993 г. началась деятельность Фонда Ага Хат, учредившего «Программу помощи и развития Памира». Цель этой программы заключалась в улучшении жизни населения горного региона и предотвращении там гуманитарной катастрофы. Главными задачами стали доставка и распределение гуманитарной помощи. Конечным итогом должно было стать самообеспечение населения продуктами питания местного происхождения. Отдельные страны – США, Канада, Англия, Франция – выступили в роли доноров данной программы, однако основная доля в ее реализации принадлежала фонду Ага Хана. В 1995 г. было доставлено товаров первой необходимости: муки – 20 тыс. т, масла – 500 т, сухого молока – 815 т.

Для перехода от гуманитарной помощи к самообеспечению в рамках «Программы поддержки развития обществ горных регионов» осуществлялось строительство оросительных каналов и освоение новых земель в области, оказание помощи развитию малого бизнеса, для чего населению предоставлялись кредиты под очень низкие проценты. Эффективность программы позволила по-

высить уровень продовольственной обеспеченности в области с 15% в 1997 г. до 70% в 2005 г. Более 1 млн. долл. было выделено организацией Ага Хана на реконструкцию существующих ГЭС и строительство малых электрических станций. В период 1994–2000 гг. в области была построена 21 такая станция. Развитие приграничной торговли между Афганским Бадахшаном и ГБАО стало возможным благодаря строительству и ремонту четырех мостов через реку Пяндж, на строительство которых Фонд Ага Хана выделил 1,7 млн. долл. 25 мая 1995 г. на Западный Памир прибыл с визитом Его Высочество Ага Хан IV. Это были первый в истории Памира приезд главы исмалитского сообщества и первая возможность для местных исмаилитов лично увидеть и услышать своего духовного главу. Визит открыл новую историческую страницу в духовной жизни исмаилитов Памира. До этого памирские исмаилиты для совершения «дидаара» (встречи или лицезрения имама) преодолевали пешком сотни километров. Такое путешествие приравнивалось по своему значению к паломничеству в Мекку.

Ага Хан IV сформулировал целый ряд важных принципов, которые должны были отныне стать руководством к действию для памирских исмаилитов:

- использовать интеллект в рамках этики своей религии;
- везде и всюду жить и работать честно;
- способствовать развитию страны, в которой живете и работаете;
- жить в мире и согласии со всеми членами общества, независимо от их расовой, религиозной, национальной, языковой особенностей;
- простить друг друга за ранее совершенные поступки, грехи, не покушаться на жизнь других, если это даже изменит исходное и конечное положение дел;
- отвечать добром на зло;
- помогать бедным;
- признавать и соблюдать законы своей и других стран, способствовать выполнению законов своей страны;
- уделять внимание воспитанию, обучению детей, способствовать развитию их интеллекта;
- установить и развивать отношения и контакты с более развитыми странами, для чего необходимо изучение английского языка – языка международного общения.

Первый визит Ага Хана на Западный Памир стал поворотным моментом в жизни памирских исмаилитов. С уходом идеоло-

гии марксизма-ленинизма с политической арены в местном обществе возник идеологический вакуум. Религия заполнила этот вакуум, у людей появилась возможность ориентироваться на ясные жизненные ценности. Наставления и фирманы (указы) имама превратились в систему моральных ценностей, которые отныне определяли образ жизни людей, становились основой их культурной идентичности, социокультурным регулятором социальной и частной жизни. Исламизм позволил консолидироваться населению Памира и осознать себя единой общностью.

Суть предполагаемых реформ заключается в создании на Памире стройной и гибкой структуры, включающей хорошо налаженный аппарат управления. Этот аппарат призван обеспечивать абсолютную власть имама, защищать традиционные устои и духовные ценности исмаилитского вероучения, гарантировать надежность внутриобщинной жизни и вместе с тем служить надежным инструментом модернизации общества. Кроме того, он должен способствовать социальному развитию низаритской общины Памира.

В 1995 г. в городе Хороге открылся офис программы Ага Хана по образованию, в рамках которой осуществляет свою деятельность Комитет по исмаилитскому тарикату и религиозному обучению ИТРЕК (Ismaili Tariqah and Religions Education Committee). В его компетенцию входят все вопросы, касающиеся религиозной жизни исмаилитов Памира. ИТРЕК сотрудничает с общеобразовательными школами области, и начиная с первого класса школьники обучаются по специальной программе, называемой «Талим» («Обучение»). В настоящее время в 208 школах области 20 440 школьников обучаются по этой программе. В октябре 2009 г. в городе Душанбе открылся Исмаилитский центр, состоящий из четырех блоков: административного, общественного, модельного и образовательного. В Хороге, административном центре ГБАО, запланирована постройка первого на Памире джамоат-хона, камень в основание которого заложил Ага Хан IV в 2008 г.

Одним из самых ярких достижений исмаилитов Памира за годы существования советской власти стали организация и развитие светской школы и рост числа образованных людей. Именно поэтому образовательная сфера превратилась в важную часть деятельности службы Ага Хана по образованию, учрежденной в 1995 г. Программа была нацелена на поддержку образовательного процесса, обеспечение профессионального обучения учителей, улучшение условий в школах и предоставление стипендий для

обучения за рубежом. В 1998 г. в Хороге был учрежден лицей Ага Хана. Процесс обучения в лицее охватывал 950 учеников и проходил на трех языках – английском, таджикском и русском. Начиная с 1993 г. Фонд Ага Хана предоставил стипендии студентам Хорогского университета, и более 200 студентов получили качественное обучение в России, Казахстане, Киргизской Республике.

Другим важным проектом международного характера, в котором участвуют Таджикистан, Киргизстан и Казахстан, стало создание Университета Центральной Азии. Договор о создании этого университета между этими странами и Фондом Ага Хана был подписан в 2000 г., и в данный момент уже функционируют программы непрерывного образования, предназначенные для повышения профессиональной квалификации населения горных регионов. Миссия университета заключается в оказании содействия экономическому и социальному развитию региона и горных сообществ в целом. Реализовать поставленные задачи университет намерен путем создания системы высшего образования, соответствующего общепризнанным мировым стандартам.

В течение многих лет исмаилизм являлся важной составной частью духовной и культурной жизни народов Памира. Этническое самосознание в большинстве случаев превалирует над конфессиональным самосознанием, однако в мусульманских странах до сих пор этническое самосознание все еще нередко подменяется религиозно-общинным. Иными словами, религия в мусульманском мире в ряде случаев играет этноразделительную роль. Многие десятилетия исмаилизм играл одну из главных ролей в обособлении этнического развития памирцев, был мощным барьером на пути к ассимиляции памирцев в таджикскую нацию, тормозил до недавнего времени сближение их с таджиками, которые исповедуют ислам суннитского толка.

После распада СССР мы наблюдаем, что исмаилитская религия и исмаилитские традиции в ГБАО оказывают огромное влияние на процесс консолидации памирцев в новую общность – «памирцы исмаилиты». Эту общность нельзя назвать «нацией» или «этносом», у нее нет единого общего языка – памирцы говорят на разных. Тем не менее приверженность исмаилизму является фактором объединения и даже стандартизации общепамирской культуры, что позволяет говорить об «этноконфессиональной» общности исмаилитов Памира.

*«Вестник РУДН. Серия Всеобщая история»,
М., 2010 г., № 2, с. 78–85.*

А. Грозин,

кандидат исторических наук

ЭЛИТЫ ТУРКМЕНИСТАНА И ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЕ КЛАНЫ: ОБЩЕЕ, ОСОБЕННОЕ И ТРУДНОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Современная туркменская элита – это симбиоз отдельных пластов, образование которых определяется развитием конкретно-исторической ситуации. Пластов, во многом генетически родственных. От начала формирования туркменские элитные кланы сменялись в следующей последовательности: традиционная кочевая (племенная), колониальная, советская номенклатура, современная элита.

Та же ситуация наблюдалась и в других государствах Центральной Азии. При этом революционной и радикальной замены (по принципу «все вдруг») никогда не наблюдалось, отчего можно с большой долей уверенности предположить, что:

а) границы смены элит весьма размыты во времени;

б) элементы различных типов элит совместно существовали и причудливо переплетались (переплетаются) до настоящего времени.

Эти выводы подтверждаются и материалами, приводимыми в книге ведущего туркменского специалиста в сфере этнической политологии и исторической демографии Шохрата Кадырова «Элитные кланы. Штрихи к портретам» (М., 2010). Работа ученого, посвященная природе, демографии, генезису и конкретной генеалогии элитных кланов на постсоветском пространстве (в Туркмении – в основном и в первую очередь), безусловно, является чрезвычайно ценным источником, насыщенным, без преувеличения, уникальным материалом. Следует отметить, что эту тему известный этнограф исследовал в других, более ранних своих работах.

До советской власти каждое туркменское племя имело свой ареал проживания, свою территорию, а нарушение границ других имело место только в ходе набегов. С установлением советской власти постепенно начали исчезать географические и другие границы между племенами, и люди стали свободно перемещаться, переселяться из одного района в другой. Появились возможности для объединения и превращения туркмен в единую нацию, и эта возможность была в той или иной степени реализована.

Однако полученной свободой жить там, где захочется, туркмены не особенно пользовались: народ привержен к традициям, консерватизму. Предпочитают жить и умереть там, где родились. Поэтому они меньше, чем представители других национальностей, мигрировали не только в пределах СССР, но и внутри своей республики. Каждое племя оставалось жить в своем большинстве в исторических зонах расселения.

Назначение первых лиц в республике по ротации, когда представитель одного племени сменял представителя другого племени, не давало того эффекта, которого ожидала Москва от этой кадровой политики. Туркмены, как это убедительно доказывает Кадыров, до сих пор, по удачному определению ученого, – «нация племен», а уровень их гражданского самосознания остается низким.

Генетически каждое туркменское племя – а их около 30 и объединяют они более 5 тыс. родовых групп – представляет собой достаточно герметичную, особую субпопуляцию. «Нация племен» состоит из субэтнических групп, разобщенных настолько, что о каждой из них, в принципе, можно говорить как о самостоятельном маленьком народе. В данной связи особое внимание к кланам в Туркмении не только оправданно, но и абсолютно необходимо при любом серьезном исследовании.

Руководители республики и в советское время (при руководителях-туркменах, впрочем, и в довоенный, и в послевоенный период XX в. всегда находились нетуркмены на должностях заместителей и различных «третьих секретарей»), и в постсоветское проводили одну кадровую политику – опору на представителей своего племени. Каждый раз, когда менялся глава государства, менялось и его окружение, практически весь управленческий аппарат.

Трайбализм в республике свое наиболее яркое выражение получил в соперничестве кланов Ахальского оазиса, в котором расположен Ашхабад, с кланами других регионов. До распада СССР представителям «аборигенов» столичного региона – ахальским (ашхабадским) туркменам-теке (или туркменам-ахалтеке) – не удавалось прорваться на пост первого руководителя ТССР, с 1951 по 1985 г. И при Сапармурате Ниязове (Туркменбаши) (в 1985–1991 гг. – первый секретарь ЦК КП Туркмении, в 1990–2006 гг. – президент Туркменистана) ситуация в элите республики принципиально ничуть не изменилась – просто текинцы из «столичного» Ахала, наконец, стали абсолютно доминировать и во

власти, и в бизнесе. Многие в Туркменистане (А. Кулиев, Н. Союнов и др.) говорили о том, что Ниязов пытается «ахализировать» страну, превратить ее в «государство ахалтекинцев».

Новый президент Гурбангулы Бердымухамедов (р. в 1957 г. в Ахальском велаяте) принадлежит к племени теке. И при нем практически 3/4 всех госчиновников (а силовиков – 9/10) – текинцы (преимущественно из Бахардена, Ахальского велаята). Именно принадлежность к ахалтекинскому племени чаще всего является основанием для получения какого-либо важного чиновничьего кресла.

Некоторые востоковеды, уделяя внимание трансформациям традиционного клана в центральноазиатских республиках бывшего Союза, не считают обоснованным утверждение об исторической «неизбежности» отмирания демографических кланов, их перерождении в новые, как отмечает и Кадыров, менее ориентированные на кровное родство элитные группы. Думается, впрочем, что наряду с вынужденной социальными реалиями Центральной Азии ориентацией на малодетность имеет место и множество тенденций, входящих в прямое противоречие с «модернизаторскими» векторами развития обществ республик региона. Эти тенденции обобщенно можно назвать «ремодернизацией», и сводятся они к ряду моментов.

1. После распада СССР на территории бывших советских республик Азии стали складываться авторитарные политические режимы с уклоном в укорененную местными традициями и ценностями модель государственно-патерналистского толка. Политический лидер постулирует себя сверху и воспринимается снизу как «отец нации». Вся система власти выстраивается под эту схему.

2. В качестве катализаторов процесса становления патерналистских автократий в регионе служили, в первую очередь, кланово-племенные регуляторы функционирования центральноазиатских социумов (и у кочевников, и у оседлых народов), сложившиеся еще до вхождения этих территорий в состав Российской империи и сохранившиеся в той или иной степени в их бытность советскими союзными республиками. Клановость во многом предопределила как характер рекрутирования местных политических элит, так и значение «главного предводителя», который и трансформировался со временем в фигуру национального «автократора».

3. В качестве идейных основ патерналистских этнархий региона используются традиционные для него формы ислама. Закре-

пленный в исламском богословии принцип слитности, неразделенности власти делает «верховного» носителя власти своеобразным живым воплощением «земного авторитета», «главного арбитра», стоящего над элитами, ветвями власти и народами. Несмотря на процессы русификации и советизации, длившиеся на протяжении более чем 70 лет в республиках Центральной Азии, ислам сохранил свою значимость на культурно-бытовом уровне и стал символом построения нового суверенного государства, возвращения к культурно-историческим традициям. Степень использования конфессионального фактора в целях укрепления режимов власти в регионе значительно варьируется.

4. В качестве несущих политико-институциональных конструкций выступают механизмы и процедуры сильных президентских республик, где главы государств фактически закрепили за собой властные полномочия и прерогативы «пожизненных президентов», которые не просто рассматриваются как гаранты конституций, но как находящиеся над ветвями власти «конституционные монархи», объем полномочий и возможностей которых близок к абсолютному. В максимальной степени это проявилось в феномене «Туркменбаши».

5. В рамках обозначенных моделей происходят процессы формирования патерналистских автократий, рекрутирования и смены политических элит, а также отбор потенциальных «преемников» центральноазиатских лидеров.

Всю эту систему трудно назвать хоть как-то ориентированной на модернизацию: всюду наблюдается архаизация – и в идеологической, и в практической государственной жизни. Естественно, клановая система общества и элиты, улавливая все эти властные импульсы, также, в конечном итоге, ориентируется на различные антимодернизационные, «традиционные», «государственно-консервативные» и т.п. ценности.

Советская власть способствовала укреплению кланового самосознания; ее авторитарно-иерархическая система слилась с традиционной схемой общественных отношений, основанных на коллективистской солидарности и повиновении «старшим». И после распада СССР был запущен социокультурный механизм ретрадиционализации, оборотной стороной которого является доминирование коллективных ценностей над индивидуальными и безусловное подчинение авторитету разнообразных старейшин. Центральноазиатский «башизм» стал особой формой организации политических систем, в рамках которой и произошла архаизация

основных политических институтов, характерных не столько для параметров национальных государств Новейшего времени, сколько для родоплеменных организмов.

Применительно к Туркмении этот процесс привел к наиболее впечатляющим результатам – политическому режиму, который в максимальной степени приблизился к осуществлению классических параметров как автократии в целом, так и ее патерналистской модификации, сложившейся в Туркменистане при С. Ниязове. Демодернизация и реархаизация способствовали консолидации власти Туркменбаши как национального сверхавтократора, но они же во многом определили и изоляцию страны на международной арене. Подобный режим мог существовать лишь при жизни Туркменбаши, что и показали события после его смерти и процесс, определенный Ш. Кадыровым, как «бархатная клановая революция», в ходе которого старые советские кланы окончательно сошли с политической арены страны, а ниязовские элитные группы утратили значительную часть влияния. Приход к власти Г. Бердымухамедова внес коррективы в работу механизмов взаимодействия туркменских кланов в их борьбе за власть и ресурсы, но не привел к существенным изменениям самого режима.

При всей схожести деления элит в пяти азиатских республиках бывшего СССР, естественно, существуют и значительные отличия. Например, что бы ни говорилось о двухтысячелетней истории «киргизской государственности», подлинными носителями киргизского самосознания, языка и культуры всегда являлись племя и род. Более того, киргизское племя имело и атрибуты политического сообщества. Племена и роды имели родовые внешние признаки: ураан (боевой клич), туу (знамя), тамга (тавро скота), намыс (честь рода), жардам (помощь членам рода), аксакал (старейшина рода), баатыр (герой рода).

Стоит отметить, что и патриотизм в традиционном киргизском понимании во многом связан именно с понятием «своего» племени и его территории. Даже слово «эл» (родственное по смыслу подробно рассматриваемому Ш. Кадыровым понятию «туркмен или») имеет в киргизском языке два значения. Когда киргиз говорит «кыргыз эли» – имеется в виду киргизский народ как нация. Но когда у человека спрашивают «элин кайсы?», это значит – «какого ты рода-племени?» И ответ на такой вопрос звучит соответственно: «солто элинен болом» (из племени солто), или «элим – адыгине» (из адыгине) и т.д.

Каждый киргиз с молоком матери впитывает сознание главенства интересов своего рода и племени. То же самое наблюдается и у казахов: при всем стремлении власти создать «общество-нацию», «казахстанцев», межплеменные различия казахов, перво-степенность самоидентификации по линии – жуз-племя-колена (и уже потом – общеказахское или общеказахстанское) остаются приоритетными. Интересно, что именно у номадических народов (казахов, киргизов и туркмен), как это демонстрирует новейшая история, «клановое сознание» чаще оказывается гибче (включение иноэтнических элементов через браки, бизнес, землячество и пр.), но одновременно и значительно прочнее, чем у народов с многовековой оседлостью. Узбеки и таджики давно перешли к оседлости, поэтому знание о том, кто из какого рода и племени, утратило такое значение и актуальность, как у кочевых народов, и стало в значительной мере функцией внутриэлитных взаимоотношений и сугубо функциональным институтом, облегчающим жизнь.

Кланы Узбекистана отличаются от кланов Казахстана. В Казахстане они сформированы, в первую очередь, на основе родоплеменных связей; все казахское население делится на три жуза, каждый из которых состоит из нескольких неравнозначных родов, дробящихся на племена и колена. Кланов в Узбекистане сложились по территориальному принципу, в этой республике данное явление совпадает с понятием землячество, представитель другой национальности, как правило, не может быть членом клана.

Узбекские политико-финансовые группировки гибче, чем строго территориальный клан, так как, помимо региональной общности, действуют и другие важные факторы: доступ к финансовым ресурсам, родственные связи, дружеские отношения и т.д. На практике в ташкентскую или самаркандскую политико-финансовые группировки могут входить представители разных регионов и национальностей, что усиливает возможности каждого клана влиять на ситуацию и отстаивать свои интересы. В настоящей статье мы сознательно не детализируем рассмотрение достаточно сложного вопроса кланового членения центральноазиатских социумов. И суфийские братства (тарикаты) и авлоды, не говоря уже о внеклановой степной аристократии – чингизидах и потомках святых, безусловно, оказывают свое влияние на динамику внутриэлитных процессов в постсоветской Азии, но это – тема отдельного разговора.

Ключевые министры в правительстве Узбекистана объединяются в соперничающие блоки, возникающие как на базе кланов

или региональной принадлежности, так и на почве личных финансовых интересов. И в Киргизии родоплеменное деление всегда было серьезным фактором, а после распада СССР произошло, как указывалось ранее, фактическое возрождение полуфеодальной системы социальных отношений, поднявшее роль этого фактора на новую высоту. Деление по родам, обычно насчитывающим не менее нескольких тысяч человек, приобрело для людей новую, особую важность, став фактором неформальных социальных гарантий. Наличие в составе клана или рода высокого начальника автоматически укрепляет позиции всего рода, а его поражение снижает статус клана. С конца 1990-х годов именно «южные кланы» последовательно консолидировали усилия и укрепляли сотрудничество для достижения общей цели – лишения власти «президентского племени» сары багыш, не желавшего «по справедливости поделиться» властью и собственностью с южными кланами.

Представляется, что все же киргизские родоплеменные объединения – не этнополитические, а скорее, этнокультурные образования, и резкий рост их политической активности несколько лет назад указывал на слабость собственно политических институтов государства (Ш. Кадыров, безусловно, прав, говоря о том, что кланы «подменяют» собой формальные институты власти в случае их недееспособности). Только когда специфические организации, которым положено управлять обществом, не справляются со своими функциями, происходит то, что произошло в Киргизии накануне так называемой «тюльпановой революции» марта 2005 г. – политизация кланов. В течение 2005–2006 гг. много говорилось о распадении элиты Киргизии на «северные» и «южные» кланы, но на практике победила общая для стран региона тенденция выстраивания жесткой «властной вертикали» под руководством президента-арбитра, улаживающего споры ведущих элитных кланов страны, регулирующего их политические и бизнес-амбиции. В апреле 2010 г. вместо К. Бакиева, не сумевшего стать полноценным арбитром в спорах «севера» и «юга», появилось временное правительство, состоящее из ряда амбициозных политических лидеров и с Севера (А. Атамбаев, Т. Сариев и др.), и с Юга (Р. Отунбаева, О. Текебаев, И. Исаков, А. Бекназаров и др.), претендующих на ключевые посты (спикера парламента, премьер-министра, президента) в стране.

В октябре 2010 г. пройдут парламентские выборы, а 27 июня состоялся общереспубликанский референдум. Согласно новому, принятому на референдуме, Основному закону Киргизия стано-

вится республикой с парламентской формой правления. По мнению членов временного правительства, это не позволит сосредоточить в одних руках всю власть. Сама идея парламентской республики возникла именно потому, что победители в «новой революции» хронически не могут договориться между собой. Особенно заметными эти разногласия стали во время киргизо-узбекских межэтнических столкновений и погромов на Юге – в Оше и Джалал-Абаде.

Вместо элиты, способной сформулировать общенациональную повестку дня в интересах всего общества, страна пока имеет жестоко конкурирующие между собой группировки влияния, а вместо одного президента Киргизия рискует получить 120 «маленьких президентов-депутатов», перманентно воюющих друг с другом за доступ своих кланов к ресурсам бедной республики.

Кланы в центральноазиатских республиках имеют глубокие историко-культурные корни. Преемственность присуща любой национальной культуре, и сила обычая и традиции в азиатских обществах исключительно велика. Родоплеменное деление – не политические партии или неправительственные организации, его не запретишь президентским указом. Кланов сами и есть закон, по которому жили поколения киргизов, туркмен, казахов, узбеков, таджиков, каракалпаков. За тысячелетнюю историю родоплеменные представления успели войти в их плоть и кровь. Они живут в обычаях, традициях народа и хранятся в глубинах ментальности народов региона.

Кланы работают с людьми и используют пропаганду. В Киргизии после «первой революции» 2005 г. насчитывалось более 40 партий, после «второй», 2010 г., по разным оценкам, от 50 до более чем 100 (!). При этом ни одна из них не имела сколько-нибудь заметного влияния на население, поскольку просто не контактировала с ним. И сейчас столичные офисы киргизских политических партий почти всегда пусты. О гражданах эти организации вспоминают за месяц–полтора до выборов и забывают на следующий день после голосования. Та же картина наблюдается во всех без исключения республиках Центральной Азии (там, где политическая жизнь включает измерение межпартийного соперничества и допустимость политических дискуссий). Сейчас, когда в Киргизии после бегства прежнего президента за границу объявлен переход к «парламентской республике», а выборы должны состояться уже в октябре, абсолютное большинство киргизских партий никак не заявляют о себе.

Иное дело – родоплеменные объединения и землячества. Они работают с людьми регулярно, а не только накануне выборов в парламент или местные органы власти. И в Киргизии, и в Казахстане региональные кланы устраивают по праздникам (Нооруз/Наурыз, Орозо-айт/Ураза и др.) торжественные мероприятия, состязания и игры, помогают малоимущим односельчанам (мукой, углем, деньгами и пр.), строят мечети, организуют общественные работы (очистка арыков, восстановление гравийных дорог, ремонт школ и т.д.). Финансовые расходы покрываются за счет небольших сборов со всех членов и крупных взносов богатых и влиятельных семей, которые имеются в любой общине. Они спонсируют народные гуляния, оплачивают строительные и ремонтные работы. Причем главы «семей» подчеркнуто уважительно относятся к старшим, чтят обычаи и традиции общины. Перед участием в выборах они обязательно просят аксакалов дать им свое благословение. Этот ритуал подчеркивает, что в политической борьбе лидер выступает именно как представитель сообщества, клана и мнение соплеменников для него священо.

Сила кланов и в том, что они решают реальные проблемы своих членов. Что делать, когда государство бросает своих граждан на произвол судьбы? Именно так в массовом сознании выглядит реализуемая (с разной скоростью, но в одном направлении) в республиках Центральной Азии стратегия власти по «сворачиванию» социальных обязательств государства перед гражданами. Куда, к кому обратиться человеку, попавшему в беду? К тем, кто помогает без лишней волокиты и не отгораживается непонятными большинству граждан инструкциями и регламентом: к родственникам и землякам, от которых скорее получишь помощь, чем от бюрократического аппарата.

В Киргизии, например, родоплеменные объединения и землячества возрождались в начале 90-х годов прошлого века не в качестве политических группировок. Начинали эти, стихийные поначалу, образования с возрождения традиций солидарности и взаимопомощи. Это они вернули в повседневную жизнь Киргизии понятия ашар (безвозмездное совместное строительство дома для члена общины), ынтымак (поддержка), кошумча (денежный или имущественный вклад), жардам (помощь). И сейчас неформальные объединения поддерживают своих членов не только на малой родине – в регионе, но и в столице – Бишкеке. Земляки и родственники помогают друг другу устроиться на работу, найти жилье, поступить в вуз. Для рядового киргиза эти сообщества имеют не

виртуальную, а вполне конкретную ценность. С их стороны он ощущает понимание и реальное участие в его жизни. Именно тут он находит то, что у него отняли: внимание, содействие и элементарное уважение. Рассматривая тему механизмов функционирования субэтнических групп в Туркмении, Кадыров указывает на те же черты, используя которые кланы «на низовом уровне» почти всегда оказываются эффективнее государственного аппарата.

Другим элементом, способствующим росту влияния и общественной значимости кланов в странах Центральной Азии, является то, что именно через кровнородственные группировки (лежащие, как справедливо отмечает туркменский ученый, в основе любых земляческих или корпоративных объединений) часто реализуются управление и наведение порядка на территории того или иного клана. Ослабление или потеря управления социальными процессами стали настоящим бедствием для Киргизии («послереволюционный» период и нынешнее «безвластие» после переворота 7–8 апреля 2010 г.) и Таджикистана (гражданская война).

В Киргизии, например, до осени 2005 г. государственного контроля просто не существовало (да и сейчас на Юге власть временного правительства сугубо символическая, что лишний раз подтвердили кровавые межэтнические столкновения в Оше и Джалал-Абаде. На рынках продавали товары и продукты, качество которых не выдерживало никакой критики. На селе пышным цветом расцвело скотокрадство, а столица оказалась во власти криминальных авторитетов. Наркомания и алкоголизм проникли даже в школы. Суды, милиция, акиматы и другие госорганы ничего больше не контролировали и ни за что не отвечали. И сегодня после падения режима Курманбека Бакиева временное правительство слабо контролирует ситуацию не только на Юге, но и в самом Бишкеке.

После «тюльпановой революции» 2005 г. в какой-то момент положение стало абсолютно невыносимым. Люди осознали, что государство не поможет, и за дело взялись неформальные объединения. Кланов легко организовали граждан для наведения порядка. Скандальную известность получил случай в Таласе, где толпа забила камнями рэкетиров, которые терроризировали весь аил. Хотя это был самосуд и незаконная расправа, общественное мнение республики оказалось на стороне сельской общины – средневековый вариант справедливости возник потому, что правоохранительные органы не справлялись со своими обязанностями.

Бездействие властей вело к расширению и углублению влияния неофициальных объединений в киргизском обществе. В стране начали возрождаться архаические институты – суды аксакалов, курултаи. Особенно на селе традиционные, общинные формы управления сильно потеснили государство. Они устанавливают очередь на полив, решают мелкие земельные и хозяйственные споры, определяют размер битира (обязательный подушный сбор в пользу мечети) и т.д. По мере укрепления новой власти эти «побеги кланового возрождения» не упразднились, но интегрировались в социально-политическую систему (курултаи, например, уже давно используются всеми участниками киргизского политического процесса в качестве регулярной демонстрации «народной поддержки»). В настоящее время на фоне очередного ослабления центральной власти в Киргизии именно «низовые» системы самоорганизации населения, использующие клановую солидарность, несомненно, только укрепятся.

Интересно, что, например, в Узбекистане, в условиях совершенно иного социально-политического ландшафта, чем в Киргизии или Казахстане, можно наблюдать похожие тенденции на уровне соседско-родственной общины – махалли. И так же, как в Киргизии, власть изначально рассматривала «низовые», прямо переплетенные с традиционными кланами, структуры местного самоуправления в качестве объектов, с которыми следует не бороться, а контролировать и использовать. Именно в Узбекистане старейшины махаллинских комитетов и «ответственные за порядок» – посбоны – получают государственную заработную плату: ничего подобного в других республиках региона пока не наблюдается.

К «плюсам» центральноазиатских кланов можно отнести и то, что лидеры неформальных группировок, в отличие от госчиновников, общаются с людьми «на их языке». Речь, обращенная к массам, не просто должна – обязана перекликаться с обыденными, ненаучными и неполитическими представлениями людей. Убеждение масс – это искусство, которое требует ежедневного совершенствования и постоянной практики.

Впрочем, в любом случае «сила» киргизских (и всех других центральноазиатских) кланов не в их достоинствах. Она – в многочисленных недостатках административных практик управления и в целом политических систем, установившихся в странах региона. Все чаще киргизское, узбекское или казахское общества выби-

рают трайбализм, поскольку другого выбора у них просто не остается.

Кланы подчас оказываются организованней и эффективней не только политических партий и НПО, но и госаппарата; в конечном итоге мощь кланов не усиливает государство, а разрывает его. Наглядно это было продемонстрировано в ходе «первой» и «второй» киргизских «революций кланов» марта 2005 г. и апреля 2010 г. или таджикской «межклановой войны» 1992–1998 гг., когда стабильности экономик и общества Киргизии и Таджикистана был нанесен тяжелейший удар, от которого эти страны не могут оправиться до сих пор.

Ситуация в Туркмении смотрится иначе. По своему ресурсному потенциалу Туркмения может сравниться с такими ключевыми государствами региона, как Казахстан или Узбекистан. Кроме того, страна занимает особое место в Центральной Азии и в Каспийском регионе. Геополитика и сырьевые ресурсы делают республику весьма важным, без преувеличения ключевым, сегментом всей постсоветской Азии. Поэтому для всех мировых центров силы особенно важными становятся поиск возможностей эффективных воздействий на элиту и дальнейшая выработка действенной модели сохранения и дальнейшего укрепления своих позиций в межгосударственных отношениях с «постниязовской» Туркменией. Знание скрытых, но весьма значимых для традиционного общества механизмов принятия решений, перспектив усиления или ослабления контроля различных кланов над политикой и экономикой страны позволяет выстраивать более эффективные методики продвижения интересов в Туркмении и во всем регионе.

Тем более интересен объективный анализ актуальной внутриполитической ситуации и положения в сфере элит стран Центральной Азии, поскольку, например, в России, ощущается явный дефицит именно этого рода информации. Такие данные представляют интерес, в том числе и в связи с разворачивающимися общемировыми экономическими кризисными явлениями и глобальными геополитическими трансформациями.

Понимание путей развития внутриэлитных взаимодействий, происходящих в странах региона, изменений в высших элитах накануне трансформаций, ожидающих высшую власть некоторых республик, влияния на них мировых центров силы интересно не только в сугубо академическом смысле.

Клановедение открывает перспективы выстраивания эффективных моделей продвижения интересов. Именно поэтому работы

об элитах, их взаимодействии и борьбе, ближайшем окружении лидеров и внешнеполитических ориентациях наиболее значимых финансово-промышленных и неформальных политических групп влияния в республиках Центральной Азии пользуются самым пристальным вниманием в мировых столицах.

По словам Ш. Кадырова, «кланы неперестанно находятся в движении». Это движение, взаимная борьба и частая смена внутриэлитной конъюнктуры затрудняют изучение проблемы. В его работе намечены лишь контуры будущего большого междисциплинарного исследования судьбы кланов региона и особенно постсоветских элит.

«Азия и Африка сегодня», М., 2010 г., № 9, с. 50–55.

Елена Пономарева,

кандидат политических наук (МГИМО),

Георгий Рудов,

кандидат политических наук

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР НЕСТАБИЛЬНОСТИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Центрально-Азиатский регион представляет собой сложный этноконфессиональный клубок и по степени влияния национальных и религиозных чувств на политическое развитие мировой системы может быть сравним с Кавказом и Балканами. Особую значимость страны ЦА имеют для России не только в геополитическом и геостратегическом смысле, но и в связи с многочисленным русскоязычным населением, все еще проживающим в регионе. Учитывая концепцию и стратегию стран Запада, прежде всего США, по дестабилизации, сепаратизации и возможному дроблению государств ЦА под условным названием «Большая Центральная Азия», особое внимание следует уделить не только отношениям между титульными нациями (казахами, киргизами, узбеками, туркменами и таджиками) и русскоязычным населением, но и конфликтогенам в отношениях между диаспорами из сопредельных стран.

Казахстан, Киргизия, Таджикистан. Туркмения. Узбекистан имеют полиэтничный состав населения с разными долями наличия титульного этноса. По официальной статистике, казахи в Казахстане составляют 56% (по последним данным – 59,2%), киргизы в

Киргизии – 64% (по последним данным – 69,5%); таджики в Таджикистане – 79,9%. Для сравнения: в Узбекистане удельный вес узбеков составляет 80%, а доля туркмен в Туркменистане – 77,0%.

Если в начале 90-х годов XX в. произошел серьезный отток русскоязычного населения, как правило, высококвалифицированной рабочей силы, то ситуация с крупными диаспорами из республик региона (казахская, узбекская, таджикская и киргизская) иная. Эти общности, испытывающие определенные трудности в реализации своих гражданских и политических прав, при определенных условиях и соответствующей политической конъюнктуре могут представлять серьезную угрозу для стабильности целого региона. Социалисты выделяют ряд факторов, способных при стечении обстоятельств стать аккумулятором роста конфликтогенности в ЦА.

1. Дифференциация по уровню развития регионов внутри стран. Это приводило и будет приводить к проявлению самых различных форм общественно-политических движений, основанных на этнической принадлежности их членов. Например, в Таджикистане в начале 90-х годов протестные движения приняли форму борьбы по географической принадлежности: «долинные – горные» таджики; по местам проживания: ленинабадские – памирские. В Киргизии деление основывается на принадлежности к северному (Бишкекскому) или южному (Ошскому) регионам. В Узбекистане особую роль исторически играла Ферганская долина.

2. Борьба за перераспределение ресурсов (территориальных, водных, энергетических и финансовых) между представителями различных этнических групп. Особенно остро эта борьба проявляется в республиках, испытывающих дефицит пригодных для обработки земель. Достаточно вспомнить случаи межэтнического противостояния, наблюдавшегося между таджиками и туркменами в 1989 г. (Таджикистан), узбеками и киргизами в 1990 г. (Ошская область), таджиками Исфаринского района Таджикистана и киргизами Баткенского района Киргизии в 1989–1990 гг. Нужно помнить, что в целом по ЦА численность населения превысила 50 млн. человек. На человека приходится в среднем менее чем по 0,20 га, а в Узбекистане – менее 0,17 га.

3. Большая плотность населения в местах компактного проживания представителей одной национальности. При этом не трудно спрогнозировать ситуацию, когда в политическом противостоянии может быть использован вопрос об этнической принадлежности и принадлежности к тому или иному региону внутри страны. В начале 90-х годов эксплуатация этнических и религиоз-

ных лозунгов с целью привлечения рядовых граждан республик на свою сторону является составной частью практики и идеологии многих политических объединений.

4. Проблема анклавов. Последствия национально-территориального размежевания в СССР, включая Кавказ и Центральную Азию, инициированного советской властью в 1924 г., до сих пор определяют состояние межэтнических отношений. Политическая карта ЦА имеет множество примеров деления компактных мест проживания народов и передачи их под юрисдикцию «соседей». Например, Ферганская долина как единый социокультурный, но многоэтнический организм была поделена на три части, отошедшие, соответственно, Узбекистану (с городами Наманган, Андижан, Маргелан, Фергана), Таджикистану (с городом Ходжент) и Киргизии (с городами Ош, Джалал-Абад, Узген). В результате проживающие там этнические группы оказались разделены государственными границами, которые не совпадают с этническими. Чаще всего вспышки межэтнических конфликтов происходят в местах цивилизационных разломов – несовпадений этнических и территориально-государственных границ, а именно в пограничных районах. В основе многих, если не всех этнотерриториальных претензий лежит историческая память. Восстановление справедливости, как правило, выражается в призывах к возвращению на историческую родину когда-то вытесненных из нее народов: туркмен – на полуостров Мангышлак в Казахстане, киргизов – на Памир в Таджикистане, казахов – в ташкентский оазис в Узбекистане. В настоящее время наблюдается ситуация, когда компактное проживание той или иной этнической группы на территории другого государства связывается с сохранением традиций, языка, образа жизни этнических меньшинств, которые в отдельных районах центральноазиатских республик составляют преимущественное большинство. Например, этнические узбеки составляют значительную часть населения на юге Киргизии и Казахстана, на севере Таджикистана. Из казахов, проживающих в Узбекистане, почти 90% сосредоточено в городе Ташкенте, Ташкентской, Навоийской, Джизакской, Сырдарьинской областях, а также в Республике Каракалпакстан. Также местом компактного проживания казахской диаспоры являются Бухарская и Хорезмская области. Таджики населяют такие центры Узбекистана, как Самарканд и Бухара. Но важно то, что они считают места своего постоянного проживания своей исконной территорией, и это не может не служить причиной для появления новых очагов напряженности в регионе.

Наибольшей конфликтностью отличаются узбекско-таджикские отношения в Узбекистане, где ярко выражено явление сочетания межэтнических и межгосударственных разногласий.

5. Проблемы трудовой и нелегальной миграции. Следует выделить два основных вектора ее направленности: Россия и Казахстан. С наступлением летнего периода трудовая миграция в Казахстан принимает большой и неконтролируемый масштаб. Как следствие наплыва большого количества рабочих в РК, усиливаются социально-экономические проблемы. Это, в свою очередь, создает реальные предпосылки этнической неприязни к трудовым мигрантам и способствует росту межэтнической напряженности в Казахстане и в регионе.

6. Преобладание на руководящих постах в республиках ЦА представителей «титульной нации». Представители этнических меньшинств, которые в некоторых областях значительно превосходят в процентном отношении представителей титульной нации, фактически не могут легальным способом занять руководящий пост в той или иной стране региона. Подобная картина наблюдается по отношению к узбекской диаспоре в политической структуре Таджикистана и казахской диаспоре в Узбекистане.

Необходимо помнить, что существующие территориальные разногласия, нерешенность вопросов земельных и водных ресурсов, наличие анклавов, а также тяжелая социально-экономическая ситуация в среде диаспор и титульной нации республик ЦА создают почву для роста напряженности и появления конфликтов, самыми опасными из которых являются межэтнические. При этом происходит слияние межэтнических и межгосударственных противоречий, что чревато мощным взрывом внутри республик региона.

Если политические власти государств региона не будут учитывать значение и влияние названных факторов на политическое развитие стран, это может послужить основой дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в каждой из республик по отдельности. Поэтому необходима разработка комплексной программы по стабилизации ситуации, по созданию условий для полноценного участия диаспор во всех сферах жизнедеятельности и управления страной. Вероятно, что без помощи российской стороны (ученых, экономистов, бизнесменов, политиков и др.) вряд ли удастся коренным образом изменить ситуацию. Для России же включение в процесс межэтнического урегулирования означает серьезные

перспективы по возвращению должного авторитета и статуса в республиках ЦА.

Больше всего межэтнических конфликтов среди стран ЦА за последние годы произошло в экономически наиболее успешном государстве региона – Казахстане, который, как и Россия, испытывает сильное демографическое воздействие иноэтничных по составу миграционных потоков.

Первыми в серии межэтнических столкновений 2006–2007 гг. стали антикавказские выступления казахского населения в прикаспийском городе Актау. 20 августа 2006 г. на центральной площади города собрался несанкционированный митинг работников ОАО «Мангистаунаугаз», требовавших повышения зарплат. По информации журналистов независимого «31-го канала», в ходе митинга было выдвинуто требование отставки главы городской администрации. К вечеру на площади собралось от 400 до 1000 человек, которые выкрикивали антикавказские лозунги, а затем стали громить принадлежащие лезгинам, чеченцам и азербайджанцам кафе и магазины. Напряженная ситуация сохранялась в городе в течение нескольких дней. На полуострове Мангышлак, где расположен Актау, события августа 2006 г. были уже не первым межэтническим конфликтом. Самый известный из них имел место еще летом 1989 г. в Новом Узене, когда произошли кровавые столкновения казахов с лезгинами и чеченцами.

В октябре 2006 г. произошло «тенгизское побоище» – массовая драка турецких и казахских рабочих на нефтяном месторождении Тенгиз, расположенном в Жылыойском районе Атырауской области Казахстана. Версии прокуратуры и очевидцев этих событий, изложенные впоследствии в СМИ, серьезно отличаются. Согласно официальным данным, поводом для драки стала попытка казахского рабочего без очереди получить обед в столовой. В результате около 400 казахов напали на турок и устроили драку, в которой было сожжено несколько машин и контейнер со спецодеждой.

По версии очевидцев событий, поводом для драки стало поведение турецких рабочих, избивших подошедшего к ним с просьбой расписаться в документе о допуске к работе казаха. В завязавшейся драке были избиты около 140 турок, которым впоследствии понадобилась медицинская помощь. По неподтвержденной информации, в ходе беспорядков на месторождении Тенгиз были и убитые, число которых оценивается очевидцами в 15–17 человек.

Анализируя причины столкновений, казахские эксперты указывали на два основных момента — вызывающее поведение

турок, пренебрежительно относившихся к местному населению, и неравенство зарплат, размер которых у иностранных рабочих, выполнявших те же функции, был значительно выше – в 15–20 раз.

В ноябре 2006 г., накануне 20-летней годовщины алмаатинских событий, когда состоялись массовые выступления казахов против назначения первым секретарем республиканской компартии русского по национальности Г. Колбина, произошли столкновения казахов и уйгуров в селе Шелек Алма-Атинской области. Беспорядки начались 18 ноября с бытовой драки в кафе «Старый замок», в которой трое уйгуров избили казаха. Драка переросла в массовые столкновения между казахской и уйгурской молодежью, в которых численный перевес оказался на стороне уйгуров. На следующий день казахская молодежь решила отомстить и устроила драку в трех кафе, посетителями которых были уйгуры. Столкновения, в одном из которых с обеих сторон участвовало до 300 человек, переместились на улицу и были остановлены только благодаря вмешательству старейшин. Для предотвращения дальнейших столкновений в поселке был введен своего рода комендантский час, установлен контроль старейшин над увеселительными заведениями.

Еще большее влияние на казахстанское общество, чем сами столкновения в Шелеке, оказала публикация оппозиционной газеты «Свобода слова» «Уйгуры Шелека: государство ваше, а земля наша». Автор статьи журналист Е. Уралбаев, в частности, приво-дил факт использования уйгурами в ходе столкновений лозунга «Государство ваше, а земля наша», который и вызвал возмущение казахов. В комментариях по поводу причин событий в Шелеке казахи и уйгуры придерживались, как правило, противоположных точек зрения. Если казахи рассматривали беспорядки как межэтнический конфликт, имеющий под собой социальную основу, то уйгуры стремились свести дело к бытовой драке, которая впоследствии была преподнесена в СМИ как межнациональные столкновения. Впоследствии ими отрицался и сам факт использования лозунга «Государство ваше, а земля наша».

В марте 2007 г. в Алма-Атинской области вспыхнули столкновения между чеченцами и казахами. Конфликт начался с драки в бильярдной поселка Маловодное, в 40 км от Алма-Аты. Сначала трое казахов избили чеченца, затем родственник последнего сбил одного из казахов на своем джипе и ранил его в ногу. На следующий день около 300 казахов прибыли в соседний поселок Казатком, где проживала семья участвовавшего в драке чеченца, и по-

требовали его выдачи. Чеченцы открыли по толпе огонь из ружей, в результате чего около 10 человек получили ранения, а двое из них впоследствии скончались. В ответ разъяренная толпа до смерти избивала троих чеченцев, сожгла их дом и автомобиль. В тот же день была сожжена бильярдная и разгромлены принадлежавшие чеченцам коммерческие киоски. Состоявшийся на следующий день народный сход потребовал выселить из поселка всех чеченцев. Для предотвращения столкновений были использованы силы полиции и ОМОНа. Впоследствии трем участникам беспорядков были предъявлены обвинения в совершении уголовного преступления.

В октябре–ноябре 2007 г. разразился конфликт между казахами и курдами в селе Маятас, в Толебийском районе Южно-Казахстанской области. Поводом для столкновений стала информация об изнасиловании 4-летнего мальчика-казаха 16-летним курдом. Возмущение казахского населения Маятаса, а также соседних селений вылилось в поджоги домов и нападения на курдов, которые продолжались три дня. В самом Маятасе были до основания сожжены четыре курдских дома. До 90% жителей села, населенного преимущественно курдами, покинули свои дома и переехали в областной центр. Выступления против курдов проходили также в Сайрамском и Байдибекском районах Южно-Казахстанской области. Для предотвращения столкновений было задействовано до 500 человек личного состава полиции, прокуратуры и Комитета национальной безопасности Казахстана, трое полицейских получили ранения. В общей сложности были задержаны 18 предполагаемых участников погромов, в отношении семи из них возбуждены уголовные дела. Несмотря на то что расследование прокуратуры подтвердило факт совершения преступления, представители курдских организаций Казахстана и России выражали в этом сомнения, считая беспорядки провокацией турецких спецслужб.

Межэтнические конфликты, произошедшие в Казахстане в 2006–2007 гг., имеют ряд общих черт. Во-первых, конфликтующими сторонами в них выступают казахи и азиатские / кавказские по происхождению этнические группы, исторически не проживавшие на территории республики. Во-вторых, во всех конфликтах играет роль фактор этносоциального неравенства в самых разных проявлениях – от погромов кафе и магазинов до массовых драк с иностранными рабочими. В-третьих, одной из главных причин конфликтов являются особенности образа поведения «некорен-

ных», воспринимаемые казахами как вызывающие и неуважительные по отношению к обычаям коренного населения.

В целом присутствие в Казахстане «восточных» этнических общностей имеет тенденцию к превращению в мощный конфликтогенный фактор. Тот факт, что в конфликтах 2006–2007 гг. не участвовало русское население, объясняется несколькими обстоятельствами: более высокой психологической совместимостью русских и казахов, занимаемыми ими различными экономическими нишами, длительной традицией совместного проживания. Кроме того, большинство русских, не видя в Казахстане будущего для своих детей, настроены на эмиграцию и участвовать в конфликтах в чужом для них государстве не склонны.

На современном этапе развития ЦА именно конфликты между титульными этносами, многочисленные диаспоры которых проживают во всех соседних государствах, наиболее опасны. Незавершенность демаркации границ, усиление националистических настроений, дискриминация нетитульного населения в ряде республик, бедность основной массы населения и высокие темпы его естественного прироста обуславливают сохранение в странах региона значительного конфликтного потенциала.

Известно, что межэтническое противостояние может быть отягощено конфессиональными противоречиями. В этом смысле ситуация в странах ЦА не является исключением, несмотря на то что подавляющее большинство населения региона исповедует ислам. Например, в Киргизии суннитов 80%, в Таджикистане подавляющая часть таджиков исповедуют ислам суннитского толка, небольшая часть населения – шииты, но точных данных нет. В Туркмении 89% населения исповедуют ислам. В Узбекистане мусульман (преимущественно суннитов) 93,28 % от общего числа населения. Самая пестрая религиозная картина в Казахстане, где действует около 5 тыс. объединений, принадлежащих к 62 конфессиям. По данным на 2005 г., лишь 65% из них суннитские. В южной части Казахстана имеет распространение суфизм, в том числе в форме суфийских орденов-таритаков. Социологи отмечают, что среди государств ЦА Казахстан является наименее религиозным государством – от 60 до 70% населения считают себя верующими. Однако в самом общем виде конфессиональная ситуация в регионе пока не представляет собой напряженности. Но думается, что это только пока.

*«Края дуги нестабильности: Балканы–
Центральная Азия», М., 2010 г., с. 190–199.*

Георгий Рудов,
кандидат политических наук
РОЛЬ ТУРЦИИ И ИРАНА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Турция, будучи важным стратегическим партнером и верным союзником США, проводит активную политику в странах Центральной Азии. США рассматривают Турцию в регионе прежде всего как противовес России и в перспективе – Китаю, а также, опасаясь идеологической и политической экспансии Ирана в центральноазиатских государствах, и в качестве идеологического представителя политики Запада в ЦА. Тем не менее США критически оценивают возможность создания Великого Туркестана, идею которого вынашивают определенные круги в Турции.

В частности, такой подход проявился в отношении Вашингтона к региональному союзу государств ЦА, который юридически был оформлен 4 января 1994 г. в Ташкенте. Эта идея обсуждалась начиная с 1992 г. в ходе поездок по мусульманским республикам бывшего СССР покойного президента Турции Т. Озала и тогдашнего госсекретаря США Дж. Бейкера. США согласились признать Турцию в качестве «региональной сверхдержавы», в сферу интересов которой может войти так называемый новый Туркестан. По мнению политического истеблишмента США, развитие интеграционных процессов по этому сценарию было бы привлекательным по двум причинам:

– во-первых, США нашли бы способ для умиротворения исламских государств, особенно антиамерикански настроенной части их населения и самих исламистов, привязывая новые страны ЦА к турецкой модели, в рамках которой, по мнению этих стран, относительно удачно решена проблема строительства мусульманского государства с сильным светским, «демократическим» акцентом;

– во-вторых, такой вариант решения вопроса основывался бы на объективных причинах: на естественном стремлении к так называемому возрождению единого исторического прошлого тюркоязычных народов, и не вызвал бы острой тревоги и протеста со стороны России и христианского мира.

Однако в своей политике противопоставления мусульманских народов христианскому миру в регионе США заходят слишком далеко: не следует забывать, что турецкий режим при всех его достижениях «цементируют» военные, а приход к власти сплоченных исламских радикалов в этой стране означал бы провал поли-

тики США. Поэтому поддержка последними центральноазиатских амбиций Анкары на основе пантюркизма должна иметь свои границы: в США уже высказывается мнение, что им следует сосредоточиться не на ЦА, а именно на Турции как более важном для США партнере.

США продолжают поощрять активность Турции в регионе, в первую очередь в вопросе транспортировки энергоресурсов. Это в определенной степени обусловливается причинами внутривосточного (сложная ситуация в Турции, возможность усиления позиций клерикальных сил, ослабления прозападной ориентации) и геостратегического (рассмотрение Турции как одного из надежных союзников США в евроатлантической кооперации, в том числе и в НАТО, попытки закрепить за Анкарой роль ключевого государства в регионе) проводника политики Вашингтона.

Сама Турция после распада СССР поставила во главу угла создание наднационального тюркского экономического пространства, единой региональной энергосистемы и системы транспортировки энергетических ресурсов, регионального банка развития, безвизового движения граждан и капиталов, создание общего языка для тюркских государств. Эти предложения были сделаны в ходе первого саммита тюркоязычных государств СНГ и Турции в Анкаре 30–31 октября 1992 г. (всего таких саммитов было проведено семь). Однако лидеры тюркских республик мягко отклонили предложения Турции по многостороннему сотрудничеству, подписав только документы на двустороннем уровне и Анкарскую декларацию, которая лишь в общих чертах предусматривала сотрудничество в сфере культуры, образования, языка, безопасности, экономики и права.

Нужно отметить, что лидеры новых независимых государств отнеслись к инициативам Турции настороженно. Так, президент Казахстана Н. Назарбаев выразил мысль, что развитие отношений, которые основываются на этноязыковых признаках, служит не сближению, а разъединению народов, поэтому нужно развивать цивилизованные отношения, основанные на взаимоуважении и независимости государств. Таким образом, была официально проявлена негативная реакция на высказывания турецкого руководства относительно создания «тюркоязычной империи от Адриатического моря до Великой Китайской стены». Лидеры постсоветских тюркоязычных республик явно не желают попадать под патронат «старшего брата в лице Турции». В дальнейшем обнаружилась и экономическая слабость Турции, оказавшейся не в со-

стоянии выполнить свои обещания по финансовой и экономической помощи этим государствам. В результате Анкара была вынуждена скорректировать свою политику в отношении последних, сосредоточившись на конкретных проектах (прежде всего, нефтепроводе Баку–Тбилиси–Джейхан) и развитии двусторонних отношений. В целом определенные ожидания стран ЦА относительно выгод от сотрудничества со Страной утренней звезды оправдались в малой степени.

Тем не менее Турция остается весьма привлекательным партнером для стран региона, что обуславливают такие факторы, как языковая, этническая и религиозная близость; сочетание светской власти с западной системой построения государства и традиционного ислама; успехи в экономическом развитии (в начале становления своей государственности страны ЦА пытались применить у себя турецкую модель развития); наличие развитых связей с США и Западом в целом; влияние в мусульманском мире.

Было бы, однако, упрощением воспринимать Турцию простым проводником политики США в регионе. Анкара имеет здесь собственные экономические интересы (в сфере экспорта, подрядных работ для строительных компаний, предпринимательской деятельности турецких компаний), которые она поддерживает конкретными мерами, в первую очередь позиционируя себя как «старшего брата» для всего тюркского мира, объединившего новые государства ЦА и Кавказа, и пропагандируя идеи Кемаля Ататюрка и общего «тюркского дома». Турция инвестировала в экономику стран региона ЦА и Азербайджана более миллиарда долларов, открыла двери своих учебных заведений для тысяч студентов из стран региона, оказывает финансовую помощь мечетям, религиозным школам, мусульманским культурным центрам, открыла и намерена открывать дальше совместные учебные заведения, и не только в столицах, но чаще на периферии.

Если Турция вступит в ЕС, она сможет значительно повысить свою привлекательность для региона, подкрепляемую продолжающейся помощью Турции входящим в него тюркоязычным странам, в том числе по образовательно-гуманитарным, культурным и религиозным каналам. Усиление тяготения изучаемых стран к Турции, безусловно, выгодно Вашингтону, для которого вытеснение российского и иранского влияния в регионе турецким является стратегической задачей. Связку США–Турция негативно воспринимают в Москве, где в целом отрицательно относятся практически ко всем составляющим турецкой политики на про-

странстве СНГ. Отметим, однако, что существуют реальные перспективы развития сотрудничества России и Турции в различных областях (Турция – один из важных торгово-экономических партнеров России), включая и противодействие угрозам в сфере безопасности в Центрально-Азиатском регионе.

При всех оговорках турецкий фактор – важный ресурс для центральноазиатской политики США, и Вашингтон всячески способствует расширению сфер сотрудничества Анкары в регионе. Однако, несмотря на поддержку гегемона мировой политики, Турция сталкивается в Центральной Азии с определенными трудностями, хотя турецкая модель развития остается привлекательной для лидеров большинства государств региона. Дело в том, что экономические проблемы ЦА слишком велики и сложны для Анкары, а это, в свою очередь, дает реальные шансы другим региональным игрокам. В целом, несмотря на активность Турции, в том числе и в военной области сотрудничества, ее попытки выступить в качестве форпоста западного влияния, особенно в плане нейтрализации потенциальных источников нестабильности, имеют в регионе достаточно четко очерченные границы.

Еще одним важным игроком в регионе является Иран, несмотря на то что Тегеран пока четко не сформулировал свои отношения с государствами Центральной Азии. По мнению ряда политических лидеров, Иран имел наибольшие шансы укрепить свое влияние в Таджикистане, опираясь на этническую и культурную близость с этим среднеазиатским государством. Но активная политическая поддержка таджикских исламистов и «демократических» лидеров во время кровавых событий мая–ноября 1992 г. в Таджикистане послужила причиной резкого возрастания антииранских настроений среди населения республики.

Действия Ирана вызвали сильную обеспокоенность других стран Центрально-Азиатского региона, увидевших в исламских партиях, действовавших внутри стран, прообраз исламского фундаментализма иранского образца, ориентированного исключительно на захват политической власти в стране. Более того, события, происходившие в самом Иране, убеждали руководство государств региона в том, что иранская модель развития государственности вряд ли может послужить образцом для Средней Азии.

События 1990-х годов в ЦА заставили Иран пересмотреть свою политику в отношении независимых государств региона: ей стали свойственны более реалистические и прагматические черты. Иранская дипломатия выразила свою обеспокоенность развитием

событий в Таджикистане, выступила за мирное урегулирование таджикского конфликта. В целях скорейшего его разрешения Иран предоставил свою территорию участникам переговоров, кроме того, заявил о невмешательстве во внутренние дела Таджикистана и других государств этого региона и предпринял усилия для развития своих экономических отношений с этими государствами. Так, между Узбекистаном и Ираном были заключены соглашения о развитии отношений в области сельского хозяйства, транспорта, добычи и переработки нефти и газа, строительства, фармацевтики и банковского дела. Туркмении Тегеран предложил свою помощь в выходе на мировой рынок газа и хлопка.

Тем не менее отношения государств ЦА с Ираном еще далеки от совершенства. Сказывается непреодоленное чувство взаимного недоверия, настороженность. С другой стороны, и экономический потенциал Ирана не позволяет ему диктовать свои условия странам региона. К тому же угроза Ирана провести репатриацию 500 тыс. афганских беженцев способна дестабилизировать обстановку на северо-западе Афганистана.

Иран, стремящийся стать ведущей региональной силой, пытается привязать к себе центральноазиатские страны, используя как средство влияния транзитно-транспортные связи, их зависимость от дорожной инфраструктуры, доступа к портам, трубопроводам, проходящим через территорию Ирана. Вместе с тем попытки Тегерана вмешиваться во внутренние дела ряда центральноазиатских государств вызывают там явно негативную реакцию, к тому же правящие режимы этих стран действуют в отношении Ирана с явной оглядкой на США и Запад.

Иран, противостоящий агрессивной политике США, старается проводить в ЦА курс на установление и развитие добрососедских отношений, максимально использовать свое географическое соседство, предлагая центральноазиатским государствам транспортные коридоры через свою территорию, строительство нефти и газопроводов к портам Персидского залива. Иранская дипломатия в меру своих возможностей способствует мирному урегулированию внутренних конфликтов в Таджикистане и Афганистане.

В заключение следует отметить, что влиянием в регионе, несомненно, будут обладать те государства, которые смогут внести наибольший вклад в его экономическое развитие, обеспечение безопасности и стабильности.

*«Края дуги нестабильности: Балканы» –
Центральная Азия», М., 2010 г., с. 219–225.*

**Стивен Бидл, Фотини Кристиа,
Александр Тайер,**
политологи (США)
**ЧТО ТАКОЕ УСПЕХ В АФГАНИСТАНЕ?
(Какой вариант приемлем
для Соединенных Штатов?)**

После свержения режима талибов первоначальный план для Афганистана предусматривал проведение быстрых преобразований в области государственного строительства. Но сегодня этот проект уже не представляется осуществимым, даже если когда-то он и казался таковым. Многие американцы скептически смотрят на возможность стабилизации в Афганистане. Они полагают, что в этой стране никогда не было эффективного руководства и она просто неуправляема. Неприятие общественностью войны в Афганистане основано главным образом на широко распространенных опасениях, что при любом исходе военных действий там невозможно создание политической государственной системы, которая была бы и приемлема, и достижима при разумных издержках.

Похоже, что администрация Барака Обамы разделяет скептицизм общественности относительно жизнеспособности сильного, централизованного правительства западного типа в Кабуле. Но Белый дом и не считает, что такую амбициозную задачу нужно ставить. Как заметил в 2009 г. министр обороны Роберт Гейтс, Афганистану не нужно становиться «центральноазиатской Валгаллой». Однако вряд ли кого-то устроит и превращение этой страны в центральноазиатское Сомали. Таким образом, успех в Афганистане будет означать достижение промежуточного варианта государства, чего-то среднего между идеальным и неприемлемым. Администрация Обамы должна наметить и описать характер такого государства. Без определения четких рамок желаемого исхода военная кампания США и НАТО будет хаотичной, равно как и любая стратегия переговоров по урегулированию отношений с талибами.

В действительности для Афганистана существует целый ряд приемлемых и достижимых решений. Ни одно из них отнюдь не совершенно, и все потребуют жертв. Но было бы неправильно полагать, что страна вообще неуправляема или что в погоне за недостижимой целью жертвы будут напрасны. Собственная история Афганистана дает достаточно примеров такого стабильного, децентрализованного правления, которое отвечало бы современным

потребностям при сохранении нынешней Конституции. Извлекая уроки из истории и опыта последнего времени в Афганистане и других странах, Соединенные Штаты могут выработать практическое определение того, что такое успех.

Период с окончания второй англо-афганской войны в 1880 г. до переворота, совершенного Мухаммедом Дауд Ханом в 1973 г., был в Афганистане временем относительно стабильного государственного строительства. Хотя до 1964 г. существовала абсолютная монархия, афганские эмиры, чтобы править, в целом нуждались в согласии населения. У центрального правительства не было достаточно сил и ресурсов для контроля на местах и предоставления государственных услуг во многих частях страны. Поэтому оно правило на основе соглашений между государством и отдельными общинами, которым в обмен на лояльность и подобие порядка предоставлялась относительная автономия. По мере того как Кабул обретал способность предоставлять услуги и наказывать тех, кто нарушал договоренности, баланс изменился, и автономия на местах постепенно сходилась на нет. Но всякий раз, когда этот процесс шел слишком быстро (наиболее примечательные примеры – 1920-е годы при Аммануле-хане и 1970-е при правлении Народно-демократической партии, которую поддерживал Советский Союз), на периферии вспыхивал конфликт, и местные правители бросали вызов центральной власти. Советское вторжение в 1979 г. привело к полному разрушению централизованной власти и законности, что вылилось в распыление политической, экономической и военной власти между этническими и территориальными группами. Так закончилась эпоха династического контроля пуштунских элит над государством.

Хотя война, миграция и появление единоличных правителей в регионах дестабилизировали сельскую местность, местные общины остаются основным источником афганской идентичности и важной основой системы правления и подотчетности. Этот момент особенно ясно виден на примере местной *джирги* или *шуры* (совет общины). Традиционно совет общины решал проблемы и обсуждал общие нужды и обязанности, а наиболее уважаемые его члены служили связующим звеном с центральным правительством. Эти советы, возможно, отличаются по своему влиянию и представительству, но и сегодня они существуют фактически в каждой общине. Такая традиционная база легитимности на местах представляет собой потенциальную основу для стабильного правления в будущем.

Вашингтон, конечно, хотел бы, чтобы в Афганистане (как и в любой другой стране) правление осуществлялось по воле тех, кем управляют, чтобы народ благоденствовал, а права меньшинств и женщин уважались. Но два основных момента, определяющих интерес США к Афганистану в плане безопасности и оправдывающих ведение войны, носят значительно более узкий характер. Первый момент состоит в том, чтобы террористы, которые хотят нанести удар по Соединенным Штатам и их союзникам, не использовали Афганистан в качестве своей базы. Второй момент: афганская территория не должна использоваться повстанцами для дестабилизации соседей, особенно Пакистана.

Для Афганистана существует множество вариантов государственного устройства, но лишь некоторые из них совместимы с интересами национальной безопасности США. Афганистан мог бы стать централизованной демократией, децентрализованной демократией, регулируемой комбинацией демократических и недемократических территорий; он может разделиться на мини-государства; он мог бы стать анархией или централизованной диктатурой. Первый и последний варианты маловероятны, раздел и анархия неприемлемы. Но децентрализованная демократия и внутренний смешанный суверенитет – реальны и приемлемы.

С 2001 г. правительство Хамида Карзая при международной поддержке стремится к созданию централизованной демократии. Эта модель, первоначально предусмотренная Боннским соглашением 2001 г., а затем закрепленная в Конституции Афганистана 2004 г., наделяет национальное правительство фактически всей полнотой исполнительной, законодательной и судебной власти. Она создала одно из самых централизованных государств в мире, по крайней мере на бумаге. Президент назначает всех важных чиновников в исполнительных органах власти – от губернаторов провинций до функционеров среднего звена, работающих в структурах, которые подчиняются провинциальной власти. Все силы безопасности являются национальными. Хотя существуют положения об избрании провинциальных, районных, муниципальных и сельских советов, до настоящего времени проводились выборы только провинциальных советов. В руках Кабула находятся все права по формированию политики, бюджета и сбора налогов. В марте 2010 г. Карзай одобрил новый курс правления, согласно которому некоторые административные и фискальные полномочия на местах делегируются назначенным чиновникам, а небольшие аудиторские и бюджетные полномочия предоставляются субна-

циональным органам. Однако афганское государство остается, по сути, централизованным.

Политические деятели, близкие к Карзаю, настаивали на создании правительства с высокой степенью централизации власти вопреки желанию многих пуштунских меньшинств и несмотря на предшествующий опыт, когда попытки централизации, хотя они были недемократическими, провалились. В период с 1919 до 1929 г. Амманула-хан стремился стать афганским Кемалем Ата-тюрком, но его стратегия в конечном счете привела к серьезным волнениям в сельских районах, что и положило конец его правлению. Радикальные попытки централизации при режимах, которые установились после переворота 1978 г. и которые поддерживал Советский Союз, способствовали возникновению сопротивления моджахедов и привели к многолетней гражданской войне.

После того как в 2001 г. движение «Талибан» было отстранено от власти, благодаря поддержке пуштунов, а также вследствие опасений, что может возобновиться гражданская война по типу 1990-х годов, образовалось большинство, выступавшее за Конституцию, которая закрепляла бы централизацию власти. Но центральные правительства в Афганистане никогда не обладали легитимностью, являющейся необходимым условием такого организационного принципа. Последние 30 лет волнений и радикальной деволуции, т.е. передачи политической, экономической и военной власти на места, лишь обострили эту проблему. Проще говоря, нынешняя модель правления – слишком решительный перелом в стране, где централизованное государство обладает столь ограниченной легитимностью и возможностями. Чтобы достичь длительного мира, который охватил бы основные этнические и религиозные группы, а также элементы повстанческого движения, Афганистану нужно более гибкое, децентрализованное политическое устройство, учитывающее интересы более широких слоев общества.

Разделение власти проходило бы легче в условиях децентрализованной демократии, при которой многие сферы ответственности, находящиеся сейчас в руках Кабула, были бы делегированы периферии. Некоторые из этих полномочий, безусловно, включали бы право разработки и выполнения бюджета, применение традиционных альтернатив центральной системе правосудия за некоторые виды правонарушений, выборы или утверждение лиц на ответственные должности (сейчас это производится назначением из

Кабула) и, возможно, сбор местных налогов и надзор за соблюдением местных правовых актов.

Предоставление большей автономии регионам способствовало бы привлечению афганцев, которые не доверяют далекому Кабулу, и дало бы возможность использовать уже существующую на местном уровне базу легитимности и идентичности. Однако ответственность за внешнюю политику и внутреннюю безопасность осталась бы в ведении центрального правительства, что не дало бы возможности территориям, имеющим более широкую автономию, укрывать у себя международные террористические группы или поддерживать повстанческие действия.

Создание государства децентрализованной демократии на этих условиях должно стать приемлемым вариантом для Соединенных Штатов. Опора такого государства на демократию и прозрачность совместима с американскими ценностями. Отдельные территории, обладая свободой отражать местные предпочтения, возможно, будут предпринимать в социальной сфере шаги, которые многие в США сочтут регрессом. Но может произойти и обратное, когда в некоторых регионах станут действовать более умеренные законы, чем те, в которых заинтересован консервативный центр. Способствуя тому, чтобы центральное правительство получило поддержку на местах, этот вариант устранил в основном *casus belli* повстанческих действий. При таком варианте будет сохранено централизованное государство, обладающее силой и мотивацией для того, чтобы не допустить использование территории Афганистана для дестабилизации Пакистана или планирования атак против Соединенных Штатов.

Децентрализованная демократия во многом соответствовала бы опыту государственного строительства после «холодной войны» в других странах. Ряд государств, переживших конфликт, в Африке (Эфиопия и Сьерра-Леоне), в Европе (Босния и Герцеговина, Македония), на Ближнем Востоке (Ирак и Ливан), в Азии (Восточный Тимор и предположительно Непал) использовали некое сочетание консociальной демократии, федерализма и других форм децентрализованного демократического разделения власти. Хотя пока слишком рано с уверенностью говорить об успехе, но на настоящий момент ни одно из этих государств не распалось, не погрузилось в состояние гражданской войны и не служит прибежищем для террористов. А некоторые из них, как Босния и Эфиопия, уже свыше десятилетия остаются более или менее стабильными. Это, конечно, не гарантия того, что децентрализованная

демократия сработает и в Афганистане. Но опыт ее применения в других странах и то, что она лучше подходит естественному распределению власти, позволяет предположить, что этот вариант дает неплохой шанс на установление баланса интересов и разрешение споров и в Афганистане.

Создание государства децентрализованной демократии столкнется с тремя серьезными проблемами. Первая, конечно же, движение «Талибан», которое противостоит демократии в принципе и, скорее всего, будет сопротивляться построению такого государства так же агрессивно, как сейчас воюет против централизованной демократии. Вторая проблема – это ограниченные административные возможности афганского государства. При децентрализации властные полномочия будут распределяться среди большего числа чиновников; в таком государстве, как Афганистан, имеющем ограниченный круг компетентных специалистов, потребности могут превысить имеющийся в стране человеческий капитал и возникнет необходимость в серьезном расширении масштабов подготовки кадров. Третья проблема: настроенные против правительства влиятельные деятели (на местах) будут, вероятно, сопротивляться такому варианту. Прозрачная электоральная демократия представляла бы угрозу их статусу, власти и возможности получать выгоду от коррупции и злоупотреблений.

Тем не менее децентрализованная демократия могла бы реально предложить некоторые противовесы по каждой из вышеуказанных проблем. Маргинализация талибов потребует серьезных военных действий при любой демократической системе, децентрализованной либо централизованной. Однако шансы на успех гораздо выше, если население поддерживает правительство. Борьбу с повстанцами можно охарактеризовать как форму ожесточенной конкуренции в сфере правления; выиграть гораздо легче, когда предлагаемая форма правления ближе к естественным предпочтениям тех, кем управляют. И если движение «Талибан» поймет, что его военные перспективы ограничены, децентрализованная система могла бы побудить некоторых талибов примириться с правительством, дабы обеспечить себе значимую роль в районах, где они пользуются наибольшей поддержкой.

Будет нелегко бороться с коррупцией на высоком уровне или улучшить потенциал административного аппарата. Но прозрачная система, при которой большинство решений принимается местными руководителями, позволила бы лидерам традиционных общин контролировать, как применяются властные полномочия и

используются государственные средства. Национальное министерство в далеком Кабуле находится вне досягаемости сельской либо районной *шурь*. И напротив, местные советы могут видеть, как чиновники расходуют деньги, и, если у них есть возражения, они вправе поднять вопрос о тех или иных расходах. Децентрализация способна также повысить эффективность правительства, позволив местным чиновникам заниматься более мелкими, местными вопросами. Например, в Афганистане за последние восемь лет программой развития, получившей самую высокую оценку, стала Программа национальной солидарности (ПНС), по которой центральное правительство предоставляет гранты демократически избранным советам общин на проекты местного развития. ПНС была разработана на национальном уровне, но осуществляется на местах. Она охватила более 20 тыс. деревень, при этом средства, выделенные по этой программе, использовались эффективно и рационально.

Хотя децентрализованная демократия не дает гарантий легкого успеха, у этой модели гораздо больше шансов, чем у централизованной модели. Но за успех придется заплатить немалую цену: Соединенным Штатам придется вести длительную кампанию против повстанцев, предоставить серьезную помощь афганскому правительству в административных делах и осуществлять решительные меры по борьбе с коррупцией.

Смешанный суверенитет представляет собой еще более децентрализованную модель. При этом подходе – во многом так же, как и при децентрализованной демократии, – некоторые властные полномочия, которые сейчас находятся в руках Кабула, делегируются на уровень провинций и районов. Но смешанный суверенитет идет на один шаг дальше: при этой системе местным властям предоставляются дополнительные полномочия, но не ставятся условия прозрачности либо выборов, если таково их желание; при этом они не вправе переходить за три «красные линии», установленные центром.

Во-первых, местные власти не должны допускать использования своих территорий так, чтобы это нарушало внешнюю политику государства, т.е. для укрытия террористов или лагерей повстанцев.

Во-вторых, местные администрации не должны посягать на права соседних провинций или районов, например, путем захвата собственности или отвода водных ресурсов.

И, наконец, в-третьих, не допускать участия местных чиновков в хищениях в крупных размерах, наркотрафике и эксплуатации природных богатств, принадлежащих государству.

За пределами этих ограниченных запретов местные власти могут руководить своими территориями по собственному усмотрению, имея право игнорировать волю граждан либо заниматься коррупцией в умеренных размерах. Правительство в Кабуле сохраняет контроль над внешней политикой; в его полном ведении находится право вести войну и применять законы, касающиеся наркотиков, таможенной службы и горнодобывающей отрасли; оно обладает ограниченными полномочиями в отношении торговли между провинциями. При таком устройстве суверенитет является смешанным в гораздо большей степени, чем при остальных возможных системах: многие (но не все) обычные полномочия суверенного правительства делегируются на провинциальный или районный уровень.

По сравнению с децентрализованной демократией модель смешанного суверенитета стала бы более серьезным отходом от направления государственного строительства, задуманного для Афганистана в 2001 г. Но ее принятие явилось бы частичным признанием афганских реалий, которые установились после 2001 г. Власть многих губернаторов и местных чиновников, назначенных Карзаем, держится не на мандате центрального правительства. Местные руководители правят скорее благодаря собственным структурам, обеспечивающим их экономическую силу и безопасность, а также функционирующим вне правовых рамок, но при молчаливом согласии Кабула. В провинциях Балх (губернатор Ата Мухаммед Нур) и Нангархар (губернатор Гуль Ага Шерзай) это привело к относительному миру и существенному сокращению производства мака. Оба военно-феодалных правителя установили равновесие, при котором они получают прибыль, разворовывая таможенные сборы и государственную собственность, но в то же время поддерживают порядок и осуществляют хищения в определенных пределах так, чтобы не допускать операций подавления со стороны Кабула, за что обеим сторонам пришлось бы заплатить немалую цену.

Однако в других районах действия местных лидеров вызвали нестабильность. Так, в Гильменде несколько лет коррупционного правления Шера Мухаммеда Ахундаде привели к тому, что значительные группы населения отвернулись от власти, а производство мака увеличилось, что подхлестнуло действия повстанцев. Да-

же на относительно стабильном Севере Афганистана правление полевых командиров привело к вспышкам насилия на этнической почве и росту преступности. Для обеспечения стабильности нельзя допустить, чтобы смешанный суверенитет означал раздел страны, при котором местные князьки правят в своих владениях совершенно безнаказанно. Таким образом, «красные линии», ограничивающие злоупотребления, которые разжигают повстанческие действия, являются существенным фактором.

Смешанный суверенитет имеет важные преимущества: он меньше зависит от быстрого развития государственных институтов и больше соответствует реальности Афганистана. Ограничение участия центрального правительства в местных делах четко обозначенными и строго соблюдаемыми «красными линиями» может убедить влиятельных деятелей в какой-то степени умерить злоупотребления, которые сейчас толкают людей к талибам. В то же время система смешанного суверенитета меньше зависела бы от прозрачности и эффективной работы, и тем самым потребовалось бы меньше указаний, контроля и помощи со стороны международного сообщества. Местная автономия создала бы стимулы для талибов участвовать в переговорах по примирению, в то время как при варианте, носящем явно демократический характер, они стали бы объектом санкций на выборах.

Однако смешанный суверенитет сопряжен с рисками и неудобствами, что делает эту модель менее совместимой с интересами США, чем централизованная или децентрализованная демократия. Во-первых, губернаторы будут иметь полную свободу проведения регрессивной социальной политики и нарушения прав человека. Это стало бы отходом от обещаний обеспечения демократии, верховенства закона и основных прав для женщин и меньшинств, которые американцы давали в течение почти девяти лет, что повредило бы невиновным афганцам и нанесло бы ущерб престижу Соединенных Штатов.

Коррупция получит большее распространение – строго говоря, для будущих губернаторов возможность получения взяток станет важным фактором привлекательности этой системы. Афганскому правительству придется сдерживать размеры и масштаб коррупции, с тем чтобы принятие официальными властями фактов злоупотреблений не привело к возобновлению поддержки повстанческих действий. Чтобы предотвратить такое развитие событий, правительству в Кабуле придется пресекать наиболее вопиющие из нынешних злоупотреблений; если смешанный суверенитет

будет лишь прикрытием для статус-кво, он провалится. В то же время нужно будет решительно бороться с торговлей наркотиками, объем которой, если его не контролировать, может превысить средства, получаемые в виде иностранной помощи, и сделать его менее убедительным стимулом для подчинения Кабулу. С влиятельными политическими деятелями страны придется заключить сделку: они должны воздерживаться от слишком крупных злоупотреблений в обмен на терпимое отношение центра к умеренной коррупции на местах и получение доли от иностранной помощи. Но даже такого рода соглашение, скорее всего, встретит сопротивление местных правителей, которые привыкли действовать без всяких ограничений. Таким образом, смешанный суверенитет не освободил бы Кабул от необходимости вступать в конфронтацию с местными властями, а даже ограниченная конфронтация может оказаться дорогостоящей и тяжелой.

При таком способе правления сохранится потенциальная угроза нестабильности, так как могущественные губернаторы время от времени будут предпринимать определенные шаги, проверяя, что они смогут совершить безнаказанно. Центральному правительству, вероятно, придется проводить операции принуждения, в том числе с применением силы.

Таким образом, смешанный суверенитет не идеальный вариант, но он мог бы оказаться реалистичным, если бы Вашингтон и Кабул были готовы выполнять важные роли по обеспечению принуждения, хотя и в ограниченных рамках. Данная модель предлагает центральному правительству два способа установления ограничительных «красных линий». Первый – угроза карательных военных операций. Этот способ потребует использования сил безопасности, способных заставить нарушителей сполна ответить за свои проступки. (Необязательно, чтобы они обладали монополией на применение жестких мер, но национальные вооруженные силы в той или иной форме необходимы.) Другой механизм принуждения – контроль Кабула над иностранной помощью и его способность направлять ее в одни провинции и не направлять в другие.

Вашингтон при этом сохранит влияние через организацию иностранной помощи и тесное сотрудничество с афганскими силами национальной безопасности. Чтобы поддерживать баланс власти внутри Афганистана, Соединенным Штатам и их союзникам по НАТО необходимо постоянно уделять этой стране внимание. В противном случае она окажется в полной власти полевых

командиров и погрузится в гражданскую войну. Работающая модель смешанного суверенитета – это не рецепт для освобождения Запада от обязательств: такая модель потребует не только продолжения помощи, но также и постоянного политического и военного сотрудничества. Особенно важная роль принадлежит региональной дипломатии. Чтобы Афганистан не стал чем-то вроде магнита для иностранного вмешательства и источником региональной нестабильности, США надо будет позаботиться о том, чтобы эта страна была включена в систему региональной безопасности. Это облегчит поступление помощи и поможет предотвратить интервенцию со стороны соседей.

Как и в случае с децентрализованной демократией, система внутреннего смешанного суверенитета принесла вполне приемлемые результаты в развивающемся мире. Сам Афганистан управлялся по аналогичной модели большую часть XX в.: Мухаммед Надир Шах и его сын Мухаммед Захир Шах на протяжении пяти десятилетий правили как номинально абсолютные монархи, но при ограниченной государственной бюрократии и некоторой автономии для периферии. Верховенство закона в целом соблюдалось на местах, и некоторые пуштунские племена на юге и востоке освобождались от военной службы. Тем не менее национальная армия и национальная полиция сохраняли боеготовность для поддержания основных прерогатив королевской власти. Средства в государственный бюджет поступали не от внутреннего налогообложения, а от внешней торговли, иностранной помощи (начиная с конца 1950-х годов) и продажи природного газа в Советский Союз (с конца 1960-х годов). Со временем – по мере роста возможностей и средств – правительство смогло расширить сферу своих полномочий: оно судило преступников в государственных судах, регулировало цены на основные товары и поставило общинные земли под свою юрисдикцию.

Можно провести аналогии из опыта других стран. В Нигерии после окончания гражданской войны в 1970 г. было слабое федеральное правительство и существовала сильная региональная система, при которой отдельные губернаторы имели право организовывать местную администрацию по своему усмотрению. Даже сегодня там сохраняются некоторые черты внутреннего смешанного суверенитета. На мусульманском Севере страны действуют законы шариата, в то время как в других штатах существуют светские судебные системы. Центральное правительство вмешивается в местные дела избирательно для подавления волнений, как это

было в районе Дельта. Хотя появились признаки того, что сейчас ситуация в Нигерии ухудшается, большую часть предшествующего 40-летнего периода государство функционировало нормально.

Возможны и другие варианты развития Афганистана, но они не будут отвечать основным требованиям Соединенных Штатов в области безопасности. Так, страна может расколоться де-факто или де-юре. Наиболее вероятен вариант, при котором пуштунский Юг будет отделен от Севера и Запада, населенных в основном таджиками, узбеками и хазарейцами. Такой исход стал бы возможен, если бы сделка о примирении с талибами предоставила им слишком большую свободу действий на юге страны, который исторически является опорой движения «Талибан». Любой исход, который предоставит талибам относительную свободу действий на юге, может создать надежные базы укрытия для трансграничного терроризма и повстанческого движения, подобно тому как Иракский Курдистан использовался Курдской рабочей партией или убежища на конголезской границе – партизанами хуту. Размежевание также подготовит почву для региональных военных конфликтов, за кулисами которых стояли бы внешние силы, и для внутренней конкуренции за контроль над Кабулом и важными приграничными районами.

Если правительство Карзая падет, Афганистан может погрузиться в анархию, по всей стране вспыхнут очаги гражданской войны, как это было в 1990-х годах. Такое государство будет похоже на Афганистан под властью талибов в 1990-х годах или на Сомали в наши дни, где беззаконие открыло путь «Аль-Шабабу», экстремистскому исламистскому движению, за спиной которого стоит «Аль-Каида», – с очевидными последствиями для интересов США.

И наконец, Афганистан может стать централизованной диктатурой, хотя такой вариант трудно себе представить. Один человек вряд ли способен сосредоточить в своих руках власть в стране, где после свержения режима талибов политическая, военная и экономическая силы расплывлены среди многочисленных политических лидеров. В такой обстановке любому потенциальному диктатору – прозападному либо антизападному – будет очень трудно предотвратить сползание к гражданской войне. Государственный переворот или иной антидемократический захват власти (например, изменение Конституции, с тем чтобы разрешить пожизненное президентство) весьма возможны, но вряд ли приведут к стабильности.

Афганистан представляет собой неудавшийся эксперимент централизованной демократии, страна находится на пути к расколу; при этом некоторые районы контролируются талибами, а во многих других существует нестабильное правление неконтролируемых лидеров. Эту тенденцию можно изменить. Но централизованная модель, если придерживаться первоначального варианта, не спасет положение. Централизованное правление не соответствует ни реальному распределению власти внутри Афганистана, ни бытующим там представлениям о легитимности. Не может быть и эффективного военного решения, если поставленная политическая цель так сильно расходится с социальными и политическими основами страны.

Надо отдать должное администрации Барака Обамы, которая, похоже, признала, что централизованная демократия для Афганистана – это слишком амбициозная задача. Нынешний курс направлен в сторону децентрализации; вопрос только в том, насколько далеко данный процесс должен пойти и в состоянии ли афганские и американские чиновники успешно управлять этим переходом.

Смена курса в сторону децентрализации может сработать, хотя и не является панацеей. Системы и децентрализованной демократии, и внутреннего смешанного суверенитета имеют свои недостатки, и оба варианта сопряжены с жертвами и риском. В Афганистане (как и в большинстве других стран) чем более оптимальна модель, тем длительнее и ожесточеннее будет борьба за ее воплощение в жизнь. Вопрос о том, бороться ли за предпочтительный исход – децентрализованную демократию, или принять менее привлекательную альтернативу – внутренний смешанный суверенитет, будет определяться тем, на какие усилия и жертвы Соединенные Штаты и их партнеры готовы пойти. Но оба варианта при всех своих недостатках отвечали бы основным требованиям США в области национальной безопасности, если претворять их в жизнь надлежащим образом. И обе модели более достижимы, чем нынешняя цель централизованной демократии.

Более того, децентрализованная демократия не потребует от афганского правительства отказа от действующей Конституции или внесения в нее поправок. Конституция 2004 г. достаточно гибкая и допускает передачу многих полномочий на места законодательным путем, как это продемонстрировал новый курс субнационального правления, который предусматривает передачу ограниченных административных и бюджетных полномочий

должностным лицам на местах. Модель смешанного суверенитета вступила бы в противоречие с духом и буквой Конституции 2004 г., но эта модель, скорее всего, развивалась бы де-факто, что сделало бы необязательным принятие нового Основного закона в ближайшее время.

Афганистан нельзя назвать неуправляемым. Есть выполнимые варианты приемлемого типа государства, которые отвечали бы основным требованиям Соединенных Штатов по безопасности и направили бы развитие страны в сторону стабильности. Вашингтону придется отступить от своего амбициозного, но нереалистичного проекта создания в Афганистане сильного централизованного государства. Если США так и поступят, ряд моделей разделения власти могли бы установить баланс между потребностями внутренних группировок и слоев населения Афганистана, который не может обеспечить нынешний проект, одновременно гарантируя, что страна не станет вновь базой для террористов. В войне, как и во многом другом, лучшее может быть врагом хорошего. Лучшее, наверно, недостижимо в Афганистане, но приемлемое все-таки можно спасти.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2010 г., т. 4, № 4, июль-август, с. 120–132.*

Н. Кисовская,
кандидат исторических наук (ИМЭМО РАН)
ИСЛАМ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ
(межрелигиозный диалог)

Значение межрелигиозного диалога существенно возросло в условиях глобализации, которая поставила различные этносы и религии лицом к лицу в рамках формирующегося «планетарного сообщества». Кроме того, произошла политизация религии, в результате чего возник исламизм, политическая идеология, оправдывающая использование терроризма для защиты исламских ценностей. Политизация не обошла стороной и другие религии – иудаизм, индуизм, христианство. В этих условиях мирное сосуществование разных верований представляется единственной альтернативой перерастанию напряженности в межрелигиозных отношениях в столкновение цивилизаций. Особое значение диалог приобрел в Западной Европе (ЗЕ) в связи с тем, что численность мусульман там достигла по разным оценкам 12–20 млн. (3–5% на-

селения). Наиболее крупные общины существуют во Франции (4,5–6 млн. человек), Германии (3–5 млн.), Великобритании (свыше 1,5 млн.), в Италии (свыше 1 млн.). ЗЕ стала местом встречи различных культур и цивилизаций. Однако рост мусульманской миграции и террористических угроз вызвал распространение исламофобии и межэтническую напряженность, став серьезным дестабилизирующим фактором в регионе. Все это неизмеримо повысило актуальность диалога между мусульманами и католиками, самой влиятельной христианской конфессией в ЗЕ.

Римско-католическая церковь (РКЦ) первой подняла вопрос о необходимости диалога вообще и с мусульманами в частности. Это произошло на II Ватиканском соборе (1962–1965), где его участники собирались ограничиться выражением раскаяния за двусмысленную позицию Ватикана в связи с геноцидом евреев в период войны. Но затем они отказались от этого намерения и приняли специальную Декларацию об отношении Церкви к нехристианским религиям (*Nostra aetate*), названную впоследствии «Хартией диалога». В ней РКЦ призвала к сотрудничеству с последователями иных религий и сформулировала некоторые принципы диалога: поиск того, что объединяет разные верования, искреннее уважение к ним и отказ от всякой дискриминации людей «по причине их расы, цвета кожи, класса или религии», как противной вере Христовой. Подчеркнув уважение к мусульманам, исповедующим религию единобожия – ислам и признающим своим родоначальником Авраама (Ибрахима), Собор положил начало христианско-исламскому диалогу. Более того, авторы «Конституции о Церкви» (*Lumen gentium*) наметили пути богословского обоснования диалога, сформулировав мысль о возможности спасения для последователей монотеистических религий. Для верующего человека это означает признание католической церковью истины и благодати в иудаизме и исламе, а также права на инаковость. Без утверждения этого права невозможны конструктивные отношения между религиями и их плодотворный диалог. Новаторской стала и мысль о возможности спасения всех нехристиан, если они ведут праведную жизнь. Таким образом, Собор порвал со средневековой традицией, рассматривавшей ислам как ересь, а основателя мусульманской религии Мухаммеда как лжепророка. Собор предпринял успешную попытку преодолеть эксклюзивизм, свойственный большинству религий, каждая из которых претендует на обладание всей полнотой истины. Хотя Собор не мог разрешить все богословские проблемы, столетиями разделявшие христиан и

мусульман, он легитимировал религиозный плюрализм, сформулировал некоторые принципы межрелигиозного диалога и дал старт его практическому осуществлению.

С той поры данная тема стала постоянной в дискурсе Ватикана, который вслед за проблемой «диалога с миром» поставил задачу цивилизационного диалога. Рассматривая межрелигиозные контакты как средство взаимного обогащения, он ввел в обиход понятие «культуры диалога», основанной на взаимном уважении и понимании, на поиске конкретных решений. Ватикан неизменно подчеркивал уважение к «подлинному исламу» с его приверженностью молитвам, социальной справедливости и солидарности с бедными. Римская курия прилагала немало усилий для практического развития христианско-мусульманских отношений. Видную роль в этом процессе сыграл Иоанн-Павел II, посетивший десятки мусульманских стран и проведший там сотни встреч. Он стал первым понтификом, который вошел в мечеть и синагогу и публично покаялся в грехах, совершенных католической церковью, а также попросил у Бога и людей прощения за нетерпимость, религиозные войны и Крестовые походы. С 1964 г. в Ватикане функционируют специальные учреждения, занимающиеся контактами с мусульманским миром. В богословской дискуссии в настоящее время участвует свыше десяти научно-богословских центров; разработаны и проводятся в жизнь многочисленные межконфессиональные программы. Налажены связи между Ватиканом, научными центрами, представляющими ведущие течения в исламе. Проведено огромное количество межрелигиозных встреч, симпозиумов, коллоквиумов. Хотя диалог осуществлялся преимущественно на уровне духовных лидеров РКЦ и мусульманского Востока, он вовлек в свою орбиту немалое число христианских клириков. Деятельность РКЦ способствовала взаимному ознакомлению и росту взаимопонимания между католиками и мусульманами.

Наступление нового века, ознаменовавшееся терактами исламистов в Нью-Йорке, Мадриде и Лондоне, вызвало заметное ухудшение контекста диалога, растерянность и сомнения в его перспективности. Это сказалось на политике Ватикана в начале понтификата Бенедикта XVI. Хотя Папа неоднократно говорил о диалоге с исламом как об одном из приоритетов, ряд его действий вызвал острую критику со стороны мусульман. Эти колебания не были случайными: в последние годы жизни Иоанна-Павла II противники диалога внутри РКЦ, да и за ее пределами, надеясь повлиять на политику будущего Папы, говорили об антимусульманском

повороте Ватикана как о деле решенном. Контакты возобновились осенью 2007 г., после призыва 138 мусульманских ученых и общественных деятелей Европы и мира придать новый импульс диалогу. Его поддержали протестанты, позднее и Ватикан. Созданный в результате переговоров Католическо-мусульманский форум в ноябре 2008 г. принял документ, касающийся двух тем: «Богословские и духовные основы сотрудничества» и «Человеческое достоинство и взаимное уважение». По мнению участников форума, основанием для диалога может стать любовь к Богу, которая, по учению обеих религий, воплощается в любви к ближнему. Основное внимание было уделено изложению идей и принципов, разделяемых обеими общинами. Отмечая изначальное достоинство каждого человека, стороны констатировали его право на признание своей самобытности и свободы, в том числе на исповедание религии, а также право религиозных меньшинств на уважение их веры и религиозной практики. Они также подчеркнули, что правительства должны гарантировать равенство прав и полное гражданство человека, и обязались обеспечить равноправие женщин.

Отрицая по существу идеи «столкновения цивилизаций» и «всемирного джихада», участники форума заявили об отказе от любого «угнетения, агрессивного насилия и террористических актов», особенно совершающихся во имя религии. Призвав к воспитанию высоких нравственных ценностей в пастве, они отметили, что молодежи, которая будет жить в более мультикультурных и мультирелигиозных обществах, необходимо овладевать своей религиозной традицией и получать правдивую информацию о других культурах и верованиях. Значение документа, который стал первым совместным христианско-мусульманским заявлением, состоит в утверждении приверженности принципам свободы и равных прав человека, свободы вероисповеданий и отказа от насилия и терроризма. Однако в нем нет конкретики, кроме упоминания о возможности создания совместного комитета, координирующего действия сторон в случаях конфликтов, и организации второго семинара в одной из стран мусульманского мира в последующие два года.

Ватикан прилагал немало усилий, чтобы содействовать распространению более адекватных представлений об исламе, особенно среди клириков. В то же время он неизменно подчеркивал важность свидетельства католиками приверженности своей вере. Призывая к реставрации христианских ценностей совместно с другими конфессиями, он предлагал придать религиозное измерение

Евросоюзу, включив упоминания о Боге и христианских корнях в его Европейскую конституцию. В связи с этим понтифики подчеркивали приоритетность внутрехристианского диалога, мечтая о создании сильной христианской Европы, способной достойно ответить на исламский вызов. На наш взгляд, это не противоречит идее диалога, ставящей своей целью не обращать партнера в свою веру, а научиться его слушать и понимать. Растущее присутствие мусульман в ЗЕ со всей очевидностью показало, что диалог необходим. В связи с этим активизировалась деятельность католических церквей, располагающих определенной автономией, по разрешению конкретных проблем и конфликтов, возникающих в отношениях с мусульманами. Однако выработку единой позиции затруднили разногласия среди иерархов, клира и мирян различных христианских конфессий, разделяющих предрассудки и стереотипы, свойственные европейскому обществу в целом.

Противников диалога страшит демографический бум, переживаемый мусульманским миром, который приведет к неизбежной, по их мнению, «исламской колонизации» и «исламизации Европы». Их пугают такие факты, как отмеченное в 2008 г. превышение в мире численности мусульман над численностью католиков, быстрый рост числа мусульманских общин в Европе, усиление религиозности мигрантов, наконец, переход в ислам европейцев, среди которых немало видных фигур. Некоторые клирики, протестуя против строительства мечетей в городах Европы, допускают откровенно исламофобские высказывания. Уповая на жесткую политику, как на единственный путь решения мусульманской проблемы на Западе, противники диалога не учитывают риски усиления терроризма и обострения межрелигиозных конфликтов. Устраняясь от необходимости изыскивать конструктивные решения в интересах обеих сторон, они подогревают царящий в ЗЕ страх перед исламом. Сторонники диалога считают, что альтернативы ему нет, хотя и отдают себе отчет в существовании объективных трудностей. Неоднозначную реакцию вызывает иммиграция из мусульманских стран. За ее ограничение выступают ряд видных католических иерархов, а архиепископ Болоньи кардинал Дж. Бифи даже призывает разрешить въезд в страну только католикам. РКЦ, напротив, неизменно демонстрирует стремление защищать права мигрантов; недавно Ватикан подтвердил свою позицию, выступив против итальянского закона, приравнивающего нелегальное пребывание в стране к уголовно наказуемому деянию.

В 1995 г. Иоанн-Павел II присутствовал на открытии мечети в Риме. В 2008 г. Ватикан выступил против предложения одной из правящих партий Италии законодательно запретить строительство новых мусульманских храмов. Тогда же глава Епископской конференции Италии кардинал М. Крочата заявил: «Мы должны гарантировать, чтобы мусульмане, проживающие в нашей стране, могли отправлять религиозные обряды привычным для них образом». Но большинство клириков поддерживают намерение властей контролировать деятельность мечетей, также имамов и проповедников, чтобы ограничить пропаганду исламизма. Дискуссию вызвал и вопрос о хиджабах – головных платках, ношение которых религия предписывает мусульманским женщинам. В связи с процессом «реисламизации» число женщин в хиджабах в ЗЕ заметно выросло, сделав ислам «видимым». Франция в 2004 г. ввела запрет на ношение хиджабов в государственных образовательных заведениях; ее примеру последовала Бельгия и некоторые земли Германии. Ватикан в свое время поддержал инициативу Франции, аргументируя это тем, что мигранты должны уважать законы принимающих стран. Однако среди клириков нет единодушия и в этом вопросе. Совет христианских церквей Франции, объединяющий католиков, протестантов и православных, выступил в 2003 г. против запрещения хиджаба, сославшись на Европейскую конвенцию прав человека. Его позицию разделяет и ряд католических епископов Германии, утверждая, что общество не должно предписывать своим членам, как им одеваться.

В последние два десятилетия широко обсуждается вопрос о преподавании знаний об исламе в государственной школе. Многие христианские лидеры, рассматривая изучение исламской традиции в школах как важный путь воспитания толерантности, поддержали это начинание. За преподавание ислама выступают и некоторые клирики Италии и Германии, где власти медлят с этим шагом. Так, председатель комиссии по межрелигиозному диалогу епископ Гамбурга Х.И. Яшке четко заявил: «Право на изучение собственной религии – это право каждого ученика, будь он католик, протестант или мусульманин». Наибольшую полемику вызывают настойчивые просьбы мусульман включить элементы шариата – исламского права – в законодательство европейских государств. Речь идет, прежде всего, о признании гражданских прав за браками, совершенными в соответствии с шариатом. В 2008 г. эту идею поддержал глава Англиканской церкви архиепископ Кентерберийский Р. Уильямс. Сославшись на успешное применение в юриди-

ческой практике Великобритании некоторых норм католицизма и иудаизма, он заявил, что использование элементов шариата для разрешения некоторых конфликтов является «неизбежным». Его заявление положило начало дискуссии, к которой подключаются другие страны, поскольку кое-где действуют подпольные шариатские суды и растет число смешанных и полигамных браков. Позиция христианских организаций, таким образом, вырабатывается в ходе острой полемики, которая приобретает форму «заочного» межрелигиозного диалога. Заявления христианских лидеров – это сигнал о добрых или иных намерениях в отношении мусульман, способствующих или тормозящих установление взаимопонимания. Для решения спорных проблем начали формироваться соответствующие институты: в Италии возникли епархиальные комиссии по экуменизму и диалогу, в Великобритании – межрелигиозные ассоциации, в Южной Германии – межрегиональный форум «Исламско-христианская конференция». Эти структуры организуют публичные дебаты, совместные праздники и т.п.

Новым направлением стал диалог на низовом уровне, вовлекший в свою орбиту тысячи людей – священников, членов церковных орденов, волонтеров. Католические и протестантские благотворительные организации и волонтеры самое пристальное внимание уделяют работе с мигрантами, оказывая им разностороннюю помощь. Особые усилия направлены на социализацию детей-сирот, женщин. Пытаясь преодолеть противодействие семьи вовлечению женщин в новый социум, католики используют многообразные пути. В группах продленного дня, где дети-мусульмане готовят домашние задания, для сопровождающих их матерей организуется изучение языка. Для одиноких женщин, а также для замужних, получивших разрешение семьи, создаются трудовые кооперативы и маленькие ателье, где можно работать, обучаться ремеслу и языку. Растет понимание необходимости развивать диалог в школе, которая является первым, а в ряде случаев и единственным местом социализации мусульманских детей. В Европе, где школьные системы отличаются крайним разнообразием, каждая церковь ищет свои подходы. Религиозные организации Германии и Италии стремятся вести воспитание в духе толерантности на обязательных уроках религии в общеобразовательных школах, а также в католических школах. Ежедневная молитва там проводится в мультирелигиозной группе, используются формулы, приемлемые для всех учащихся; в ином случае отдельной молитвой руководит свой этнический учитель. Особое внимание уделяется

межрелигиозным бракам. Часть католических иерархов и священников предостерегают от них, другие, однако, склонны рассматривать семьи, возникающие в результате таких браков, как диалог длиной в жизнь и стремятся сопровождать их на протяжении всей жизни. Для вступающих в брак организуются консультации, осуществляется знакомство супругов и их родителей с религией нового члена семьи и др. Важной площадкой диалога становятся приходы, где возникают межличностные отношения, в том числе на основе развития сетевого взаимодействия, а также формируются связи с мусульманскими общинами. Здесь идет непрерывный эксперимент, ищутся наиболее эффективные формы взаимодействия. В США церкви издавна приглашали мусульманских лидеров на праздники. Входят в привычку обмен поздравлениями по поводу религиозных праздников, разъяснение их смысла, совместное участие в торжествах на каких-то этапах (например, в трапезе по случаю разговения в Рамадан, в угощении традиционными сладостями).

В ряде земель Южной Германии еще в 90-е годы возникли кружки, поддерживающие и местные церкви, и мечети и организующие совместные обсуждения наиболее актуальных вопросов. Исламско-христианская конференция, координирующая эту деятельность на межрегиональном уровне, проводит регулярные встречи обмена опытом и информацией. В целом взаимодействие на низовом уровне, вероятно, представляет наиболее перспективное направление диалога, обеспечивая развитие добрососедских отношений, рост взаимного доверия, уважения и толерантности.

Кроме того, диалог на местном и провинциальном уровнях стал играть все более важную роль в интеграции мусульман. Католические организации и волонтеры не только «встречают» мигрантов, организуя столовые, жилье, языковые курсы, медицинскую и юридическую помощь и т.д., но и стремятся не упускать их из виду впоследствии, облегчая адаптацию. Более того, последовательные сторонники диалога сознательно избегают покушений на религиозную идентичность мусульман. Достижения на этом поприще усилили позиции религиозных кругов, выступавших против насильственной ассимиляции и христианизации мусульман.

Христианско-исламский диалог в странах Западной Европы развивается с разной интенсивностью и результативностью не только в разных странах, но и от прихода к приходу, от провинции к провинции. Число нерешенных проблем превышает число решенных. Потенциал диалога сдерживают серьезные расхождения

по мусульманскому вопросу и наличие антиисламских и антиму-сультманских настроений среди иерархов, клира и мирян во всех христианских конфессиях. Он во многом зависит и от субъективного фактора – готовности сторон к сотрудничеству, эрудиции, креативности и т.д. Духовные лидеры должны обладать терпением, интеллектуальным потенциалом, гражданским, а порой и личным мужеством, чтобы противостоять распространенным среди паствы предрассудкам. Диалог предполагает движение навстречу друг другу обоих партнеров. Насколько европейские мусульмане готовы к нему? Их активному включению в диалог препятствует крайняя разнородность мусульманской диаспоры, расколотой по этническому и вероисповедному признакам. Хотя большинство принадлежит к суннизму, есть последователи и других толков ислама, разногласия между которыми не менее сильны, чем между христианскими конфессиями. Граница проходит также между интегрировавшимися мусульманами, часть которых принадлежит к богатым и средним классам, и выходцами из беднейших стран Африки и Азии – носителями традиционализма и архаики. Все это тормозит налаживание диалога с мусульманами, например в Берлине, население которого говорит на 190 языках. Принадлежность общин, созданных при мечетях, к соперничающим этническим группам означает, что христианам предстоит налаживать сотрудничество с каждой из них по отдельности. Преобладание суннитов, у которых нет религиозной иерархии, приводит к отсутствию авторитетных организаций, объединяющих мусульман в масштабах города, страны или региона в целом. Это осложняет сотрудничество и с христианами, и с государством.

Другим фактором, сдерживающим диалог, является размежевание европейских мусульман по идеологическим и политическим мотивам. В его углублении важную роль сыграли ведущие исламские государства. Финансируя строительство мечетей, культурных и образовательных учреждений в Европе, оплачивая направляемых туда имамов, они установили контроль над общинами, формирующимися вокруг новых центров. Экспорт исламизма привел к образованию радикального меньшинства среди европейских мусульман, выступающего за создание халифата и за джихад как путь к его созданию. Радикалы компенсировали свою малочисленность активностью, организованностью, религиозной мотивированностью и пассионарностью. Уверенные в своем религиозном превосходстве, они прокламируют антагонизм между Западом и Востоком и горячо поддерживают идею «столкновения

цивилизаций». Радикалы обвиняют умеренных мусульман в «озападнении», а призыв к диалогу с христианами рассматривают как капитуляцию перед врагами ислама.

Исламисты оказали серьезное воздействие на умонастроения диаспоры: происходит политизация и радикализация умеренных мусульман, которая выражается в росте симпатий к исламизму. Но на этот процесс повлияло и осязаемое ухудшение социально-экономического положения мусульман, особенно молодежи, сопровождавшееся «геттизацией» некоторых районов крупнейших европейских городов. Там возникло «параллельное общество», живущее по законам шариата. В этих условиях заметно выросла религиозность мусульман, а для молодежи ислам превратился в основной фактор идентификации. Жители гетто, которые ощущают себя дискриминируемой частью общества, испытывают чувства безысходности и бесперспективности, превращаются не только в участников бунтов, подобных тем, что прокатились по Франции и ряду других стран Европы во второй половине текущего десятилетия, но и в легкую добычу исламистов. Ответной реакцией коренных европейцев стала растущая исламофобия, умело разжигаемая правыми и националистическими силами Западной Европы. Все это привело к росту межэтнической и межрелигиозной напряженности, перерастающей порой в открытые конфликты, и затормозило развитие диалога, семена которого были посеяны в предыдущие годы.

В условиях возросшей дифференциации умеренных мусульман часть их, представленная консерваторами-традиционалистами, а также фундаменталистами, отвергающими вооруженные методы борьбы, выступает за изоляцию, против интеграции мусульман в европейский социум, вступая в конфронтацию с властями страны проживания, прибегая к вызывающим и эпатажным действиям. Воспринимая христианство как «господствующую идеологию богатых государств первого мира», они либо избегают контактов с христианами, либо намерены вести диалог с позиций силы. Главными партнерами христиан в межрелигиозном диалоге являются либерально настроенные мусульмане. Их лидеры ссылаются на Пророка Мухаммеда, предписывающего мусульманам подчиняться законам страны проживания, если там не ущемляются их религиозные права, и призывают соотечественников стать активными гражданами западного общества. Как и католики, они акцентируют внимание на том, что сближает обе религии, а также подчеркивают толерантность, свойственную исламу, который учит, что «нет

принуждения в вере», и заповедует «соревноваться в добрых делах» с иноверцами.

Наиболее последовательными сторонниками интеграции и диалога являются приверженцы «евроислама», или «хрислама», считающие возможным соединить исламские и европейские ценности и, оставаясь «хорошими мусульманами», стать «хорошими европейцами». Один из теоретиков «евроислама» Тарик Рамадан призывает «строить мосты между двумя нашими цивилизациями и работать рука об руку с целью поиска совместного ответа на социальные, культурные и экономические вызовы наших дней». Сторонники интеграции ставят вопрос и о приспособлении некоторых обрядов и норм шариата к европейским реалиям, оставляя в неприкосновенности ядро исламской веры. Подобные призывы могут увлечь мусульман, успешно вписавшихся в западное общество, для которых ислам представляет ценность преимущественно как культурный фактор. Однако они неприемлемы для большинства мусульман, сохранивших традиционное восприятие ислама как регулятора не только религиозной жизни, но и экономики, государственного устройства, судов, семейных и иных отношений. Для них, принадлежащих к социальным низам носителей традиционалистской и архаической культуры, включение в европейский социум и современную секулярную культуру с ее либертарными ценностями является почти непреодолимой трудностью.

Умеренным мусульманам после четырех лет подготовительной работы удалось объединить силы многих организаций и выработать единую позицию по вопросу о роли своих единоверцев в европейском сообществе. По инициативе Федерации исламских организаций Европы в январе 2008 г. свыше 400 объединений из 28 европейских стран подписали Хартию об отношениях между мусульманами и принимающим обществом. В этом документе подчеркивалось, что жизнь и деятельность мусульман в регионе основываются на принципах умеренности и осуждении терроризма и насилия. По мнению первого секретаря Федерации аль-Банани, «это кодекс достойного поведения мусульман в европейском сообществе, он обязывает их прилагать усилия к интеграции и консолидации общества». М. Мауро, президент Европарламента, рассматривает документ как «прорыв в укреплении межкультурного и межрелигиозного диалога».

Европейские христиане и мусульмане единодушны в обличении бездуховности современного западного общества и господствующих в нем секулярных ценностей, а также в осуждении тер-

роризма. Мусульманские лидеры стремятся опровергнуть клишированные представления об «исламской угрозе» и исламе как «идеологии терроризма», подчеркивая несовместимость подлинного ислама с исламистской идеологией, которая является его искажением и извращением. Не ограничиваясь декларациями, некоторые общины пытаются противодействовать радикализму. После терактов в лондонском метро Совет мусульман Великобритании призвал единоверцев сотрудничать с властями в борьбе с террористами и приступил к проверке деятельности находящихся в сфере его влияния 400 организаций – мечетей, женских и молодежных центров и др., обязав их отслеживать проявления экстремизма. В Испании некоторые общины рекомендовали имамам отказаться от проповеди насилия, в Дании они сформулировали своего рода «кодекс поведения мусульман». Многие мусульманские лидеры выступали посредниками в случаях похищения европейцев в зонах конфликтов.

Ряд организаций поддерживает намерение властей контролировать деятельность мечетей и проповедников, а также настаивает на подготовке священнослужителей в европейских странах. Британский совет имамов еще до терактов в Мадриде и Лондоне мотивировал это тем, что молодежь, зачастую говорящая только по-английски, не находит контакта с говорящим по-арабски проповедником. Поэтому Совет разработал правила и стандарты обучения в Великобритании будущих имамов. Кстати, тогда же некоторые мусульманские общины предлагали обязать их читать проповеди на английском языке. Умеренные мусульмане, как правило, пытаются противостоять действиям фундаменталистов, провоцирующих коренных жителей. Например, А. Смит, итальянец по происхождению, незадолго до того принявший ислам, под предлогом защиты принципа светскости государства обратился в 2003 г. в суд городка Аквила, который удовлетворил его иск относительно незаконности религиозной символики в государственных учреждениях. В этой ситуации лидеры умеренных мусульман Италии встали на защиту христианских символов и назвали Смита «provocатором». Нередко мусульманские общины проявляют такт и уважение к конфессиональному большинству. В частности, в Южной Германии они отказались от громких криков муэдзинов, созывающих прихожан на молитву, и соблюдают негласное правило: церкви по высоте должны превосходить минареты.

Достаточно интенсивная работа по налаживанию диалога идет на местном уровне. В результате установления контактов

между мусульманами и их соседями – местными торговцами, ремесленниками, чиновниками, а также христианскими приходами – образуются сети и накапливается социальный капитал, на основе которого – где более, где менее успешно – выстраиваются отношения доверия. Особую роль играют имамы, которые в рамках политики «открытости» приглашают христиан посетить мечети и сделать фотографии. «Дни открытых мечетей» проводятся во многих странах Западной Европы. В Германии они приурочены ко Дню германского единства и организуются с 1997 г. Центральным советом мусульман. В 2008 г. приблизительно 2500 крупных мечетей страны провели выставки, круглые столы, языковые курсы, которые посетили более 50 тыс. жителей Германии. В Италии с начала текущего десятилетия религиозные общины крупных городов совместно празднуют последнюю пятницу месяца Рамадан, которая получила название «Дня диалога между христианством и исламом».

Таким образом, умеренные мусульмане Европы довольно активно включились в диалог с христианскими церквями. Порой они выступают инициаторами диалога и с иудеями, участвуя в поминовении жертв Холокоста, приглашая их лидеров в мечети на праздники. Европа, таким образом, превращается в центр многостороннего межрелигиозного диалога. Однако на нынешнем этапе в нем задействована сравнительно небольшая часть умеренных мусульман, что существенно ограничивает его результативность. Дальнейшее развитие диалога зависит от успешного решения ряда задач. Умеренные мусульмане нуждаются в создании авторитетных организаций надэтнического и надконфессионального характера (если этот термин применим к течениям и толкам ислама), которые представляли бы возможно большую часть последователей этой религии. Им необходимо вовлекать в диалог не только традиционалистов-изоляционистов и фундаменталистов, отвергающих вооруженную борьбу, но и изыскивать возможности налаживать отношения с радикалами.

Огромную помощь умеренным мусульманам может оказать адекватная политика в отношении мигрантов со стороны властей ЗЕ, ЕЭС и европейского сообщества, без которой решение всех этих проблем, да и мусульманского вопроса в целом, невозможно. Правительства западных стран, как правило, поддерживают умеренных мусульман. Учитывая экономическую и демографическую зависимость от мигрантов, они подчеркивают необходимость дополнить силовую борьбу с терроризмом мерами по дальнейшей

экономической, социальной и политической интеграции мусульман и устранению дискриминации. От степени включенности мусульман в европейский социум будет зависеть будущее культурного и межрелигиозного диалога в Европе. Несмотря на многочисленные трудности христианско-исламский диалог в Западной Европе развивается уже на протяжении нескольких десятилетий, способствуя снижению градуса межэтнической и межрелигиозной напряженности. Его инициаторами, как правило, выступают христианские церкви, прежде всего Римско-католическая церковь. РКЦ, отвергнув без колебаний идею «столкновения цивилизаций», отказавшись ставить на одну доску исламизм и исламскую религию, а также возлагать вину за террористические акты на весь мусульманский мир, сыграла умиротворяющую роль в регионе. Безоговорочно поддерживая «истинный ислам», она предотвратила превращение исламофобии в господствующее настроение в Европе. Межрелигиозный диалог воспрепятствовал погружению региона в состояние перманентных религиозно-этнических столкновений.

Христианско-исламский диалог в настоящее время преодолел период сугубо верхушечных контактов и от благих пожеланий перешел к конкретным делам. Завоеванием последнего десятилетия стало перенесение диалога на низовой уровень, который является наиболее плодотворным и перспективным для установления между христианами и мусульманами отношений взаимного доверия, уважения и сотрудничества. Межрелигиозный диалог в целом превращается и в важный механизм интеграции мигрантов. Вместе с тем ряд факторов объективного и субъективного свойства помешали христианско-исламскому диалогу стать всеобщей и повсеместной практикой. Среди последователей обеих религий есть его убежденные сторонники и противники. Процесс индивидуализации религии уменьшил мобилизационный потенциал христианских, а отчасти и мусульманских организаций и их воздействие на массовое поведение. На динамику и результативность диалога влияют и такие внешние факторы, как методы регулирования религиозной сферы, характер политического курса и соотношение сил в странах Европы. Его развитие тормозят некоторые аспекты внешней политики Запада на мусульманском Востоке, провоцирующие рост радикализма в Европе и мире.

Потенциал диалога ограничивают и некоторые особенности христианства и ислама. Дело не только в исторической памяти, рисующей эпоху Средневековья как борьбу креста и полумесяца.

Его осложняют также особенности религиозной догматики. Эксклюзивизм, свойственный монотеистическим религиям, отодвигает в отдаленное будущее достижение позитивных результатов в богословском диалоге. Кроме того, претензия религий и даже разных христианских конфессий и исламских толков на исключительное обладание всей полнотой истины способствовала воспитанию части верующих в духе нетерпимости; это вкупе с фундаментализмом время от времени превращает религии в конфликтогенный фактор. Наконец, христианство и ислам, пережившие многочисленные расколы, с трудом налаживают внутрирелигиозный диалог, что затрудняет, в частности, выбор партнера в межрелигиозном сотрудничестве. Тем не менее отсутствие перспективы быстрого урегулирования всего комплекса проблем в христианско-исламских отношениях вовсе не означает, что ее нет у таких аспектов диалога, которые касаются формирования цивилизованных межрелигиозных отношений и совместной работы над решением насущных социально-экономических и политических проблем. Дальнейшее развитие зависит от того, насколько удастся синхронизировать его с культурным диалогом и вовлечь в него возможно большее число государств и широких общественных слоев на Западе и Востоке. Залогом успеха является то внимание, которое проявляют в настоящее время руководители ООН, ЕС и многих европейских стран к развитию межкультурного диалога, составной частью которого выступает межрелигиозный диалог.

*«Мировая экономика и международные отношения»,
2010 г., № 7, с. 55–64.*

Дмитрий Нечитайло,
кандидат политических наук (ИВ РАН)
«АЛЬ-КАИДА» В ЙЕМЕНЕ

Йемен для террористической исламистской организации «Аль-Каида» был и остается стратегически важным пунктом, откуда ей сравнительно просто переправлять бойцов для участия в боевых действиях на территории Афганистана, Ирака, Восточной Африки и Восточной Азии. Определенное значение играет и тот факт, что род бен Ладена происходит из йеменского города Хадрамута; оттуда же он взял четвертую жену. Лидер движения всемирного джихада называет Йемен «одной из лучших стран в арабо-мусульманском мире, где строго следуют исламу». Многие

телохранители бен Ладена также йеменского происхождения. Так, йеменец Насир Ах. Н. аль-Бахри (Абу Джандал) долго возглавлял его охрану.

На большей части этой страны доминируют родоплеменные обычаи. Ряд йеменских племен враждуют друг с другом, нередко столкновения и с центральными властями. На руках у населения огромное количество оружия.

Полувоенные формирования местных кланов представляют собой серьезную силу. Исламисты активно вербуют в свои ряды молодых людей, которых сами условия жизни заставляют с детства учиться военному делу, благодаря чему радикальные исламистские группировки получают уже хорошо подготовленных бойцов.

Племенная структура местного общества затрудняет борьбу официальных властей с «Аль-Каидой». Заручившись поддержкой лидера того или иного клана, исламисты получают возможность не только скрываться от преследований спецслужб, но и переправлять оружие и людей в разные страны и в разных направлениях. Нередки случаи, когда попытки властей взять под контроль населенные племенами районы приводят к мощному противодействию последних. Ярким примером тому может служить операция по уничтожению одного из лидеров «Аль-Каиды» Абу Али Хариси в 2002 г. (в прошлом телохранитель бен Ладена) в Марибе. Вожди расценили эту спецоперацию как попытку ограничить их автономию.

Особую роль этой страны в регионе не могут не учитывать США, интерес которых к африканскому континенту постоянно растет. Соединенные Штаты к 2015 г. намерены контролировать до 25% поставок нефти из Африки. Одним из сдерживающих факторов американского влияния здесь может выступить радикальный исламизм. Поэтому США стремятся не допустить превращение так называемых «белых пятен» (государств Африки со слабой центральной властью) в питательную среду для экстремистов и плацдарм для нанесения ударов по объектам нефтегазовой инфраструктуры. Конкретным проявлением такой политики стала поддержка ВВС США с воздуха эфиопской армии, которая в 2006 г. вела военные действия против «Союза исламских судов» в Сомали.

Известно, что в ближайшее время планируется возвести мост, который соединил бы Йемен и Джибути. Проект стоимостью от 10 до 20 млрд. долл. возглавляет Тарик, брат бен Ладена. Строительство уникального сооружения уже одобрено лидерами

двух стран. Этот мост также облегчит переброску моджахедов из Йемена в страны Африки.

Активисты йеменских радикальных исламистских группировок, как правило, имеют иракский боевой опыт. Вместе с тем следует отметить, что многие граждане Йемена, отправляясь воевать в Ирак, не являются членами таких группировок и руководствуются всего лишь желанием оказать помощь своим братьям по вере в борьбе с американцами и их союзниками. Чтобы не привлекать внимания спецслужб, они обычно возвращаются на родину через третьи страны.

По данным Российского центра стратегических и международных исследований, 17% иностранных моджахедов иракского джихада – йеменцы. Известно примерно 20 терактов, совершенных смертниками йеменского происхождения. Видный йеменский политический деятель – шейх аз-Зиндани – постоянно призывает молодежь к участию в джихаде в Ираке. В бытность свою руководителем отделения «Аль-Каиды» в Ираке, Абу Мусаб аз-Заркауи направил в Йемен 17 террористов для организации диверсий против первых лиц государства, а также против американских граждан.

Моджахеды-йеменцы играют важную роль в международных исламистских структурах. В свое время арабы, приехавшие для участия в борьбе против советских войск в Афганистан, делились на два лагеря: «йеменский» и «египетский». К первому принадлежали наиболее религиозные исламисты, отправившиеся в чужую страну по наущению своих имамов. В перерывах между боями они проводили время в постоянных тренировках. После завершения пребывания в рядах афганского сопротивления они либо возвращались на родину, либо женились на местных девушках и оставались в Пакистане и Афганистане. В кругах «Аль-Каиды» их называли «дравеш» («любители легкой жизни»).

Некоторые аналитики связывают активизацию радикального исламизма в Йемене с его «советским прошлым». Советский Союз действительно оказал косвенное влияние на этот процесс, но нельзя связывать рост радикализма лишь с этим. Во время «холодной войны» СССР создал сеть тренировочных лагерей в Южном Йемене для военной подготовки активистов Саудовской коммунистической партии, Фронта освобождения Бахрейна, а также национально-освободительных движений Палестины, Сомали, Омана, Йемена и ряда других стран. Кубинские специалисты обучали членов Народного фронта освобождения Омана (НФОО). Для

«идеологической подготовки» активистов НФОО были созданы партийные школы в Макалле и Адене. Обучением агентов спецслужб занимались инструкторы из ГДР.

Формально все военно-тренировочные базы принадлежали Социалистической партии Йемена, вплоть до 1987 г. финансировавшейся СССР. За 20 лет советскими, восточногерманскими и кубинскими инструкторами для организаций коммунистической направленности были подготовлены тысячи специалистов по ведению диверсионной и агитационной работы, а также по созданию партийных ячеек. Все эти «учебные заведения» были пропитаны антиамериканской пропагандой. Однако далеко не все слушатели таких курсов и школ посвятили свою жизнь служению идеалам коммунизма. Так, главный идеолог всемирного движения джихада аз-Завахири в студенческие годы также участвовал в марксистских группировках, пока окончательно не встал на путь радикального исламизма.

Руководство Северного Йемена (Йеменской Арабской Республики, ЙАР) в 1980-е годы поощряло отправку йеменцев-моджахедов в Афганистан. Напротив, «социалистическая» Народная Демократическая Республика Йемен (НДРЙ) выступала против участия своих граждан в боевых действиях на стороне «воинов Аллаха».

В отличие от Египта, преследовавшего вернувшихся из Афганистана «ветеранов джихада», власти Северного Йемена, а затем Объединенной Республики Йемен предоставляли убежище «арабским афганцам». Во многом этому способствовал рост популярности оппозиционной исламистской партии «Ислах», которая опиралась на конфедерацию кланов племени *хашид*, возглавляемую шейхом Абд аль-Маджидом аз-Зиндани. Ветеран афганского джихада, он входил в близкое окружение бен Ладена. В 1993 г. аз-Зиндани стал заметной фигурой на политической арене Йемена и даже вошел в правительство после объединения страны. В середине 1990-х годов это государство становится приютом для многих «арабских афганцев». В Йемене исламисты планировали операции по уничтожению премьер-министра Египта А. Сидки в ноябре 1993 г. и президента Х. Мубарака в ходе его визита в Эфиопию в июне 1995 г.

Во время гражданской войны в Йемене в июне 1994 г. «арабские афганцы» выступили на стороне Северного Йемена, возглавляемого президентом Али Абдаллой Салехом, где им были обещаны должности в госструктурах и армии. Они жестко рас-

правлялись с марксистскими группировками Южного Йемена. Шейх Тарик аль-Фадли, руководитель йеменской радикальной организации «Исламский джихад», отмечал, что бен Ладен непосредственно участвовал в финансировании операций по свержению правительства Южного Йемена. После окончания «афганского джихада» против советских войск он стал воевать против коммунистического Юга страны, отправлял туда оружие и «арабских афганцев».

В 1990-е годы бен Ладен создал военно-тренировочные лагеря в г. Сааде, где проходили подготовку моджахеды Саудовской Аравии, Ирака, Египта, Ливии, Иордании, Йемена. Крупные денежные суммы выделялись учебным заведениям исламистской направленности в г. Танза. «Террорист № 1» поддерживал прочные связи со знакомыми ему еще по Афганистану шейхом Тариком аль-Фадли и аз-Зиндани. Кстати, Тарик аль-Фадли после объединения страны участвовал в деятельности правящей партии Али Абдаллы Салеха.

Однако дивиденды за поддержку А.А. Салеха, боровшегося против Южного Йемена, получили не все радикалы от ислама. Так, йеменские власти отказались выполнить требования иностранных моджахедов предоставить им возможность занять руководящие посты в армии Йемена, а также предоставить свободу действий в южных провинциях. В результате начались вооруженные столкновения между правительственными войсками и «арабскими афганцами». В июле 1994 г. исламисты потерпели поражение; часть из них были арестованы, другие выдворены из страны.

Два года спустя радикалы сформировали «Исламскую армию Адена-Абидана» под руководством «арабского афганца» Зайна аль-Абидана аль-Михдара. Активистами новой структуры были созданы военно-тренировочные лагеря в Южном Йемене. По замыслам исламистов, эта страна должна была стать опорным пунктом для дестабилизации соседней Саудовской Аравии и нанесения ударов по американским и британским интересам в регионе. «Армия Адена-Абидана» практиковала похищения иностранных граждан как с целью получения выкупа, так и для обмена их на содержащихся в тюрьмах своих соратников. Исламисты этой группировки провели несколько совместных с «Аль-Каидой» операций. Наиболее известная из них – подрыв американского военного корабля «Коул» в октябре 2000 г. у берегов Адена.

По инициативе бен Ладена в период его пребывания в Судане (с 1991 по 1996 г.) был создан «морской мост» для переброски

из Йемена оружия и воинов джихада в поддержку Х. Тураби – лидера исламистов в Судане. В свою очередь, из африканских стран в государства Персидского залива по этому транспортному коридору переправлялись активисты различных радикальных исламистских группировок.

В слабо контролируемых правительством районах Йемена находили прибежище, лечились и проходили военную подготовку моджахеды из разных стран. Действуя через йеменские диаспоры в портовых городах Индийского и Тихого океанов, радикалы от ислама обеспечивали себе прикрытие для проведения террористических акций. В 2006 г. моджахеды «Союза исламских судов» после вторжения в Сомали эфиопских войск также нашли убежище в Йемене.

Йеменские исламисты принимали участие и в боевых действиях на Северном Кавказе. Многие из них предварительно прошли военную подготовку на тренировочных базах «Исламской армии Адена». Они небольшими группами переправлялись через Саудовскую Аравию в Закавказье, а оттуда – на Северный Кавказ.

В йеменских городах Сана, Макал, Ибба, а также в провинциях Лахедж и Махра при поддержке представителей «Аль-Ислах» с августа 1999 г. начали действовать пункты вербовки наемников для участия в боевых действиях на территории России. Каждому завербованному было обещано вознаграждение в размере 100 долл. в день. Мухаммад Х. аль-Ахдал, один из 20 членов верховного руководства «Аль-Каиды» и организатор подрыва американского военного корабля «Коул», принимал участие в боевых действиях в Чечне.

Рекруты группами по несколько человек рейсовыми самолетами отправлялись в Иорданию, затем попадали в Грузию, где их встречали чеченские эмиссары и на автобусах везли в горные районы.

Обучение завербованных добровольцев было организовано на базе лагерей боевиков в Йемене с привлечением инструкторов, имевших опыт боевых действий в Афганистане и Югославии. Так, по данным радикальных сайтов, 26-летний Абу Убайда аль-Йемени воевал в Боснии, где был известен под именем Абу Аймана аль-Йемени. Затем вернулся в Йемен, учился в одном из исламских учебных заведений. В Чечне оказался в августе 1999 г. Воевал в отряде Абу Джафара, известного на Северном Кавказе как Абу Джафар аль-Йемени. Последний родился и вырос в саудовском городе Ат-Тайф, получил религиозное образование. После завер-

шения первой чеченской кампании возглавил учебный центр, который подготовил несколько сотен террористов. Самыми известными «выпускниками» стали Д. Сайтаков и А. Гочияев, организовавшие в 1999 г. взрывы жилых домов в Москве на ул. Гурьянова и Каширском шоссе, в результате которых погибли более 200 человек. В июле 2005 г. в Баку был арестован эмиссар «Аль-Каиды» – гражданин Йемена Машрауи А.Х. Иззи.

К 2003 г. исламистская инфраструктура в Йемене фактически была разгромлена. Через информационные каналы власти дали понять исламистам, что они не будут подвергаться преследованиям, если откажутся от проведения диверсий на территории Йемена. Однако, перестав проводить силовые акции, йеменские исламисты не остановили свою деструктивную деятельность. Это государство стало прибежищем для исламистов зарубежных стран. А в различных властных структурах страны и сейчас достаточно много людей, симпатизирующих «Аль-Каиде» и всемирному движению джихада.

По словам Ахмада А. аль-Хасани, в прошлом посла Йемена в Сирии, попросившего политическое убежище в Великобритании, у радикалов от ислама немало сторонников в армии, силовых структурах и правительстве. Много их и в «Службе политической безопасности Йемена». В ведении этой службы находится тюрьма, откуда в начале 2006 г. совершили побег 23 исламиста; шестеро из них были убиты в столкновениях с полицией. В середине сентября 2007 г. президент Йемена обратился к племени *вайла*, населяющему Север страны, с просьбой вернуть бежавших заключенных. Однако просьба главы государства осталась без удовлетворения. О лидере радикалов известно, что он родился в 1976 г., в 90-х годах отправился в Афганистан, где стал поверенным в делах бен Ладена. После начала боевых действий сил коалиции против талибов уехал в Иран, где его арестовали. В ноябре 2003 г. он вместе с восемью другими йеменцами был экстрадирован на родину.

Из оставшихся на свободе исламистов самая заметная личность – 32-летний Касим Я.М. ар-Райси, известный также под «псевдонимом» Абу Хурайра ас-Санаани. Его брат, воевавший в Афганистане, был убит в Ираке в июне 2007 г. Второй брат, 27-летний Ибрагим М.А. аль-Джабар Хувайди, находится в Гуантанаме. Он обвиняется в подготовке теракта против американского посла в Йемене Э. Хуллы. В одном из своих заявлений он утверждал, что несколько раз предпринимал попытки суицида из-за жестоких пыток в американской тюрьме.

Бежавшие из тюрьмы исламисты стали костяком новой организации – «Аль-Каида в Йемене» (АКЙ). К ней примкнуло много молодых людей, симпатизирующих всемирному движению джихада. Большая часть из них имеет опыт участия в боевых действиях в Ираке.

За последние два года исламисты в Йемене значительно усилили свои позиции. В частности, они продемонстрировали готовность и умение проводить серьезные террористические акты. «Аль-Каида в Йемене» организовала теракт около древнего языческого храма, расположенного западнее Саны, в результате которого погибли восемь испанских туристов. В январе 2008 г. эта организация взяла на себя ответственность за убийство в Хадрамуте бельгийских туристов и их водителей. Иностранные туристы не случайно стали мишенью террористов – ведь именно на туристический сектор приходятся самые большие денежные поступления в бюджет Йемена.

Исламисты разместили в Интернете обращение, в котором договоренности «старой гвардии» моджахедов с правительством они называют «предательством». Один из составителей послания Абу Х. ас-Санаани призвал к активизации борьбы против руководства страны, с тем чтобы добиться освобождения моджахедов из тюрем. «Если они погибнут, – заявил он, – их следует считать шахидами».

После того как ответа властей не последовало, исламистами был убит Али М. Касайла, глава криминальной полиции в Марибе. А через несколько дней последовало новое обращение «Аль-Каиды» к правительству Йемена, где вновь содержались требования освободить из тюрем активистов этой организации, а также не препятствовать переправке добровольцев в Ирак, отказаться от сотрудничества с США и их союзниками. Исламисты потребовали, чтобы А.А. Салех принял энергичные меры для их освобождения из американской тюрьмы в Гуантанамо. И президент был вынужден сделать некоторые шаги, чтобы, по крайней мере частично, удовлетворить эти требования. Так, во время официального визита в Вашингтон он поставил перед американцами вопрос о выдаче шейха Мухаммада А.Х. аль-Муайяда, экстрадированного из Германии в США по обвинению в поддержке движения ХАМАС. Оппозиционно настроенные к правящему режиму исламисты резонно заявляют, что в ситуации, когда мировое сообщество налаживает связи с вхождением этого движения во власть, нет причин для содержания аль-Муайяда под стражей.

В последнее время «Аль-Каида в Йемене» стала чаще использовать в своих акциях хорошо обученных смертников. Раньше радикальные исламисты делали ставку на минирование транспортных средств, что приводило к массовым жертвам и вызывало протесты среди населения. Первая акция «нового типа» состоялась в марте 2009 г., когда террорист-смертник Абд ар-Рахман М.А. Касим взорвал себя среди южнокорейских туристов. Жертвами стали четыре человека, включая гида-йеменца.

Сразу после этого теракта исламисты заявили, что акт убийства туристов направлен против правительства Республики Корея в знак протеста против его сотрудничества с Вашингтоном в борьбе с терроризмом. Корейские туристы обвинялись также в... подрыве моральных устоев мусульман. Второй теракт с участием «живой бомбы» был проведен против южнокорейской делегации, прибывшей в Йемен для расследования данного инцидента. И хотя жертв (кроме смертника) не было, тем не менее АКЙ продемонстрировала свои возможности наносить «точечные удары» по разным целям.

Такими способами исламисты демонстрируют серьезность своих заявлений и намерений, а также приверженность определенной стратегии. Это отличает их от иракских радикалов, погрузивших страну в серию беспорядочных терактов, уносящих тысячи жизней мирных граждан.

При этом АКЙ уделяет серьезное внимание информационной поддержке своих акций. Исламисты даже издают специальный журнал «Эхо битв», в котором, в частности, публикуются перечни намеченных целей. В первом номере этого издания (январь 2008 г.) были опубликованы материалы о целесообразности участия местных моджахедов в боевых действиях в Ираке. Известный радикальный идеолог Абу Хаммам аль-Кахтани привел в своей статье две основные причины, по которым следует начать борьбу с «неверными» именно на Аравийском полуострове. Первая – сугубо религиозная, так как о необходимости изгнания неверных из этого региона «говорится в Коране и хадисах». Вторая же сводится к ряду военно-экономических соображений. Оставаясь в Йемене, пишет он, моджахеды смогут наносить удары по судам, вывозящим нефть с Аравийского полуострова. Ведь именно нефть служит основой экономического процветания Запада, которое используется им в борьбе против мусульман как в Ираке, так и Афганистане.

Выпуск в январе 2008 г. первого номера журнала «Эхо битв», случайно или нет, совпал по времени с нападением боевиков «Аль-Каиды» на группу туристов в Хадрамуте. При этом были убиты двое бельгийцев и двое водителей-йеменцев.

В номере журнала за сентябрь 2009 г. лидер «Аль-Каиды» в Саудовской Аравии Наиф Мухаммад аль-Кахтани комментирует опубликованный саудовскими властями список 85 террористов-исламистов, а также факт применения американскими военнослужащими пыток заключенных в иракских тюрьмах. Таким приемом Кахтани как бы побуждает читателей задаться вопросом: кого же, собственно, следует считать террористами? Ведь американцы используют в отношении радикальных исламистов, по сути, те же методы, что и исламисты – против американцев и других военнослужащих западных стран.

Идеологи и пропагандисты радикального исламизма умело используют факты издевательства, которым подвергаются многие активисты АКЙ в тюрьмах Йемена. Таким способом исламисты стараются показать, что, оставаясь в рамках традиционного общества, они выступают активными борцами с угнетателями своего народа. Эта стратегия позволяет радикалам заручиться поддержкой племенных лидеров.

Еще одно обстоятельство, которое «Аль-Каида» стремится использовать для укрепления своих позиций в стране, – непрекращающаяся гражданская война в Йемене. В бедных, экономически отсталых южных частях страны часто проходят акции протеста, которые жестоко подавляются властями. Последние массовые столкновения местных бедняков с силами правопорядка, происшедшие весной 2009 г. в Абьяне, не остались без внимания исламистов. Руководитель АКЙ Насир аль-Вахайши подверг жесткой критике действия правительственных сил в этом городе, а также в Лахидже и Хадрамуте. Он заявил, что «...ислам разрешает защищать себя...» и «...мы в “Аль-Каиде” поддерживаем ваши действия против агрессии правительства...».

В своем обращении аль-Вахайши призвал народ не вступать в какие-либо политические партии, в том числе в «Верховный совет освобождения Южного Йемена», возглавляемый бывшим президентом Южного Йемена Али Салемом аль-Бида. Аль-Вахайши дал понять, что исламисты не станут повторять ошибки 1994 г., когда большинство прошедших Афганистан моджахедов оказали помощь нынешнему главе страны А.А. Салеху в борьбе с «социалистическим» Югом, поверив обещаниям президента ввести ша-

риат после объединения государства. Однако это обещание не было выполнено, и впоследствии правящий режим жестоко расправился с исламистами.

Успешная в прошлом тактика властей, направленная на поддержание умеренных проповедников «чистого ислама», оказалась нерезультативной против нового эшелона моджахедов, в особенности прошедших Ирак и йеменские тюрьмы. Дело дошло до того, что «Аль-Каида в Йемене» обратилась к президенту Салеху с призывом отказаться от демократических преобразований, расценив их как «слепое следование религии Америки».

Возникает законный вопрос: в состоянии ли вообще власти Йемена вести борьбу с международным терроризмом? На практике они предпочитают не вступать в открытое противостояние с исламистами. Налицо, таким образом, доминирование клановых интересов над государственными, при том что исламисты опираются на влиятельных представителей своего племени, занимающих нередко руководящие должности в стране. Мы уже говорили выше, что исламисты в прошлом оказали помощь нынешнему правящему режиму в борьбе против Южного Йемена, что позволило некоторым из них занять важные посты в силовых структурах. Недовольство многих офицеров йеменской армии, подготовленных баасистами в Ираке, сотрудничеством президента Салеха с США в борьбе с терроризмом также может рассматриваться в качестве сдерживающего фактора по противодействию распространению в Йемене радикального исламизма.

Для обеспечения лучшего контроля над силовыми структурами и армией лидер страны вынужден назначать на руководящие посты своих близких родственников. Так, его сын Ахмед возглавил Республиканскую гвардию, брат лидера страны Али Салех – командующий ВВС, другой брат Али Мухсин – командующий войсками Северо-Запада Йемена. Двое племянников президента Салеха занимают руководящие посты в спецслужбах страны. Делая ставку на своих родственников, президент оказался как бы между оппозиционно настроенными представителями лишенных власти влиятельных племен и набирающими силу исламистами.

Современная стратегия «Аль-Каиды в Йемене» сводится к агрессивным пропагандистским кампаниям, сочетающимся с показательными террористическими акциями. Ее основные «мишени» – западные туристские группы, армейские контрольно-пропускные пункты, объекты нефтедобывающей индустрии, посольства западных государств и жилые комплексы для иностранцев. Именно та-

кими способами исламисты стремятся ослабить позиции официальных властей.

«Аль-Каида в Йемене», осознавая невозможность в настоящее время на равных вести борьбу с режимом Салеха, опирающегося на поддержку Вашингтона, строит свои планы в расчете на долгосрочную перспективу. Ожидая, пока государство само придет к социально-экономическому краху, радикалы приобретают поддержку лидеров племен, пополняют свои ряды добровольцами, готовыми в нужный момент перейти к решающей стадии борьбы.

«Азия и Африка сегодня», М., 2010 г., № 7, с. 36–40.

Г. Валиахметова,

востоковед

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАКТОВКИ ДЖИХАДА

Современный исламский мир не является единым не только в плане различий в уровне социально-экономического развития, политической ориентации и т.п., но и в том отношении, что в настоящее время его судьбы и характер отношений с внешним миром определяет внутренняя борьба трех проектов – либерального (модернистского), фундаменталистского («возрожденческого») и традиционалистского (ортодоксального).

Либеральный (модернистский, вестернизированный) проект предполагает перенос на почву исламских стран так называемых общечеловеческих (реально западных по своему происхождению и сути) форм социальной жизни – от парламентов до ограничения рождаемости при одновременном изменении самого ислама, с тем чтобы он был идеологией, мобилизующей граждан или подданных на реализацию этих форм. Этот проект характерен в первую очередь для правящих режимов в таких странах распространения ислама, как Турция, Иран при президенте М. Хатами, Саудовская Аравия.

Фундаменталистский («возрожденческий») проект сформировался во многом в качестве альтернативы как Западу, так и либеральному исламу. Для него характерны оппозиционность правящим режимам, опора на жесткое толкование предписаний ислама, экспансия политическая (стремление к установлению истинно исламской власти в мусульманских странах) и территориальная (продвижение на новые территории). Фундаментализм – это не некое отступление от ислама, как это пытаются утверждать

его противники, а один из его вариантов, черпающий право на существование в тех источниках, которые одни только и могут быть авторитетами для мусульманина, – Коране, Сунне Пророка Мухаммада, опыте Праведных Халифов.

Оба эти проекта реализуются в ходе взаимной борьбы на фоне традиционалистского (ортодоксального) ислама, который принимает сложившийся на нынешний день статус-кво и не предполагает никаких резких трансформаций в сфере внутренней или внешней политики.

Для внешнеполитической концепции фундаментализма характерно деление мира на три части: *дар-аль-ислам* («земля ислама»), *дар-аль-харб* («земля войны») и *дар-аль-сульх* («земля мирного договора»). К «земле ислама» относятся страны с подавляющим большинством мусульманского населения, которое находится под властью мусульманских правителей, где жизнь *уммы* полностью регулируется шариатом. Немусульманское население (*зимми*) может проживать на этих территориях, но оно находится в подчиненном положении и должно платить особый налог (*джизью*). «Земля войны» – это страны с немусульманским и мусульманским населением, находящиеся под властью «неверных». Священная обязанность мусульман, по мнению фундаменталистов, – превратить «земли войны» в «земли ислама» путем ведения вооруженной борьбы (джихада). На этих территориях запрещено убивать женщин и детей, если они не сражаются против мусульман (как показывает практика, последний принцип не соблюдается). «Земля мирного договора» – это страны, где правят «неверные», но мусульманское население обладает гражданскими, в том числе религиозными, правами и свободами и не подвергается профессиональной дискриминации.

Лозунг джихада как борьбы за торжество ислама во всемирном масштабе декларируется лишь крайними фундаменталистами, к числу которых можно отнести аятоллу Хомейни, Г. Хекматиара, С. Кутба, Абу Нидаля, режим талибов в Афганистане, ряд «ваххабитских» организаций Северного Кавказа и т.п.

Сейид Кутб, принадлежавший к числу лидеров организации «Братья-мусульмане», являлся одним из крупнейших теоретиков исламского фундаментализма вообще и исламского экстремизма в частности. Идеи и концепции, выдвинутые им, оказали и продолжают оказывать самое серьезное влияние на идеологов «исламского возрождения», на теорию и практику различных исламских организаций. В своих трудах С. Кутб отводит существенное место

вопросу о джихаде (вооруженной борьбе) и прослеживает эволюцию этого понятия со времен Пророка Мухаммада. Суры Корана, касающиеся вопросов джихада и зачастую противоречащие друг другу, он выстраивает в хронологическую цепочку в соответствии с порядком их «ниспослания». В итоге у него получается схема, согласно которой в развитии этого понятия было четыре стадии. В мекканский период жизни Мухаммада Аллах удерживал мусульман от вооруженных действий; после Хиджры они стали для них дозволенными; на третьей стадии сражаться против тех, кто отвергает ислам, было уже обязанностью верующих; наконец, на четвертой джихад против неверных, независимо от того, выступают они против ислама или нет, стал долгом мусульман. Исходя из своей схемы, С. Кутб делает вывод, что первые три стадии были подготовительными, на четвертой же концепция священной войны получила законченную форму, которой и надлежит руководствоваться «истинным» мусульманам в наше время.

С. Кутб выделяет три характерные черты джихада: во-первых, он не ограничен рамками какой-либо эпохи или исторического периода («Джихад есть не временная стадия, а вечное состояние...»), «Джихад продолжается до дня Страшного суда...»); во-вторых, он не знает национальных границ, географических барьеров, расовых ограничений («Ислам не есть наследие какой-либо одной расы или страны. Это религия Аллаха, и она предназначена для всего мира»); в-третьих, джихад – война не оборонительная, а наступательная. Ислам обязан атаковать Джахилию независимо от того, угрожает она ему или нет.

Таким образом, из всех возможных трактовок джихада С. Кутб выбирает самую радикальную и последовательно развивает ее. Вооруженная борьба должна начаться вскоре после образования сообщества «истинных» мусульман и продолжаться до полной и окончательной победы ислама во всем мире: она не знает каких-либо границ и отрицает в принципе возможность мирного сосуществования с неисламским обществом.

С. Кутб не исключает и метод убеждения как составляющую джихада. Первым шагом в борьбе за обращение людей в ислам должны стать пропаганда формулы «Нет бога, кроме Аллаха...» и внедрение ее в сознание. Это основной момент, из которого все вытекает и с которого все должно начинаться. В доказательство он ссылается на то, что суры мекканского периода (т.е. хронологически первые суры Корана) акцентируют именно веру, ее ключевые моменты. Принятие законов, детализация отдельных положений

происходят позже, в мединский период, когда вокруг Мухаммада уже образовался прочный костяк. После того как люди усвоят формулу «Нет бога, кроме Аллаха...», повиновение исламским законам и следование исламскому образу жизни придут автоматически, без особых усилий, ибо верующему легко выполнять религиозные предписания. «Совершенно необходимо, чтобы сердца людей были открыты исключительно одному Аллаху, чтобы они принимали его законы с полным смирением и отвергали все иные законы с самого начала, даже до того, как им станут известны детали (исламской системы)».

Аналогичных взглядов придерживался «террорист № 1» 1970-х годов Абу Нидааль, который открыто призывал «совершенствоваться в искусстве убивать неверных» и утверждал, что среди них не может быть тех, «кто испытывал бы добрые чувства к мусульманам». Как и С. Кутб, А. Нидааль полностью исключал возможность диалога цивилизаций и настаивал именно на силовых методах разрешения международных проблем. Он считал, что каждый мусульманин, способный держать в руках оружие, должен участвовать в войне. «Если же человек не может вести джихад физически и уничтожать неверных на поле боя, он должен вести борьбу своими средствами, пером и языком». Ссылаясь на Коран и Хадисы, А. Нидааль предлагал целую систему мер, которые могут помочь мусульманину в его борьбе с «неверными». Итак, в отношениях с «неверными» мусульманину не следует уподобляться им в одежде и языке, посещать страны «неверных» и проживать в них (если только он не ведет тайную борьбу), оказывать им помощь или доверие (например, назначать на важные посты), использовать их календарь, чтить их обычаи, восхвалять достижения их культуры и цивилизации.

Абу Нидааль представлялся бескомпромиссным борцом за исламскую идею. На самом же деле террор стал для него бизнесом, на котором были заработаны сотни миллионов долларов. Аналогичный вывод напрашивается и в ходе анализа деятельности главного террориста современности Усамы бен Ладена.

Таким образом, можно утверждать, что нередко за провозглашаемыми лозунгами вооруженного джихада стоят определенные политические силы или экономические организации. В этой связи наиболее показателен, на наш взгляд, феномен ваххабизма. О ваххабитском течении ислама в последние годы говорят очень много, причем не столько в связи с собственно ваххабизмом Саудовской Аравии, сколько об организациях с тем же названием (са-

моназванием или эпитетом) в других частях мусульманского мира, прежде всего на постсоветском пространстве. Термин «ваххабизм» может пониматься в двух значениях: 1) собственно ваххабизм – учение Мухаммада бен Абд аль-Ваххаба и его аравийских последователей (аравийский ваххабизм); 2) собирательный термин, обозначающий все течения Нового и Новейшего времени, которые укладываются в определение возрожденческого направления в исламе, включая и те, которые в большей или меньшей степени связаны с аравийским ваххабизмом (неоваххабизм).

Основными положениями ваххабизма XVIII в. являлись: очищение ислама от нововведений и возврат к первоначальному исламу времен Пророка Мухаммада; отказ от культа святых, поскольку только Аллах достоин поклонения; строгое соблюдение морально-этических норм ислама, осуждающих стяжательство, роскошь, блуд, пьянство и т.д.; проповедь мусульманского единства, братства, социальной гармонии; пропаганда джихада против язычников, к которым относились и мусульмане, отошедшие от принципов «чистого», первоначального ислама. Ваххабитам XVIII в. были присущи фанатизм и экстремизм в борьбе со своими противниками во имя установления власти, которая должна руководствоваться исламскими законами, ибо иное правительство не имеет права на существование, поскольку политика и ислам не могут существовать раздельно. Джихад в идеологии ваххабитов занимает особое системообразующее положение. Во-первых, он трактуется прежде всего как вооруженная борьба; во-вторых, ведение джихада вменяется в обязанность каждому мусульманину (естественно, физически и умственно способному к этому); в-третьих, объект джихада – *кафиры* («неверные»).

Исторически ваххабизм явился идейным столпом Саудовского государства: до начала XX в. он играл роль объединяющей идеологии в процессе сплочения аравийских племен. Однако в 1929 г началось принципиальное размежевание монархии с экстремистским духовенством. И хотя ваххабизм является господствующей в Саудовской Аравии идеологией, главные положения раннего ваххабизма отвергнуты нынешними саудовскими властями, которые официально осуждают экстремизм и взаимную нетерпимость между мусульманами и представителями других религий. Сейчас религиозная среда Саудовского королевства чрезвычайно дифференцирована, а его граждане называют себя не ваххабитами, а *салафийун* – последователями веры праведных предков.

«Неоваххабизм» в мусульманских регионах СНГ представлен весьма разнородными организациями и общинами, связанными с аравийским ваххабизмом лишь общим пониманием «оздоровления» мусульманского общества путем обращения к установке раннего ислама. Применение к ним терминов «ваххабиты» или «неоваххабиты» является крайне условным и указывает лишь на их общую принадлежность (вместе с аравийскими ваххабитами) к возрожденческому (фундаменталистскому) течению в исламе, но не на идейную близость к ваххабизму Мухаммада бен Абд аль-Ваххаба. Соответственно и провозглашаемые ими лозунги джихада («священной войны») являются скорее одним из средств реализации неких экономических и геополитических интересов, зачастую не связанных с истинными религиозными устремлениями.

Среди комплекса причин возникновения альтернативных исламских организаций и движений, в том числе и ваххабитского типа, следует особо отметить международные исследовательские центры и фонды, промышленные корпорации и финансовые группы, спецслужбы США и государств НАТО, цель которых – создание благоприятных экономических и геостратегических условий для соответствующих немусульманских стран в мусульманских регионах. Так, например, ряд исследователей связывает активизацию ваххабитов с деятельностью международных нефтяных корпораций и финансовых групп вокруг каспийской нефти. По их мнению, объединение Чечни и Дагестана в независимую от России конфедерацию позволит последней получить в собственное владение значительную часть Каспия и претендовать на роль одного из крупнейших нефтяных государств региона. А пока, имея такой рычаг, как нестабильная и воинственная Чечня, можно затевать многоходовые биржевые комбинации, основанные на использовании управляемого «фактора нестабильности». Мусульманские лидеры, конечно, понимают эту игру и ее цели, но некоторые делают вид, что верят в искренность западных политиков, по крайней мере, пока интересы совпадают.

Иностранные государства используют все возможные средства для укрепления позиций на постсоветском пространстве. И вполне естественно, что они разыгрывают ваххабитскую карту там, где это наиболее перспективно. Сейчас это наиболее целесообразно на Северном Кавказе. Между тем российские СМИ поднимают вопрос о «ваххабитской угрозе» региону и СНГ. Но если такая угроза и существует, то исходит она не от собственно ваххабитов или тех людей, которых именуют таковыми. Ими управляют

политики и международные (в том числе российские) коммерческие структуры, борющиеся за выгодные рынки. А в условиях массового обнищания, нестабильности и почти безвластия или недоверия к властям появляется все больше людей, готовых искренне принять идеалы современного ваххабизма или условия предложенной игры, в том числе и за соответствующее вознаграждение.

Некоторые современные концепции джихада представляют собой, в сущности, лишь теологическое оформление националистических концепций (защита арабской родины и т.п.). «Самопожертвование солдата, продиктованное чувством патриотизма, может рассматриваться подчас как лучшее свидетельство искренности веры, чем самоотверженность муджахида, который отдает свою жизнь за вознаграждение в будущей жизни», – считает лидер Ливийской Джамахирии М. Каддафи.

Построение сильного, экономически и политически независимого государства – именно эта цель лежит в основе ряда фундаменталистских концепций. «Лучше трудная, но достойная жизнь, чем рабство в позолоченной клетке», – утверждал аятолла Хомейни. По словам президента Туниса Хабиба Бургибы, который одновременно является верховным муфтием страны, «на данном этапе развития джихад – это достижение такого экономического и военного потенциала, который мог бы противостоять любой иностранной экспансии». Под джихадом может пониматься также кампания за ликвидацию неграмотности или осуществление программы экономического развития. Лидер Палестинской национальной автономии Ясир Арафат заявлял, что любовь к своей родине есть признак Веры. Только тот, кто стремится к созданию Палестинского государства, является настоящим мусульманином. Доктрина джихада может браться на вооружение и патриотическими силами. Об этом свидетельствует, например, участие шиитского движения «Амаль» и ряда других шиитских организаций в Ливане в борьбе против израильской оккупации и иностранной интервенции под эгидой «международных сил».

Учитывая стремление народов стран традиционного распространения ислама к миру, сторонники ортодоксального (традиционалистского) ислама и умеренного фундаментализма настоятельно подчеркивают, что разработка военных вопросов в исламе преследует исключительно оборонительные меры. Международные исламские организации в своих резолюциях значительное место уделяют вопросам мирного разрешения межгосударственных конфликтов, обеспечения международного мира и безопасности.

«Джихад, – подчеркивает верховный кади Иордании Абдаллах Гауша, – это война с благородными побуждениями и намерениями. Она может вестись лишь на пути Аллаха с целью защиты религиозных святых и родины. Что касается обычной войны, то она чаще всего ведется ради притеснения и агрессии... ради удовлетворения алчных и низменных appetitов».

Подход к джихаду как к оборонительной войне против империализма и иностранной (в частности, израильской) агрессии лежит в основе так называемой «исламской военной доктрины». По мнению исламских ортодоксальных богословов, основы «исламской военной доктрины» были созданы Пророком Мухаммадом во исполнение воли Аллаха. «Аллах хотел, чтобы исламская умма стала сильной и мощной, – пишет шейх Мухаммад Махфуз. – Он предписал ей джихад, приказал осуществлять подготовку сил для устрашения врагов и определил основные принципы организации военного дела для защиты религии и отпора агрессии». Разработка «военной доктрины ислама» носит в основном теоретический характер.

В то же время стремление определенных мусульманских кругов, прежде всего нефтедобывающих стран, претворить ее в жизнь очевидно. Разработка доктрины отражает также и общее стремление мусульманских государств укрепить свои позиции на мировой арене и использовать ислам для урегулирования все чаще возникающих конфликтов между мусульманскими странами. Противоречивый характер самой доктрины отражает диалектическое взаимодействие двух тенденций политики стран мусульманского мира: с одной стороны – консолидироваться и обособиться, с тем чтобы проводить политику балансирования между «великими державами», а с другой – вписаться в мировое сообщество на условиях, наиболее выгодных для правящей элиты мусульманских стран.

Либеральный (модернистский) ислам исключает военные аспекты из понятия джихада, выдвигая в качестве его главной цели укрепление национальной независимости путем осуществления программ социально-экономического развития. Поэтому и джихад («приложение усилий на пути Аллаха») сводится к реализации вполне конкретных социально-экономических и политических задач: борьба за урожай, за повышение производительности и качества труда; борьба с эрозией почв; ликвидация неграмотности; повышение образовательного и культурного уровня священнослужителей и т.д. Пропаганда ислама предполагает только мирные

методы – словом, делом, мудростью, всеми современными средствами воздействия и массовой информации. В принципе фундаменталистский и традиционалистский ислам также не отрицают важности социально-экономических аспектов джихада. «До тех пор пока вы обращаетесь к другим за помощью в развитии передовой индустрии, вы до конца жизни будете жить, прося подаяния, а ваши предприимчивость, инициатива и творческие способности не получают своего развития, – писал аятолла Хомейни. – Занимайтесь созидательной деятельностью на полях, в деревнях и на заводах, ибо в этом заключается главное служение Аллаху».

Однако отличие в подходах к экономическим аспектам джихада между фундаменталистским, традиционалистским и модернистским исламом заключается в том, что идеологи возрожденческого и ортодоксального ислама отводят экономике второстепенную роль по сравнению с военным фактором, а также исключают возможность сотрудничества со странами *дар-аль-харб* («земли войны»). «Правительство и армия должны стремиться посылать надежных студентов в те страны, которые имеют крупную передовую промышленность, но не являются ни эксплуататорами, ни колонизаторами, – наставлял аятолла Хомейни. – Избегайте посылать студентов в США и СССР, а также в другие страны, идущие в фарватере их политики».

Ярким примером страны, взявшей на вооружение принципы либерального (модернистского) ислама, является Иран, где с приходом к власти М. Хатами (1997) успешно реализуются на практике две предложенные им идеологические концепции – «исламского гражданского общества» и «диалога цивилизаций».

В среде мусульманских богословов, идеологов и политических деятелей так называемого секуляристского толка идея джихада понимается исключительно как нравственное и духовное совершенствование человека – Великий Джихад. Секуляристы утверждают, что ислам – это религиозно-мировоззренческая система, которая, как и любое другое духовное учение, не должна развиваться с оглядкой на политику и экономику – факторы, подчиняющиеся действию определенных объективных законов и субъективных, в частности материальных, интересов. «Исламский мир не считает себя мировой державой, которая стремится использовать свою силу для географической экспансии или для навязывания своей системы другим народам. Именно это мы пытаемся подчеркнуть и надеемся, что нам удастся доказать, что Джихад не означает священную войну. Джихад – это призыв к борьбе с самим

собой, чтобы лучше владеть собой, контролировать себя во имя блага, а не во имя зла», – таково мнение принца Саудовской Аравии Сауда аль-Фейсала.

Воспитание нравственности, соответственно, исключает методы насилия. «Господство над умами и сердцами нуждается в других, чем меч, средствах», – считает декан факультета шариата университета «Аль-Азхар» шейх Абдель Басита. Теологам секуляристского толка принадлежит большая роль в деле развенчания бытующего на Западе мифа об изначальной агрессивности ислама. «Ислам для нас больше, чем объективный социологический параметр, больше, чем абстрактная культурная ценность, – пишет бывший Генеральный секретарь Организации Исламская конференция М. Шатти. – Это способ существования, способ быть, бороться и надеяться».

Таким образом, мы можем констатировать наличие широкого спектра трактовок джихада в современных теологических и политических исканиях ислама. При этом содержание данного термина зависит прежде всего от политических воззрений богословов и политиков, от целей и задач, стоящих перед различными мусульманскими государствами на различных этапах их истории. В целом в трактовании джихада радикальный фундаментализм ведет речь о распространении ислама прежде всего силовыми методами: превращение *дар-аль-харб* («земли войны») в *дар-аль-ислам* («земли мира»), в то время как умеренное возрожденчество и ортодоксальный (традиционалистский) ислам интерпретируют джихад как оборонительную систему. Ортодоксальный ислам не отрицает также и значимости экономических аспектов джихада, чем становится близок к модернистскому направлению, возводящему экономическое процветание родины в ранг первостепенных задач *уммы* в целом и каждого мусульманина в частности. Пожалуй, единственное, что объединяет все идеологические течения, это их общая цель – построение сильного независимого государства. Расхождения же касаются методов ее реализации (вооруженная наступательная война, оборонительная война и пропаганда, социально-экономические и культурные преобразования и т.п.). Коран, ссылки на который являются главным аргументом в современных теологических и политических дискуссиях вокруг термина «джихад», дает основу для весьма противоречивых толкований. На этом фоне все больше в тень уходит идея Великого Джихада.

*«История и современность»,
М., 2010 г., № 1, март, с. 178–189.*

**СПИСОК СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В БЮЛЛЕТЕНЕ
«РОССИЯ И МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР»
В 2010 г. № 1(211)–12(222)**

№ 1(211)

Президент Д.А. Медведев: Видны ли признаки нового курса?; *Владимир Пантин*. Факторы дестабилизации современного мирового порядка и политические риски для России; *Владимир Галицкий*. Радикализация ислама на Юге России; *Абаз Осмаев*. Религиозный фактор в жизни Чеченской Республики; *Игорь Добаев*. Геополитические трансформации в Кавказском регионе в постсоветский период; *Марина Михалёва*. Каспий – зона соперничества или сотрудничества?; *И.Федоровская*. Современная политическая ситуация в Азербайджане; *Сергей Маркедонов*. Кавказские приоритеты внешней политики Казахстана; *Н. Борисов*. Формирование позитивного образа России в Киргизстане; *Санобар Шерматова*. Москва и Ташкент: Причины «особых» затруднений; *Ирина Дубовицкая*. Роль русского языка на территории Средней Азии: Взгляд из Таджикистана; *Алексей Малащенко*. Тупики интеграции в Центральной Азии; *Рашид Абдулло*. Интеграция Центральной Азии – кому это выгодно?; *А. Лавров*. Ислам и религиозно-политические организации в Афганистане; *Эльдар Касаев*. Топкое болото иракской коррупции; *И. Фадеева*. Турция: Противостояние исламизации и секуляризма; *С. Серёгичев*. Политический кризис в Судане: Текущая ситуация и сценарии развития; *Павел Трунин*, *Марина Каменских*, *Маргарита Муфтяхетдинова*. Исламская банковская система: Анализ масштабов ее распространения в России и за рубежом; *Г. Прозорова*. Россия и региональные организации Ближнего Востока и мусульманского мира.

№ 2(212)

Андрей Загорский. Нашла ли Россия новое место в мировой политике?; *Дарья Халтурина*, *Светлана Кобзева*. Геополитические перспективы России в условиях социально-демографического кри-

зиса; *В. Зорин, А. Рудаков*. Проблемы противодействия вызовам религиозного экстремизма в России; *Лилия Сагитова*. Ислам в постсоветском Татарстане; *Найма Нефляшева*. От традиции к модернизации ислама в Адыгее; *Каflan Ханбабаев, Р. Мамараев*. Исламизация Дагестана: Миф или реальность?; *С. Передерий, А. Мозговой*. Этническая миграция на Северном Кавказе: Угрозы российской государственности; *Камалудин Гаджиев*. Кавказ: Между единством и фрагментацией; *Н. Миллер*. Каспийский регион: Проблемы и перспективы; *Рустам Махмудов*. «Большая игра» в сердце Центральной Евразии: Новый виток конкуренции; *Очл Захидов*. О геополитических приоритетах современного Таджикистана; *Владимир Парамонов, Алексей Строков, Олег Столповский*. Внешняя политика России в Центральной Азии: Взгляд из Узбекистана; *Василий Белозёров*. Страсти по воде и Центральная Азия; *М. Карамихова*. Ислам в Болгарии; *А. Драганов*. Иран как региональный геополитический игрок; *Е. Мелкумян*. Персидский залив: Влияние ислама на взаимоотношения стран региона; *И. Яшин*. «Братья-мусульмане» в Египте: От радикальности к умеренности; *О. Трофимова*. Мусульмане и ислам в Западной Европе.

№ 3(213)

В. Стёпин. Эпоха цивилизационных перемен и диалог культур; *А. Буттаева*. Ислам в России и глобализация; *Александр Игнатенко*. Угроза свободе совести с неожиданной стороны: Ваххабизм в России; *А. Юнусова*. Внедрение радикальных идеологий в массовое сознание российских мусульман; *Павел Святенков*. Чечня: Точка уязвимости для России; *Хизри Адзиев, Нариман Гасанов*. Русский вопрос в Республике Дагестан; *В. Панин*. Роль Азербайджана в политике США на Кавказе; *Ж. Нургалиева*. Казахстан: К вопросу о конфликте идентичностей; *Н. Федулова*. Россия и страны Центральной Азии; *Б. Бабаджанов*. «Исламское движение Узбекистана»: Джихад как идеология «изгоев»; *А. Разливаев*. Турция: Возрождение религиозных общин; *Вячеслав Белокреницкий*. Пакистан – «провальное государство» в Азии?; *Хак Мехаммад Сайфул*. Политический ислам в Народной Республике Бангладеш; *Б. Долгов*. Радикальный исламизм в Алжире, Марокко и Тунисе; *Роберт Ланда*. Политический ислам и западное общество.

№ 4(214)

Специфика вхождения России в глобализирующийся мир: Есть ли у России национальная элита? (По материалам «круглого стола» журнала «Москва»); *Р. Шарипова*. Исламское возрождение в Татарстане: Проблемы и перспективы; *Р. Герман*. Российская геополитика на Северном Кавказе: Политизация неполитического; *Э. Аетдинов*. Этнополитическая мобилизация как реакция крымско-татарского национального движения на внешние вызовы; *Есбосын Смагулов*. Участие этнических и религиозных групп в политической жизни Казахстана; *С. Горак*. «Великое возрождение»: Продолжение идеологической традиции Туркменистана; *Евгений Абдуллаев*. Русский язык, политика и общество в современном Узбекистане; *В. Корзун*. Афганистан: Послевыборное похмелье; *Д. Нечитайло*. «Аль-Каида» в Ираке; *Юрий Каграманов*. Вокруг «иранской идиомы»; *Е. Деминцева*. Миграционная политика Великобритании и Франции; *К. Азимов*. Сирия и Турция: От конфронтации к сотрудничеству; *А. Саватеев*. Африка: Исламский фактор во властных отношениях; *Наталья Нырова*. Интеграция с исламским правом: Бизнес по шариату?; *Семед Семедов*. Исламский радикализм в современном мире: Сущность и причины возникновения.

№ 5(215)

Александр Агеев. Будущее России: В тисках истории, хаоса и сценариев; *Марк Урнов*. Условия дестабилизации в России следует искать в элитах; *Э. Королёва*. Ислам и православие в России: Сотрудничество или столкновение?; *С. Бережной*. О политизации мусульманских объединений на Юге России; *Ильдар Мавляутдинов*. Трудовая этика ислама в Татарстане; *Кафлан Ханбабаев*. Исламская радикальная элита в Дагестане; *Александр Баранов*. Глобализация на пространстве Каспийского региона в начале XXI в.; *Р. Мухаметов*. Национальные интересы России в постсоветской Средней Азии; *Сауле Уалиева*. Межэтнические браки в полиэтничных регионах Казахстана; *В. Харченко*. Влияние кавказского конфликта 2008 г. на этнополитическую ситуацию в Киргизии; *Д. Файзуллаев*. США – Центральная Азия: Перевалочный пункт или плацдарм?; *Д. Нечитайло*. «Аль-Каида» в Ираке. (Продолже-

ние); *М. Гусев*. Индонезия на стыке цивилизаций; *М. Видясова*. Северная Африка: Власть, ислам, политические игры; *В. Орлов*. Марокко: Монархия и ислам в условиях многопартийности; *С. Сергачёв*. Исламизм, военная хунта, управляемая демократия? (О возможных вариантах развития Республики Судан); *Светлана Погорельская*. Турецкая община в ФРГ: Между интеграцией и исламом; *Р. Шарипова*. Мусульмане в межконфессиональном диалоге (конец XX – начало XXI в.).

№ 6(216)

Имидж России в современном мире. (По материалам круглого стола журнала «Вестник аналитики»); *А. Юнусова*. Ислам в России; *Екатерина Макарова*. Образ административно-политической элиты глазами населения Татарстана; *Г. Клочков*. Внутренние причины этнополитических конфликтов на Юге России; *З. Дзарахова*. Ингушетия на рубеже XX–XXI вв.: Этнополитические и геополитические реалии; *Камалудин Гаджиев*. Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа; *Г. Новрузова*. Азербайджанцы в Российской Федерации; *К. Ханбабаев, Р. Мамараев*. Геополитические процессы вокруг Каспия; *Салтанат Ермаханова*. Модернизация казахстанского общества: Стимулы и барьеры; *Андрей Большаков*. Взаимоотношения Киргизии с республиками постсоветской Центральной Азии; *Елена Ионова*. Влияние внешних факторов на отношения России и Туркмении; *Е. Кузьмина*. Особенности внутривосточной и международной ситуации в Центральной Азии; *Ахмед Айдамиров*. Афганский конфликт обретает международные масштабы; *А. Разливаев*. Турция: Исламисты и армия; *А. Гончаров*. Этноконфессиональная ситуация в Ираке в 1990-е годы; *В. Кузнецов*. У китайских мусульман; *Алексей Громыко*. Устоит ли новый Вавилон? (Проблемы межцивилизационной интеграции Европы); *З. Абдулагатов*. Грозит ли исламу столкновение с христианством. (Доводы против «столкновения цивилизаций»); *С. Чудинов*. Феномен террориста-смертника.

№ 7(217)

Михаил Делягин. Что должен сказать России её президент; *Олег Михайленок.* Национальный суверенитет и российский федерализм: Становление новой международной системы в XXI веке; *Г. Мурклинская.* Противодействие современным угрозам на Юге России; *Г. Габдрахманова.* Российская исламская экономическая модель как альтернативная глобализация; *Р. Мусина.* Религиозное возрождение или конфессионализация сознания: К вопросу современной религиозной ситуации у татар; *В. Черноус.* Цивилизационно-культурный диалог на Кавказе; *П. Карабущенко.* Элиты и этноконфликты в геополитическом пространстве «Великого Каспийского региона»; *Н. Краснобаева.* Религиозная ситуация в Восточно-Казахстанской области; *Аскар Акаев.* Киргизстан: Сбылись ли ожидания?; *Зарина Дадабаева.* Таджикистан: Потенциал приграничного сотрудничества; *Владимир Месамед.* Иран – Узбекистан: Трудный диалог; *А. Малащенко.* Станет ли афганский кризис вечным?; *С. Дружиловский.* Внутренние факторы формирования внешней политики Ирана и Турции; *В. Орлов.* Марокко: Монархия и ислам в условиях многопартийности. (Окончание); *Ф. Плещунов.* Исламские экстремисты в университетах Великобритании; *Ольга Гордеева, Надежда Львова.* Исламская финансовая система; *Макка Албогачиева.* Хадж глазами этнографа; *Александр Мелихов.* Исламо-христианский диалог: Конфликт иллюзий.

№ 8(218)

«Заражение» модернизацией. (Колонка редактора журнала «Мир и политика»); *Юрий Белявский.* Идеологические разломы в массовом политическом сознании российского общества; *Николай Шмелёв, Валентин Фёдоров.* Россия – Запад: Требуется концепция ограниченного возмездия. (Взгляд экономистов); *Сергей Маркедонов.* Дагестан: Новая власть и старые проблемы; *Николай Медведев.* Что мешает этнополитической стабильности на Северном Кавказе?; *Асланбек Адиев, Владимир Колосов, Ринат Патеев.* Возрождение ислама в Крыму и в Черноморско-Каспийском регионе в целом; *С. Чернявский.* Российские приоритеты в Центральной Азии; *З. Ашимова.* Казахстан в системе интеграционных процессов Центральной Азии; *Ж. Ормонов.* Киргизия: Социально-

политическая характеристика населения; *Светлана Рязанова*. Политическая мифология в современном Узбекистане; *Юлия Кудряшова*. Культурно-религиозная самобытность Турции как фактор, ставящий под сомнение ее идентичность со странами ЕС; *Вячеслав Белокреницкий*. Внутренние и внешние детерминанты внешнеполитического процесса в Пакистане; *Л. Шкваря*. Российско-арабское сотрудничество: Формирование взаимных интересов; *Григорий Косач*. Саудовская Аравия в меняющемся мире; *М. Вагабов*. Исламский фактор в современной геополитике; *Ольга Аль Каттан*. Женщина на Арабском Востоке.

№ 9(219)

Н. Баранов. Зигзаги постсоветской российской государственности; *Александр Белоусов*. Политическая пропаганда в современной России; *Владимир Семёнов*. Антиэкстремистская деятельность мусульманских религиозных организаций Поволжья; *Галина Хизриева*. Суфизм в России: Вирдовые братства Кадирийя на Кавказе; *В. Колосов*. Российский геополитический дискурс о Северном Кавказе и общественное мнение; *Эмиль Агаев*. Кто такие азербайджанцы. (Этнолирические заметки); *К. Балтабаева*. Этнополитический контекст современных казахстанско-российских отношений; *А. Назимов*. Политика «языкового ренессанса» в Таджикистане; *Л. Тимофеенко*. Туркменистан: Диверсификация маршрутов экспорта энергоресурсов; *Нурбек Атаканов*. Водно-энергетические проблемы в Центральной Азии; *Сулаймон Шохзода*. Механизмы безопасности в Центральной Азии; *В. Юртаев*. Иран: Геополитика и стратегия развития; *В. Шлыков*. Турецкие религиозные организации в Германии и проблемы интеграции турок в немецкое общество; *Д. Нечитайло*. Террористы-смертники в движении джихада; *Е. Гаврилина*, *А. Семедов*. Общая характеристика политического ислама.

№ 10(220)

В. Иноземцев. Модернизация России и глобализация; *Е. Брагина*. Модернизация и экономический рост в России не совпадают; *Илья*

Левяш. Есть ли у России союзники?; *Ирина Орлова.* Этнизация исторического знания на постсоветском пространстве; *С. Аккиева.* Ислам в Кабардино-Балкарской Республике; *Виталий Белозеров.* Трансформация этнодемографических и миграционных процессов на Северном Кавказе; *К. Ланда, С. Алибекова.* Современный терроризм в Каспийском регионе; *И. Бубнова.* Основополагающие принципы политики России в Центральной Азии в начале 2000-х годов; *Салтанат Ермаханова.* Социокультурные особенности населения Казахстана; *Ч. Койчуманова.* Формирование политических движений в Киргизстане; *Халимахон Хушкадамова.* Семейно-брачные отношения в Таджикистане; *С. Лузянин.* Россия и Китай в Центральной Азии: Конкуренция или сотрудничество?; *А. Курбаналиев.* Турецко-дагестанские отношения в XXI в.; *В. Ахмедов.* Военный и политический ислам на Ближнем Востоке; *А. Бочковская.* «Суфийский ренессанс» в современной Индии (на примере Панджаба); *Ю. Матвеев.* Этноконфессиональные проблемы развития индийского штата Джамму и Кашмир; *Вячеслав Белокреницкий.* Прерывание демографического перехода, взрыв агрессии и экстремизма... не исключаются.

№ 11(221)

А. Серапина. Влияние коррупции на политические процессы современной России; *Олег Яницкий.* Социальные ограничения модернизации в России; *Равиль Гайнутдин.* Ислам и проблемы безопасности на постсоветском пространстве; *А. Иванов, Н. Кирюшина, А. Рудаков, С. Устинкин.* Зарубежные неправительственные религиозно-политические организации, действующие на территории России; *А. Салагаев, С. Сергеев, Л. Лучшева.* Культурная и религиозная ситуация в современном Татарстане; *Ю. Дорохов.* Проблема исламского экстремизма на Северном Кавказе. (На примере Республики Дагестан); *С. Аккиева.* Ислам в Кабардино-Балкарской Республике; *А. Алиев.* Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе; *Баатр Китинов.* Религия в геополитике государств Каспийского региона; *Л. Мирзааде.* Цели внешней политики Азербайджана; *Салтанат Ермаханова.* Казахстан: Поиск собственной модели социокультурного развития; *Кадыр Маликов.* Вопросы модернизации исламских образовательных учреждений в Киргизстане; *Саодат Олимова,*

Музаффар Олимов. Мигранты из Таджикистана на фоне кризиса; *Саидакбар Агзамходжаев.* Современное состояние исламского образования в Узбекистане; *В. Аватков.* Роль Турции на постсоветском пространстве; *А. Кудрявцев.* Влияние внешнего фактора на внутривнутриполитические процессы современного Ирана; *Дмитрий Тренин, Алексей Малащенко.* Ситуация в Афганистане и Пакистане; *Е. Иноземцева.* Положение женщин в исламе; *Алексей Малащенко.* В исламе надо разбираться.

№ 12(222)

Дмитрий Медведев. Россия должна стать привлекательной; *Георгий Малинецкий.* Проектирование будущего и модернизация России; *Равиль Гайнутдин.* Россия и исламский мир: Взаимодействие через тесное сотрудничество. (Из доклада на международной конференции «Россия и исламский мир»); *Татьяна Литвинова.* «Информационный джихад» в глобальной сети; *Лилия Аишафуллина.* Роль Татарстана в создании европейского имиджа России; *Максуд Садилов.* Дагестан: Интеграция светского и религиозного знания; *Камалудин Гаджиев.* Станет ли Азербайджан вторым Кувейтом?; *Георгий Рудов.* Россия – Центральная Азия и радикальный ислам; *Е. Ионова.* Политический кризис в Киргизии; *М. Акилова.* Мировая демократия и Таджикистан; *М. Худоев.* Исламизм на постсоветском Памире; *А. Грозин.* Элиты Туркменистана и центральноазиатские кланы: Общее, особенное и трудности модернизации; *Елена Пономарева, Георгий Рудов.* Межэтнические отношения как фактор нестабильности в странах Центральной Азии; *Георгий Рудов.* Роль Турции и Ирана в Центральной Азии; *Стивен Бидл, Фотиния Кристиа, Александр Тайер.* Что такое успех в Афганистане. (Какой вариант приемлем для Соединенных Штатов); *Н. Кисовская.* Ислам в Западной Европе (межрелигиозный диалог); *Дмитрий Нечитайло.* «Аль-Каида» в Йемене; *Г. Валиахметова.* Современные трактовки джихада; Список статей, опубликованных в бюллетене «Россия и мусульманский мир» в 2010 г.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2010 – 12 (222)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 13/ХП-2010 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 11,0 Уч.-изд. л. 10,3
Тираж 500 экз. Заказ № 203

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел/ Факс (499) 120-4514
E-mail: market @INION.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)

